Ле Карре Джон

Шпион, вернувшийся с холода

Глава 1. Контрольно-пропускной пункт

Американец протянул Лимасу еще одну чашку кофе и сказал:

– Почему бы вам не пойти поспать? Мы позвоним, как только он появится.

Ничего не ответив, Лимас уставился в окно КПП на пустую улицу.

– Нельзя же ждать бесконечно, сэр. Может, он придет в другой раз. Берлинская полиция сообщит в агентство, и вы через двадцать минут снова будете тут.

– Нет, – сказал Лимас. – Уже почти стемнело.

– Но не ждать же вечно. Он опаздывает на девять часов.

– Хотите уйти – идите. Вы хорошо поработали, – добавил Лимас. – Я скажу Крамеру, что вы чертовски хорошо поработали.

– А сколько вы будете ждать?

– Пока он не придет.

Лимас подошел к наблюдательному окошку и встал между двумя неподвижными полицейскими. Их бинокли были привычно нацелены на КПП восточной стороны.

– Он дожидается, пока стемнеет, – пробормотал Лимас. – Уверен, что дело в этом.

– Утром вы говорили, что он придет с рабочими.

Лимас обернулся.

– Агенты – не самолеты. Они не прибывают по расписанию. Он провалился. Он в бегах. Он перепуган. Мундт висит у него на хвосте. Как раз сейчас. У него остался один-единственный шанс. И уж позвольте ему самому выбирать время.

Американец вздохнул, явно желая уйти, но находя это неудобным.

В домике зазвенел звонок. Они замерли, насторожившись. Полицейский сказал по-немецки:

– Черный «опель-рекорд» с федеральным номером.

– Он не мог разглядеть, слишком темно. Он просто догадался, – прошептал американец. – А как Мундт засек его?

– Заткнитесь, – сказал Лимас, глядя в окно.

Один из полицейских вышел из домика и направился к заграждению из мешков с песком в полуметре от белой демаркационной линии, разделявшей трассу, словно теннисную площадку. Другой подождал, пока напарник склонился к подзорной трубе, установленной за мешками, а затем опустил бинокль, снял с крючка возле двери черную каску и аккуратно водрузил ее на голову. Где-то наверху, над КПП, ожили прожекторы, заливая участок дороги театральными лучами света.

Полицейский начал докладывать. Лимас знал наперед, что тот скажет.

– Машина остановлена на первом контроле. Только один пассажир. Женщина. Препровождена к КПП для проверки документов.

– Что он сказал? – спросил американец.

Лимас молчал. Схватив запасной бинокль, он напряженно глядел в сторону восточногерманского КПП.

– Мистер Лимас, это ваш человек? – снова затеребил его американец. – Я должен позвонить в агентство.

– Погодите.

– А где сейчас машина? Что там происходит?

– Таможенный досмотр. Рутина, – отмахнулся Лимас.

Он не отрывал глаз от машины. Двое полицейских стояли у дверцы водителя. Один проводил опрос, другой вроде бы просто дожидался. Третий возился с машиной. Он поднял капот, затем вернулся к водителю. Ему нужен был ключ. Он открыл багажник, заглянул внутрь, закрыл, вернул ключ и двинулся вперед, туда, где метрах в тридцати от машины между двумя глядящими друг на друга КПП стоял одинокий часовой – почти квадратная фигура в мешковатых брюках и сапогах. Они о чем-то заговорили, исполненные уверенности, в ослепительном свете прожекторов.

Затем небрежно махнули машине. Машина подъехала к ним и остановилась посреди дороги. Они обошли ее кругом, опять о чем-то потолковали. Наконец с явной неохотой позволили ей пересечь границу с Западным сектором.

– Мистер Лимас, это ваш человек? – снова спросил американец.

– Да, это он.

Подняв воротник куртки, Лимас вышел на улицу. Дул ледяной октябрьский ветер. И тут он увидел толпу. В домике забываешь о них – недоумевающих, озадаченных лицах. Так выглядят беспомощные свидетели дорожной катастрофы: никто не знает, что произошло, никто не знает, можно ли прикасаться к телу. Между лучами прожекторов пробивался то ли дым, то ли пыль – вибрирующая пелена в рамке света.

Лимас подошел к машине и спросил:

– Где он?

– За ним пришли, и он скрылся. Он взял велосипед. Про меня они ничего не знали.

– Куда он отправился?

– У нас была квартирка в районе Бранденбургских ворот. Над рестораном. Он держал там кое-что – деньги, бумаги. Думаю, он поехал туда. А потом будет переходить.

– Сегодня ночью?

– Он сказал, что сегодня. Остальных всех взяли – Пауля, Фирека, Лендзера, Заломона. У него мало времени.

Лимас молча уставился на нее. Потом спросил:

– И Лендзера тоже?

– Прошлой ночью.

К Лимасу подошел полицейский.

– Вам придется отъехать отсюда, – сказал он. – Запрещено загораживать дорогу.

– Пошел-ка ты… – бросил через плечо Лимас.

Немец заметно напрягся, и женщина сказала:

– Садитесь в машину. Давайте доедем до угла.

Он сел рядом с ней, и они медленно поехали к ближайшей развилке.

– Не знал, что у вас есть машина.

– Машина мужнина, – равнодушно объяснила она. – Карл, конечно, не говорил вам, что я замужем? – Лимас молчал. – Мы с мужем работаем на оптическом заводе. Они позволяют нам заниматься бизнесом. Карл назвал вам мою девичью фамилию. Он не хотел, чтобы я.., чтобы я связывалась с вами.

Лимас достал из кармана ключ.

– Вам надо где-то остановиться, – сухо сказал он. – Вот ключ от квартиры на Альбрехт-Дюрер-штрассе, рядом с музеем. Номер 28-а. Там есть все, что вам может понадобиться. Я позвоню, как только он появится.

– Я подожду его вместе с вами.

– Я тут не останусь. Поезжайте на квартиру. Я вам позвоню. Не имеет смысла ждать его здесь.

– Но он будет переходить здесь.

Лимас удивленно поглядел на нее.

– Он так сказал?

– Да. Тут у него есть знакомый полицейский. Сын его бывшего помещика. Это может пригодиться. Поэтому Карл выбрал именно это место.

– И сказал об этом вам?

– Он мне доверяет. Он все рассказывает мне.

– О Боже!

Он отдал ей ключ, а сам снова отправился на КПП. Когда он вошел, полицейские зашушукались, а один, самый высокий, демонстративно отвернулся.

– Извините, ребята, – сказал Лимас. – Простите, что нахамил вам.

Он открыл обшарпанный портфель и пошарил в нем. Наконец нашел то, что искал, – полбутылки виски. Кивнув ему, старший полицейский взял бутылку, разлил виски в кофейные чашки и разбавил черным кофе.

– А куда подевался американец? – спросил Лимас.

– Кто?

– Тот парень из ЦРУ. Что был со мной.

– Пошел баиньки, – сказал старший, и все расхохотались.

Лимас поставил чашку на стол и спросил:

– У вас есть разрешение стрелять, чтобы прикрыть перебежчика? Если его преследуют.

– Нам разрешается открывать огонь только тогда, когда они обстреливают наш сектор.

– Значит, вы не можете стрелять, пока он не пересечет черту?

– Не имеем права, мистер…

– Томас, – представился Лимас. – Мистер Томас.

Они обменялись рукопожатиями, и полицейские тоже назвали свои имена.

– Не имеем права открывать огонь. Вот в чем штука. Нам говорят, что иначе начнется война.

– Чушь собачья, – вмешался тот, что помоложе. – Не будь тут союзников, Стены давно бы не было.

– И Берлина тоже, – буркнул старший.

– Сегодня ночью у меня перебежчик, – сказал Лимас.

– Здесь? На нашем КПП?

– Его нужно спасти во что бы то ни стало. За ним охотятся люди Мундта.

– Ну, через Стену можно кое-где перелезть, – заметил молодой полицейский.

– Нет, это не по нему. Он попытается перехитрить их. У него есть документы, если только их не засветили. И велосипед.

В будке была лишь одна настольная лампа с зеленым абажуром, но свет прожекторов, словно свет искусственной луны, заливал все помещение. За окном становилось все темнее и все тише. Они говорили так тихо, точно боялись, что их могут подслушать. Лимас встал у окна, глядя на дорогу и Стену прямо перед собой – грязное уродливое сооружение из кирпича, цемента и колючей проволоки, похожее на декорацию концлагеря. По обе стороны Стены тянулись не восстановленные кварталы Берлина – целое царство развалин, нарисованное в двух измерениях. Утесы минувшей войны.

Проклятая баба, думал Лимас, и этот идиот Карл, совравший ему про нее. Солгавший намеренно, как лгут они все – агенты во всех странах мира. Ты учишь их обманывать, заметать следы, а они заодно начинают обманывать и тебя самого. Карл показал ее только один раз – в прошлом году после ужина на Шюрц-штрассе. Он сыграл тогда свою козырную карту, и Контролер захотел поглядеть на него. Контролер любит удачливых агентов. Они ужинали втроем – Лимас, Контролер и Карл. Карлу такое нравилось. Он был похож на пай-мальчика из воскресной школы, начищенного, сияющего и почтительно снимающего шляпу.

Контролер минут пять тряс ему руку, говоря: «Карл, мы вами очень довольны. Помните, что мы чертовски довольны вами». Лимас глядел на них, понимая, что теперь Карлу прибавят еще пару сотен в год.

После ужина Контролер снова с воодушевлением пожал им руки, многозначительно кивнул и, намекнув, что ему сегодня предстоит рискнуть своей жизнью еще в одном месте, уселся на заднее сиденье служебной машины. И тут Карл рассмеялся, а глядя на него, расхохотался и Лимас. Они допили шампанское, продолжая со смехом вспоминать Контролера. А потом поехали на Альтер Фасе – на этом настоял сам Карл, – где их ждала Эльвира, властная сорокалетняя блондинка.

– Это, Алек, моя самая большая тайна, – сказал Карл.

Лимас рассвирепел. Оставшись одни, они бешено разругались.

– Что ей известно? Кто она такая? Как вы познакомились?

Карл надулся и отказался отвечать. После этого дела пошли скверно. Лимас попробовал было словчить: изменил места встреч и пароли, но Карлу это не понравилось. Он догадался, что за этим кроется, и разобиделся.

– Доверяете вы ей или нет, все равно уже поздно, – заявил он.

Лимас понял намек и предпочел заткнуться. Правда, теперь он был начеку: сообщал Карлу куда меньше, чем раньше, и значительно чаще прибегал к всевозможным уловкам, именуемым

техникой шпионажа. И вот она здесь – вылезает себе из машины, зная абсолютно все: агентов, явочные квартиры, все. И Лимас – увы, далеко не впервые – поклялся не доверять впредь ни одному агенту.

Он подошел к телефону и набрал номер своей квартиры. Трубку взяла фрау Марта.

– У нас сегодня будут гости, – сказал он. – Мужчина и женщина.

– Супруги? – спросила фрау Марта.

– Вроде того, – ответил он, и она засмеялась своим жутковатым смехом.

Как только он положил трубку, его окликнул один из полицейских:

– Мистер Томас, скорее!

Лимас шагнул к наблюдательному окошку.

– Мужчина, мистер Томас, – зашептал молодой полицейский, – на велосипеде.

Лимас поднес к глазам бинокль.

Это был Карл, даже на таком расстоянии ошибиться было невозможно. Одетый в старый плащ армейского образца, он вовсю жал на педали. «Прорвался-таки», – подумал Лимас. Карл уже прошел проверку документов, оставалась только таможня. Лимас видел, как Карл ставит велосипед у перил и с деланным равнодушием подходит к будке. «Не переигрывай, парень», – подумал он. Наконец Карл вышел из будки, дружески помахал человеку за барьером, и огни, белый и красный, лениво поехали вперед. Он прорвался, он ехал к ним – все удалось. Только часовой посреди дороги, а затем черта и полная безопасность.

И в это мгновенье Карл, похоже, услышал какой-то звук, почуял какую-то опасность. Оглянувшись через плечо, он низко склонился к рулю и принялся бешено жать на педали. Перед ним по-прежнему был лишь часовой на мосту, он обернулся и смотрел на Карла. И вдруг зажглись прожектора, белые и слепящие. Они взяли Карла на мушку, поймали в своих лучах, как ловят кролика автомобильные фары. Послышался океанский рев сирены, звук выкрикиваемых команд. Неподалеку от Лимаса двое полицейских опустились на колени, глядя в щели между мешками и быстро заряжая автоматические винтовки.

Восточногерманский часовой выстрелил в собственном секторе, очень аккуратно. Первый выстрел, казалось, подтолкнул Карла вперед, второй – отшвырнул назад. Но он все еще продолжал ехать мимо часового, а часовой продолжал стрелять в него. Потом он поник, рухнул наземь, и они довольно явственно услышали грохот упавшего велосипеда. Лимас молил Бога, чтобы они не взяли Карла живым.

Глава 2. Цирк

Лимас наблюдал, как остается внизу взлетная полоса аэропорта Темпельхоф. Он не был склонен к раздумьям или философствованию. Лимас знал, что он – человек конченый, и с этим обстоятельством ему впредь предстояло считаться, как человек считается с тем, что у него рак, или с тем, что его ждет длительное тюремное заключение. Он понимал, что нет никакого способа навести мост над пропастью между вчера и сегодня. Он принял свое поражение так, как когда-нибудь примет и смерть, – с циничной горечью и отвагой одиночки. Он продержался дольше, чем многие другие, теперь его победили. Говорят, что беззубая собака на свете не жилица; образно выражаясь, Лимасу выбили все зубы. И выбил их Мундт.

Десять лет назад, возможно, ему еще что-нибудь светило: есть и канцелярская работа в том безымянном правительственном учреждении на Кембриджской площади, которой Лимас мог бы заняться и проторчать на этой службе еще Бог знает сколько лет. Правда, такое было не по нему. С тем же успехом можно предложить жокею вести делопроизводство в конюшне. Лимас не смог бы променять оперативный простор на теоретические построения и интриги в

кулуарах Уайтхолла. Он оставался в Берлине, прекрасно понимая, что в конце каждого года в отделе кадров с пристрастием просматривают его личное дело, – упрямый, своевольный, он плевать хотел на инструкции, руководства, убеждая себя, что все как-нибудь образуется. В работе разведки существует один-единственный нравственный закон: цель оправдывает средства. С этим законом поневоле считались даже мудрецы из Уайтхолла, а Лимас умел добиваться цели, пока не появился Мундт.

Поразительно все-таки, как быстро Лимас сообразил, что именно Мундт начертал на стене его Валтасаровы письмена.

Ганс Дитер Мундт, сорока двух лет, место рождения Лейпциг. Лимас видел его досье, видел фотографию на внутренней стороне папки: жесткое, непроницаемое лицо, соломенного цвета волосы; знал назубок историю подъема Мундта на второй по значению пост восточногерманской разведки – на должность начальника оперативного отдела. Лимас знал это по рассказам перебежчиков и от Римека, который, как член Президиума СЕПГ, встречался с Мундтом на заседаниях Комитета безопасности и боялся его. Боялся Римек не зря – именно Мундт его и убил.

До 1959 года Мундт подвизался в разведке на третьих ролях, обитая в Лондоне под крышей Восточногерманской сталелитейной компании. Ему пришлось спешно удирать в Восточную Германию, убив перед этим двух своих агентов, чтобы спасти собственную шкуру. Потом о нем не было слышно больше года. А затем он внезапно выплыл в главном управлении разведки в Лейпциге главой бюджетного отдела, то есть стал заведовать финансами, оснащением и людьми, предназначенными для сугубо специальных заданий. В конце того же года в восточногерманской разведке разыгралась нешуточная битва за власть. Резко сократили количество советских инструкторов, соответственно упало и их влияние. Несколько работников из старой гвардии были уволены по идеологическим причинам, а три человека выплыли на самый верх: Фидлер в качестве главы контрразведки, Ян, которому достался прежний пост Мундта, и сам Мундт, получивший самый жирный кус – должность начальника оперативного отдела, – и это в возрасте сорока одного года. Работа пошла в новом стиле. Первым агентом, которого потерял Лимас, была молодая девушка. Она не играла в сети значительной роли, выполняя лишь функции связного. Ее пристрелили прямо на улице, когда она выходила из кинотеатра в Западном Берлине. Полиция, разумеется, не нашла убийцу. Да и сам Лимас поначалу вовсе не был склонен связывать ее смерть с работой своей шпионской сети. Но месяц спустя дрезденский вокзальный носильщик, бывший агент из сети Петера Гийома, был найден убитым и обезображенным возле путей. И Лимас понял, что это не случайное совпадение. Вскоре были арестованы и приговорены к смертной казни два агента из сети Лимаса. Так все и пошло – устрашающе и безжалостно.

И вот настал черед Карла Римека, и Лимас покидал Берлин с тем, с чем когда-то сюда явился – без единого мало-мальски стоящего агента. Мундт победил.

Лимас был коренастым мужчиной с коротко остриженными серо-седыми волосами и фигурой пловца. Физически он был очень силен. Эту силу можно было угадать по его спине и плечам, по шее и жилистым рукам с короткими пальцами.

К одежде он подходил весьма утилитарно, как, впрочем, и ко всему остальному. Даже очки, которые он порой надевал, были в дешевой стальной оправе. Костюмы носил в основном из синтетики, и ни один из них не был тройкой. Ему нравились американские рубашки с пуговками на воротнике и башмаки на резиновом ходу.

У него было приятное лицо – мускулистое и с волевой складкой у рта, маленькие карие глаза. Такие называют ирландскими. Распознать, кто он, было совсем не просто. Если ему случалось заглянуть в какой-нибудь из лондонских клубов, портье никогда не путал его с постоянными членами, а в берлинских ночных ресторанах ему без разговоров давали лучший

столик. Он выглядел человеком, с которым шутки плохи, который знает счет деньгам и своего не упустит, даже если придется действовать не совсем по-джентльменски.

Стюардесса нашла его интересным мужчиной. Она предположила, что он с севера Англии (и это, в общем, соответствовало действительности) и что он богат (а это действительности не соответствовало), что ему лет пятьдесят (и это было близко к истине) и что он одинок (а это было верно лишь наполовину: когда-то он разошелся с женой, где-то росли его дети, теперь уже подростки, и алименты на них перечислялись через один не совсем обычный банк в Сити).

– Если хотите еще виски, – сказала стюардесса, – вам следует поторопиться. Через двадцать минут мы приземлимся в Лондоне.

– Мне хватит.

Он даже не взглянул на нее. Он смотрел в окно на серо-зеленые поля Кента.

Фаули встретил его в аэропорту и повез в город.

– Контролер просто взбесился из-за Карла, – сказал он, искоса поглядывая на Лимаса.

Тот кивнул.

– Как это произошло?

– Его застрелили. Мундт достал его.

– Насмерть?

– Во всяком случае, сейчас он уже мертв. Хотелось бы надеяться. Все сорвалось в последний момент. Ему не следовало так жать на педали. Они ведь ничего не могли знать наверняка. Разведка прибыла на КПП, когда он уже прошел его. Они включили сирену, и часовой пристрелил его метрах в двадцати от линии. Упав, он еще шевелился, а потом затих.

– Разнесчастный сукин сын.

– Вот именно, – сказал Лимас.

Фаули не любил Лимаса. Впрочем, узнай Лимас об этом, ему было бы наплевать. Фаули был из тех, кто состоит в клубах, носит дорогие галстуки, дорожит реноме спортсмена и делает карьеру в разведке, ведя служебную переписку.

– Где вы сейчас служите? – спросил Лимас.

– В отделе кадров.

– И вам нравится?

– Чрезвычайно.

– А что теперь будет со мной? На свалку?

– Об этом лучше услышать от самого Контролера.

– Но вы в курсе дела?

– Разумеется.

– Тогда какого черта вы не скажете?

– Извините, старина, – важно проговорил Фаули, и Лимас почувствовал, что вот-вот сорвется. Но потом решил, что Фаули просто делает вид, будто что-то знает.

– Ладно, скажите мне только одну вещь, если вы не против: стоит ли мне подыскивать себе жилье в Лондоне?

Фаули почесал за ухом.

– Не думаю, дружище, не думаю.

– Нет? Ну и слава Богу.

Они припарковались на стоянке возле Кембриджской площади и вместе вошли в вестибюль.

– У вас, конечно, нет пропуска? Заполните-ка вот этот листок.

– С каких это пор у нас тут пропуска? Маккол знает меня как облупленного.

– Просто новые порядки. Вы же знаете, Цирк разрастается.

Ничего не ответив, Лимас кивнул Макколу и прошел в лифт без всякого пропуска.

Контролер пожал ему руку со всей осторожностью, точно врач, ощупывающий кость.

– Вы, должно быть, чудовищно устали, – извиняясь, сказал он. – Садитесь, пожалуйста.

Все тот же меланхолический голос, занудный и противный. Лимас уселся в кресло, лицом к оливково-зеленому электрокамину, на котором с трудом удерживался котелок с водой.

– Холодно, не правда ли? – спросил Контролер.

Он склонился над камином, потирая руки. Из-под черной куртки виднелся поношенный коричневый джемпер. Лимасу вспомнилась жена Контролера – маленькая глупая женщина, которая, по-видимому, полагала, что муж занимается черной работой. Джемпер она, наверное, связала ему сама.

– Холодно и сухо – вот что скверно, – продолжал Контролер. Он подошел к столу, нажал какую-то кнопку. – Посмотрим, не дадут ли нам кофе. У Джинни сейчас отпуск, вот что скверно. Они прислали мне какую-то новенькую. И это просто ужасно.

Он казался меньше ростом, чем помнилось Лимасу, а в остальном ни капли не изменился. Все та же нарочитая отрешенность, все те же старомодные выражения, та же боязнь сквозняков; плюс учтивость, соответствующая догмату, выработанному за тысячи миль от всего, чем жил Лимас. Та же молочно-белая улыбка, та же деланная скромность, та же конфузливая приверженность стилю поведения, который сам он якобы находил смешным. И та же банальность во всем.

Он достал из стола пачку сигарет, предложил Лимасу закурить.

– Довольно дорогие сигареты, – произнес он.

Лимас покорно кивнул, после чего Контролер положил пачку в карман. Они помолчали. Наконец Лимас сказал:

– Римек мертв.

– В самом деле, – отозвался Контролер таким тоном, словно Лимас удачно пошутил. – Нам очень не повезло. Чрезвычайно… Наверное, его заложила эта девица. Как ее… Эльвира? Должно быть, она.

Лимас не стал спрашивать, откуда Контролеру известно про Эльвиру.

– И Мундт пристрелил его, – добавил Контролер.

– Да.

Контролер поднялся и походил по кабинету в поисках пепельницы. Наконец нашел какую-то, поставил ее на пол между креслами.

– И что вы ощущали? Я имею в виду, когда на ваших глазах застрелили Римека. Вы ведь все видели, правда?

Лимас пожал плечами.

– Это было чертовски мерзко.

Контролер склонил голову к плечу, полузакрыв глаза.

– Наверное, вы почувствовали еще что-то? Наверняка вы были взбешены. Это был бы более естественно.

– Да, я был взбешен. А кто на моем месте не взбесился бы?

– Вам нравился Римек? Я имею в виду – как человек?

– Пожалуй что так, – мрачно сказал Лимас. – Думаю, сейчас нет смысла обсуждать это.

– Как вы провели ночь, вернее, конец ночи после того, как Римека застрелили?

– Послушайте, в чем дело? – вспыхнул Лимас. – К чему вы клоните?

– Римек был последним, – ответил Контролер, – самым последним из целой серии жертв. Если мне не изменяет память, все началось с девушки, которую застрелили у кинотеатра в Ведингe. Потом тот человек из Дрездена и аресты в Йене. Словно десять негритят. А теперь Пауль, Фирек и Лензер – все мертвы. И, наконец, Римек, – он зловеще улыбнулся. – Довольно существенные потери, не так ли? Я бы не удивился, узнав, что вы сыты по горло.

– Что это значит – сыт по горло?

– Я подумал, не устали ли вы. Не выдохлись ли?

Наступила долгая пауза.

– Это уж вам решать, – произнес наконец Лимас.

– Мы привыкли не выказывать сочувствия, верно? Да и как иначе? Мы заражаем друг друга этим бесчувствием, этой безжалостностью, но на самом-то деле мы не такие. Я имею в виду, что.., невозможно быть в действии бесконечно. Рано или поздно наступает пора, так сказать, уйти с холода… Вы можете взглянуть на это дело трезво?

Лимас мог. Он взглянул и увидел долгую дорогу за окраиной Роттердама, долгую прямую дорогу в дюнах и поток беженцев на ней, увидел крошечный самолет вдалеке за много миль, увидел, как шествие замерло и все уставились в небо, увидел, как самолет приблизился, четко вырисовываясь над дюнами, увидел хаос и разверзшуюся бездну ада, когда на толпу обрушились бомбы…

– Контролер, такие разговоры не по мне, – сказал наконец Лимас. – Чего вы от меня хотите?

– Я хочу, чтобы вы еще некоторое время не уходили с холода.

Лимас ничего не ответил, и Контролер продолжал:

– Этический принцип нашей деятельности, как я его понимаю, базируется на одной главной предпосылке. А именно на том, что мы никогда не выступаем агрессорами. Вы находите это справедливым?

Лимас кивнул: все что угодно, лишь бы не отвечать.

– И хотя порой мы делаем недостойные дела, мы всего лишь обороняемся. Это, я полагаю, тоже справедливо. Мы делаем недостойные дела, чтобы простые люди здесь и где угодно могли спать спокойно. Или это звучит слишком романтично? Разумеется, мы иногда делаем крайне недостойные дела. Просто грязные. – Он по-мальчишески ухмыльнулся. – А в рассуждениях о морали мы сплошь и рядом прибегаем к некорректным сравнениям: нельзя же, в конце концов, сравнивать идеалы одной стороны с практическими методами другой.

Лимас растерялся. Ему не раз приходилось слышать, как этот человек нес всякий вздор, прежде чем засадить кому-нибудь нож под ребро, но ничего похожего на сегодняшнее еще не бывало.

– Я полагаю, что методы надлежит сравнивать с методами, а идеалы с идеалами. Я бы сказал, что со времен войны методы – наши и наших противников – стали практически одинаковыми. Я имею в виду то, что мы не можем действовать менее безжалостно, чем противоположная сторона, на том лишь основании, что политика нашего правительства более миролюбива. – Он негромко посмеялся собственным словам. – Такого просто не может быть.

«О Господи, – подумал Лимас, – как будто я работаю на попов. Но к чему он все-таки ведет?»

– Вот почему, – продолжал Контролер, – мне кажется, что мы должны попытаться избавиться от Мундта… Да, кстати, – спохватился он, оборачиваясь к двери, – где же этот чертов кофе?

Он подошел к двери, открыл ее и что-то сказал девице в соседнем помещении. Вернувшись, он продолжал:

– Мы просто обязаны избавиться от него, если, конечно, это нам удастся.

– Но зачем? У нас больше ничего не осталось в Восточной Германии, буквально ничего. Вы же сами сказали – Римек был последним. Нам больше некого там защищать.

Контролер снова сел в кресло и опустил глаза.

– Это не совсем так, – произнес он наконец. – Но не думаю, что стоит обременять вас деталями.

Лимас пожал плечами.

– Скажите-ка, – спросил Контролер, – вам не надоела разведка? Простите, если я повторяюсь. Просто здесь мы, знаете ли, порой с таким сталкиваемся… Вроде как в авиастроении усталость металла, так, кажется, звучит этот термин. Ответьте же начистоту.

Лимас подумал о своем утреннем возвращении на самолете и удивился.

– Если вы устали, – добавил Контролер, – нам придется разобраться с Мундтом как-нибудь иначе. То, что я мог бы вам предложить, прозвучит несколько необычно.

Девица внесла кофе, поставила поднос на стол и разлила кофе по чашкам. Контролер подождал, пока она вышла.

– Такая дуреха, – сказал он, обращаясь как бы к самому себе. – Просто поразительно, что в последнее время они не в состоянии подобрать подходящую. Скверно, что Джинни выбирает для отпуска такие дни, как нынче.

Он рассеянно помешал сахар.

– Нам нужно дискредитировать Мундта, – сказал Контролер. – Скажите, вы крепко выпиваете? Виски и всякое такое?

Лимас считал, что хорошо знает Контролера.

– Пью прилично. Больше, чем многие другие, как мне сдается.

Контролер понимающе кивнул.

– А что вам известно о Мундте?

– Он убийца. Год или два назад он был здесь в качестве представителя Восточногерманской сталелитейной компании. Тогда у нас был тут свой человек – Мастон.

– Верно.

– Мундт завербовал агента – жену одного из служащих МИДа. И убил ее. Он пытался убить и Джорджа Смайли. И, разумеется, убил мужа завербованной. Отвратительный субъект. Юность в гитлерюгенде и прочее. Отнюдь не коммунист-интеллектуал. Практик. Боец «холодной войны».

– Вроде нас, – сухо заметил Лимас.

Контролер не улыбнулся.

– Джордж Смайли полностью в курсе дела. Он больше у нас не служит, но, думаю, вам будет полезно порасспросить его. Сейчас он занимается немецкой литературой семнадцатого века. Живет в Челси, сразу за Слоан-сквер, на Байуотер-стрит. Да вы, наверное, знаете?

– Знаю.

– Гийом тоже занимался этим вопросом. Он в отделе Сателлиты-Четыре, на втором этаже. Боюсь, что с ваших времен здесь все сильно переменилось.

– Пожалуй.

– Проведите с ними денек-другой. Им известно, что я намерен предпринять. И еще мне хотелось бы пригласить вас к себе на уик-энд. Супруги, к сожалению, не будет, – добавил он поспешно. – Она ухаживает за больной матерью. Мы с вами будем вдвоем.

– Спасибо. С удовольствием.

– Там мы сможем хорошенько все обсудить. Славно скоротаем время. Думаю, это дело принесет вам хорошие деньги. Собственно говоря, любые.

– Благодарю вас.

– Это, разумеется, в том случае, если вы абсолютно уверены, что.., никакой усталости и тому подобное…

– Если дело идет к тому, чтобы убить Мундта, я в игре.

– Вы уверены? – вежливо уточнил Контролер. И затем, задумчиво глядя на Лимаса, произнес:

– Да, судя по всему, вы уверены. Но мне не хотелось бы, чтобы вы считали себя обязанным делать это. Понимаете, в том мире, в котором мы существуем, мы слишком быстро выходим за пределы регистров ненависти и любви. Вроде того как собаки не воспринимают некоторые звуки. И в итоге у нас остается лишь чувство тошноты, и не хочется больше никому и никогда причинять страдания. Простите, но разве не это вы почувствовали, когда на ваших глазах застрелили Карла Римека? Не ненависть к Мундту, не жалость к Римеку, а лишь отупляющую боль, точно от тяжелого удара по телу? Мне докладывали, что вы потом бродили всю ночь – просто бродили по улицам. Это верно?

– Да, я гулял.

– Всю ночь?

– Да.

– А что сталось с Эльвирой?

– А Бог ее знает… Но я хотел бы хорошенько врезать Мундту.

– Вот и хорошо.., вот и славно. Кстати, если вам случится в ближайшие дни встретить кого-нибудь из старых друзей, не стоит, я полагаю, обсуждать с ними то, о чем мы беседовали. На вашем месте, – добавил Контролер, – я бы с ними и вовсе не стал говорить. Дайте им понять, что мы списали вас со счета. В каждом деле главное правильно начать, верно?

Глава 3. Падение

Мало кого удивило, что Лимаса списали в архив. Как бы то ни было, рассуждали все вокруг, уже несколько лет в Берлине один провал следовал за другим, и кто-то должен был за это ответить. Кроме того, он стал староват для оперативной работы, требующей остроты реакции профессионального теннисиста. Лимас неплохо потрудился во время войны, и никто не забывал об этом. В Норвегии и Голландии он избежал гибели разве что чудом. По окончании войны его наградили медалью и отпустили на все четыре стороны. Потом, понятно, он снова вернулся. Вот только с пенсией ему решительно не повезло. Бухгалтерия, а именно Элси, допустила в этом отношении утечку информации. Элси рассказала в буфете, что бедному Алеку Лимасу причитается всего четыреста фунтов в год, поскольку в его стаже был перерыв. «Такие порядки, – добавила Элси, – давно пора менять, в конце концов, мистер Лимас отслужил полный срок, не так ли? Но с них теперь глаз не спускает казначейство, не то что в былые годы, и они ничего не могли поделать. Даже в те дурные времена, при Мастоне, дела и то шли лучше».

Лимас, говорили новички, типичный представитель старой школы: характер, выдержка, любовь к крикету и французский язык на уровне колледжа. Тут они заблуждались: по-английски и по-немецки он говорил одинаково свободно, по-голландски весьма прилично и к тому же терпеть не мог крикет. Правда, высшего образования у него и впрямь не было.

Контракт Лимаса истекал лишь через несколько месяцев, и его перевели в расчетный отдел. Расчетный отдел – это не бухгалтерия: там ведутся дела по финансированию операций

на континенте, по выплате вознаграждения агентам и тому подобное. Большую часть здешней работы мог бы выполнять обычные служащий, если бы не высокая степень секретности, и поэтому расчетный отдел был одним из подразделений Цирка, слывущих последним пристанищем для сотрудников, уже практически списанных со счетов.

Лимас катился по наклонной плоскости.

В большинстве случаев этот процесс бывает довольно длительным, но с Лимасом дело обстояло иначе. На глазах у сослуживцев и коллег он стремительно превращался из человека, вполне достойно отстраненного от оперативной работы, в разобиженного жалкого пьянчужку. Произошло это буквально за пару месяцев. Пьяницам свойственна своеобразная, граничащая с глупостью простота – особенно когда им случается быть трезвыми, – некая отрешенность от мира, которую сторонний наблюдатель может принять за робость или неуверенность, и Лимас достиг этого состояния со сверхъестественной скоростью. Он стал врать по мелочам, одалживал мелкие суммы у секретарш и не возвращал, опаздывал на службу или норовил смыться пораньше под каким-нибудь нелепым предлогом. Сперва сослуживцы терпели его выходки: возможно, его падение пугало их, как, например, любого из нас пугает вид калек, нищих и инвалидов, потому что мы боимся, не дай Бог, и сами стать такими. Но в конце концов его нерадивость, грубая и беспричинная злость отвратили от него всех.

К всеобщему изумлению, Лимас, казалось, вовсе не был огорчен отстранением от оперативной работы. Его воля словно бы вдруг полностью угасла. Дебютирующие в разведке сотрудники, твердо убежденные в том, что такая служба не для простых смертных, с тревогой наблюдали за тем, как он все более утрачивал человеческий облик. Он все меньше внимания уделял своей внешности и реакции на него окружающих: завтракал в буфете, что подобало лишь младшему персоналу, все откровеннее прикладывался к бутылке. От него веяло одиночеством, трагическим одиночеством деятельных людей, которых преждевременно отстраняют от деятельности: пловца, вынужденного проститься с дорожкой, или актера, изгнанного со сцены.

Кое-кто утверждал, что он жестоко просчитался в Берлине, и его агентурную сеть свернули именно поэтому, но никто ничего не знал наверняка. Все были единодушны в том, что с ним обошлись с беспримерной жестокостью, даже если учесть, что отдел кадров и в остальном мало походил на благотворительное общество. На него показывали пальцем, как указывают на сошедшего со спортивной арены атлета, и говорили: «Это вон Лимас. Он вляпался в Берлине. Жутко видеть, как он себя доканывает».

И вдруг однажды он исчез. Ни с кем не попрощался, даже, судя по всему, с самим Контролером. Это, собственно говоря, не было особенно удивительным. Природа тайной службы такова, что прощание с нею, как правило, протекает отнюдь не в торжественной обстановке и без публичного вручения золотых часов, но даже по здешним меркам Лимас исчез слишком странно. Произошло это за несколько дней до истечения его контракта. Элси из бухгалтерии подкинула еще чуток информации: Лимас затребовал вперед наличными все, что ему причиталось, а это, по мнению всезнающей Элси, могло означать только одно: у него были финансовые затруднения. Выходное пособие – а оно не составляло даже четырехзначной цифры – Лимасу предстояло получить в конце месяца. Его карточку государственной страховки уже отослали. «Конечно, в отделе кадров знают, где он живет, но уж они-то никому этого не скажут, на то они и кадры», – заключила, фыркнув, Элси.

Затем пошли разговоры о недостаче. Откуда-то (как всегда, неизвестно, откуда именно) просочилось, что внезапное исчезновение Лимаса было связано с нехваткой какой-то суммы в расчетном отделе. И довольно приличной (не трехзначной, стало быть, а четырехзначной, согласно утверждению дамы с подсиненными волосами, работавшей телефонисткой), и эти деньги вернули почти полностью, задержав ему выплату пенсии. Многие отказывались поверить в это: если бы Алек вздумал сорвать куш, говорили они, он изобрел бы что-нибудь получше, чем махинации с бухгалтерскими счетами. Но те, кто не столь свято верил в

выдающиеся криминальные способности Лимаса, указывали на его пристрастие к бутылке, на финансовые затруднения из-за ведения холостяцкого хозяйства и выплаты алиментов, на роковую и непривычную для него разницу между тем, что ему платили за границей и дома, а главное, на искушение, которое одолевает человека, имеющего доступ к большим деньгам и знающего, что его дни в Цирке сочтены. И все сошлись на том, что, если Алек в самом деле решил погреть руки и попался, с ним покончено раз и навсегда: бюро по трудоустройству перестанет замечать его, а отдел кадров не выдаст характеристики или выдаст такую ледяную, что любого потенциального нанимателя бросит от нее в дрожь. Стоит только допустить промашку, отдел кадров никогда не позволит тебе забыть о ней и сам тоже не забудет. Если Алек и впрямь грабанул кассу, гнев отдела кадров будет преследовать его до могилы, причем они не возьмут на себя даже похоронные расходы.

Недели две после исчезновения Лимаса кое-кто еще задумывался над тем, что с ним стало. Правда, его прежние друзья давно уже в душе расстались с ним. Он сделался довольно надоедливым брюзгой, вечно обрушивающим все новые обвинения на службу и ее руководство и особенно придиравшимся к «кавалеристам», которые, как он утверждал, превратили разведку в разновидность офицерского собрания. И никогда не упускал случая поиздеваться над американцами и их разведывательной службой. Казалось, он ненавидел их куда сильнее, чем восточногерманскую разведку, которую упоминал крайне редко. Лимас неоднократно намекал на то, что именно американцы виноваты в провале его агентуры, брань по их адресу стала его коньком, и худо приходилось тому, кто пытался его образумить. И вот даже те, кто давно знал и любил его, постепенно от него отвернулись. Исчезновение Лимаса вызвало лишь легкую рябь на воде, а когда подул другой ветер, о нем уже никто не помнил.

Квартирка у него была крошечная и убогая. Коричневые стены с дешевыми фотографиями. Вид из нее открывался на серую заднюю стену трехэтажного магазина, окна которого из соображений эстетики были выкрашены креозотом. Над магазином проживало итальянское семейство, скандалившее по вечерам и выбивавшее ковры по утрам. У Лимаса не было вещей, которые могли бы хоть немного оживить его жилище. Он купил только абажуры на лампочки, два комплекта постельного белья вместо грубой мешковины, предложенной хозяином. На все остальное он решил не обращать внимания: на цветные занавески, мятые и не подрубленные, вытертые коричневые дорожки, громоздкую темную мебель вроде той, что держат в портовых гостиницах. Желтая и дребезжащая газовая колонка за дополнительный шиллинг снабжала его горячей водой.

Пора было устраиваться на работу. Денег у него не было, буквально ни гроша. Так что слухи об ограблении кассы, возможно, не лишены были какой-то подоплеки. Предложения по трудоустройству, сделанные ему Цирком, он счел отвратительными и совершенно неподходящими. Сперва он решил попытать счастья в коммерции. Фирма, занимающаяся промышленными поставками клейких веществ, пошла навстречу его желанию занять место заместителя директора по кадрам. Не обратив внимания на малосимпатичную характеристику Цирка и на отсутствие специальной подготовки, они предложили ему шесть сотен в месяц. Лимас проработал там неделю и за это время совершенно провонял запахом разлагающегося рыбьего жира, который пропитал его одежду и волосы и преследовал его, точно смрад самой смерти. От этой вони не спасало никакое мытье, и в конце концов ему пришлось остричься почти наголо и выкинуть на помойку два своих костюма. Следующую неделю Лимас посвятил продаже энциклопедий пригородным домохозяйкам, но он был не из тех, кто мог бы им понравиться и кого они могли бы понять: им не было никакого дела до Лимаса, не говоря уж о его энциклопедиях. Каждый вечер он возвращался домой усталый с пачкой энциклопедий под мышкой. В конце недели он позвонил в книжную лавку и сообщил, что ему не удалось продать ни одного экземпляра. Не выразив особого удивления, ему сообщили, что, если он собирается уволиться, книги надлежит вернуть, и повесили рубку. Лимас в бешенстве выскочил из телефонной будки, оставив там всю пачку, пошел в кабак и напился в стельку на

сумму в двадцать пять шиллингов, которой у него не оказалось. Его вышвырнули на улицу, когда он наорал на женщину, попытавшуюся было подцепить его, посоветовали больше туда не показываться, но уже через неделю позабыли свой совет. К Лимасу начали привыкать в этом кабаке.

Постепенно к нему начали привыкать и в других местах, к этому зачуханному постояльцу меблированных комнат. Он не произносил ни единого лишнего слова, не завел себе ни друга, ни подруги, ни кошки, ни собаки. Полагали, что он от кого-то скрывается – сбежал от жены или что-то в этом духе. Он никогда не знал, что сколько стоит, и не запоминал, если ему это сообщали. Ища мелочь, он неизменно выворачивал все карманы; он не носил сумки, каждый раз при необходимости покупая полиэтиленовые мешки. Его не любили, но, пожалуй, немного жалели. Его считали, кроме того, и неряхой, потому что он не брился по выходным и никогда не крахмалил сорочек. Некая миссис Маккайрд с Садбери-авеню взялась было прибираться у него раз в неделю, но, не услышав от него ни единого приветливого слова, ушла. Однако она стала важным поставщиком информации для соседей, а главное, для торговцев, нуждающихся в сведениях о кредитоспособности клиента на случай, если тому вздумается покупать в кредит. Согласно мнению миссис Маккайрд, кредита ему предоставлять не следовало. Лимасу ничего не приходило по почте, объясняла она, и торговцы соглашались, что это недобрый знак. У него не было в доме картин и всего несколько книг, причем одна из них, как ей казалось, была похабной, однако сказать точнее она не могла, потому что книга была написана по-иностранному. Она говорила, что у него было кое-что припасено на черный день и сейчас этот черный день настал. И что по четвергам ему что-то платили. Улица была предупреждена, и второго предупреждения не требовалось. От миссис Маккайрд лавочники узнали, что он пьет как лошадь, то же самое утверждал и бармен. Бармены и приходящая прислуга обычно не обслуживают своих клиентов в кредит, но полученная от них информация очень ценится всеми теми, кто обслуживает.

Глава 4. Лиз

Наконец он решил пойти работать в библиотеку. Бюро по трудоустройству рекомендовало ему отправиться туда каждый раз, когда он приходил по четвергам, но он всякий раз отвергал это предложение.

– Собственно говоря, эта работа не совсем для вас – сказал мистер Питт, – но жалование приличное, а справиться с ней грамотному человеку не составит труда.

– А что это за библиотека? – спросил Лимас.

– Бейсуотерская библиотека психологических исследований. Это фонд пожертвований. Там тысячи книг любого сорта, и им передают все больше и больше. Они просили прислать им помощника.

Лимас взял пособие и листок бумаги.

– Довольно нелепая там подобралась компания, – добавил мистер Питт. – Но вы ведь все равно нигде подолгу не задерживаетесь, правда? Думаю, вам стоит попробовать теперь там.

С этим мистером Питтом все было не так просто. Лимас был уверен, что видел его раньше. В Цирке во время войны.

Библиотечное помещение напоминало церковный неф и было таким же холодным. Черные масляные радиаторы в обоих концах зала заполняли его запахом керосина. В центре располагалась будка вроде выгородки для свидетелей, и там сидела мисс Крейл, библиотекарша.

Лимасу и в голову не приходило, что он может оказаться под началом женщины. В бюро по трудоустройству его об этом не предупредили.

– Прислан вам на подмогу, – сказал он. – Меня зовут Лимас.

Оторвавшись от каталожных карточек, мисс Крейл вскинула на него глаза, словно он произнес что-то неприличное.

– На подмогу? Что вы имеете в виду?

– Помощником библиотекаря. Бюро по трудоустройству. Мистер Питт.

Он подтолкнул к ней по столу свой анкетный лист, заполненный косым почерком. Она взяла анкету и изучила ее.

– Вас зовут мистер Лимас. – Это прозвучало не как вопрос, а как вступление к форменному дознанию. – И вы из бюро по трудоустройству.

– Нет. Меня послало сюда бюро на работу. Они сказали, что вам нужен помощник.

– Понятно, – с ледяной улыбкой сказала мисс Крейл.

В это мгновение зазвонил телефон, она схватила трубку и принялась яростно переругиваться с кем-то. Лимас заподозрил, что эта ругань носит перманентный характер, потому что спорщики обошлись без прелюдий. Голос мисс Крейл поднялся на октаву выше, и она начала обсуждать вопрос о билетах на какой-то концерт. Он постоял, слушая, минуту-другую, а затем направился к книжным стеллажам. В одной из ниш он заметил девушку, стоявшую на стремянке и сортировавшую какие-то огромные тома.

– Я новенький, – сказал он, – меня зовут Лимас.

Она слезла со стремянки и пожала ему руку, пожалуй, чуть чопорно.

– Меня зовут Лиз Голд. Здравствуйте. Вы уже виделись с мисс Крейл?

– Да. Но ее перехватили по телефону.

– Наверное, ее мать. И, конечно, они скандалят. А что вы собираетесь делать?

– Не знаю. Работать.

– Мы сейчас занимаемся каталогами. Мисс Крейл вводит новую индексацию.

Она была долговяза и довольно нескладна, с длинной талией и длинными ногами. На ней были балетного типа туфли без каблука, несколько скрадывавшие ее рост. Ее лицо, подобно телу, было крупным, с крупными чертами, которые, казалось, колебались между бесцветностью и красотой. Лимас решил, что ей года двадцать два – двадцать три и что она еврейка.

– Мы просто занимаемся проверкой того, все ли книги на месте. Видите, они под рубриками. Проверив, вы помечаете ее карандашом в каталоге и продолжаете индексацию.

– А что потом?

– Только мисс Крейл имеет право обводить рубрики чернилами. Таково правило.

– Чье правило?

– Мисс Крейл. Может быть, вы начнете с книг по археологии?

Лимас кивнул, и она направилась в соседнюю нишу, где на полу стояла обувная коробка с каталожными карточками.

– Вы когда-нибудь уже занимались этим? – спросила Лиз.

– Нет. – Он нагнулся, взял пригоршню карточек и потасовал их. – Меня прислал мистер Питт. Из бюро. – Он швырнул карточки в коробку. – А заполнять чернилами карточки тоже имеет право только мисс Крейл?

– Да. Только она.

Лиз Голд оставила его, и, чуть помедлив, он взял книгу и прочитал название. Это были «Археологические находки в Малой Азии», том IV. Других томов вроде бы не было.

Был уже час дня, и Лимас изрядно проголодался. Он заглянул в соседнюю нишу, где работала Лиз, и спросил:

– А как насчет ленча?

– А-а, у меня есть с собой бутерброды. – Она казалась слегка обескураженной. – Угощайтесь, если хотите. А кафе тут поблизости нет.

Лимас покачал головой.

– Благодарю, но я пойду. Надо купить кое-что.

Она смотрела, как он выбирается на улицу через дверь-вертушку.

Вернулся Лимас в половине третьего. От него слегка попахивало виски. Он принес два пакета с овощами и другими продуктами, швырнул их на пол в углу и устало вернулся к книгам по археологии. Он занимался ими минут десять, пока не заметил, что за ним внимательно наблюдает мисс Крейл.

– Мистер Лимас.

Он как раз забирался на стремянку, а потому полуобернулся и сказал:

– Да?

– Вы не знаете, откуда здесь взялись эти пакеты?

– Это мои пакеты.

– Понятно. Значит, это ваши пакеты.

Лимас молчал.

– Весьма сожалею, но у нас не разрешается проносить в библиотеку пакеты с продуктами.

– А где же мне было их оставить? Больше, сами понимаете, негде.

– Только не в библиотеке.

Лимас никак не отозвался на ее слова и отвернулся к книгам.

– Если бы ваш перерыв не затянулся дольше принятого, у вас не нашлось бы времени на покупки. Ни у кого из нас – ни у меня, ни у мисс Голд – времени на это нет.

– А почему бы и вам не прихватить еще полчаса? – возразил Лимас. – Тогда и у вас было бы время. А если так уж нужно, можно и вечером поработать лишние полчаса. Если приспичит.

На несколько мгновений она просто онемела, молча глядя на него и не зная, что сказать. Наконец она выдавила: «Мне придется обсудить это с мистером Айронсайдом», – и удалилась.

Ровно в половине шестого мисс Крейл надела пальто и, демонстративно бросив: «До свидания, мисс Голд», покинула библиотеку. Лимас был уверен, что мысль о пакетах не давала ей покоя все это время. Он вошел в соседнюю нишу. Лиз Голд сидела на последней ступеньке стремянки, читая какую-то брошюру. Заметив Лимаса, она с виноватым видом сунула ее в сумку и поднялась.

– А кто такой мистер Айронсайд? – спросил он.

– Мне кажется, его просто не существует, – ответила Лиз. – Это ее главный козырь, когда ей нечего сказать. Однажды я ее спросила, кто он такой. Она напустила тумана, а потом сказала: «Не важно». По-моему, его вообще не существует.

– Я не уверен, что и сама мисс Крейл существует, – сказал Лимас, и Лиз улыбнулась.

В шесть она заперла помещение и передала ключ старику-привратнику, контуженному, как сказала Лиз, в первую мировую войну, отчего он не спит по ночам, постоянно ожидая контратаки немцев. На улице было чертовски холодно.

– Далеко вам? – спросил Лимас.

– Минут двадцать пешком. Я всегда хожу домой пешком. А вам?

– Тоже близко, – сказал Лимас. – До свидания.

Он медленно побрел домой. Войдя, повернул выключатель. Никакого результата. Он попробовал включить свет в маленькой кухоньке, а затем электрокамин у кровати. У двери на коврике лежало письмо. Он вышел с ним под желтый свет лампы на лестничной площадке. Письмо было от электрокомпании, с сожалением извещавшей, что у них не было другого

выхода, кроме как отключить свет, пока не будет оплачен просроченный счет на сумму в девять фунтов четыре шиллинга и восемь пенсов.

Лимас стал врагом мисс Крейл, а она очень любила иметь врагов. Она рычала на него или вовсе не замечала, а стоило ему подойти к ней, начинала дрожать и оглядываться по сторонам в поисках то ли орудия обороны, то ли пути к бегству. Порой она поднимала визг по самому пустячному поводу, например, когда он повесил плащ на ее крючок, и трясясь, стояла перед ним добрых минут пять, пока Лиз, чтобы поддразнить ее, не окликнула Лимаса.

Лимас потом подошел к ней и спросил:

– В чем дело, мисс Крейл?

– Ни в чем, – ответила она, бурно дыша и всхлипывая. – Абсолютно ни в чем.

– Вот и ладно, – сказал он и вернулся к стеллажам, а она не могла успокоиться весь день и коротала время, драматическим шепотом разговаривая по телефону.

– Жалуется матери, – объясняла Лиз. – Она на всех жалуется. На меня тоже.

Мисс Крейл развила в себе столь сильную ненависть к Лимасу, что просто не могла общаться с ним. В дни получки он, возвращаясь с обеда, находил конверт с жалованьем на третьей ступеньке своей стремянки. На конверте с намеренной ошибкой было написано его имя. В первый раз, заметив это, он подошел к ней и сказал:

– Надо писать Лимас с одним «м» и с одним «с», мисс Крейл.

В ответ на это она впала в форменную истерику, закатывала глаза и судорожно махала руками, пока он не отошел. А потом на несколько часов погрузилась в разговор по телефону.

Недели через три после устройства Лимаса в библиотеку Лиз пригласила его к себе поужинать. Она сделала вид, будто эта мысль пришла ей в голову неожиданно часов в пять вечера. Похоже, она хорошо понимала, что если пригласит его на завтра или послезавтра, он или забудет о приглашении, или просто не придет. Поэтому она сказала об этом только в пять вечера. Лимас, казалось, не хотел принимать приглашения, но все-таки согласился.

Они шли к ней под дождем, такое могло происходить где угодно – в Берлине в Лондоне, в любом городе, где под вечерним дождем брусчатка превращается в озера света и машины неторопливо скользят по мокрой мостовой.

То был первый из многих вечеров, проведенных им в ее квартире. Он приходил, когда она его приглашала, а приглашала она часто. Когда Лиз поняла, что он будет приходить, она стала накрывать на стол с утра перед уходом на работу. И даже заранее мыла овощи и ставила свечи на стол, потому что любила ужинать при свечах. Она постоянно ощущала, что Лимас чем-то сломлен, что с ним что-то не ладно и что однажды по какой-то неизвестной причине он может внезапно и навсегда исчезнуть из ее жизни.

Она хотела, чтобы он понял, что ей известно об этом. Однажды она сказала:

– Можешь уйти, когда захочешь, Алек. Я не буду удерживать тебя и не буду за тобой гоняться.

Он внимательно посмотрел на нее своими карими глазами.

– Я скажу тебе, когда придет время, – ответил он.

У нее была однокомнатная квартирка с кухней. В комнате стояли два кресла, тахта и стеллаж с копеечными изданиями классиков, большую часть которых она никогда не читала.

После ужина обычно она что-нибудь рассказывала ему, а он лежал на тахте и курил. Лиз не знала, слушает ли он ее, да и не слишком интересовалась этим. Она просто становилась на колени возле тахты, прижимала его руку к своей щеке и рассказывала.

Как-то вечером Лиз спросила;

– Во что ты веришь, Алек? Только, пожалуйста, не смейся. Ответь мне.

Они помолчали, и наконец он произнес:

– Я верю, что автобус номер одиннадцать довезет меня до Хаммерсмита. Но я не верю, что это произойдет по воле господней.

Она поразмышляла какое-то время над сказанным, а потом повторила:

– Но во что же ты все-таки веришь?

Лимас пожал плечами.

– Должен же ты во что-то верить, – не унималась она, – в Бога или во что-то еще. Я знаю, Алек, что ты веришь. Иногда у тебя такой вид, словно на тебя возложена какая-то миссия вроде пастырской. Не смейся, Алек, это так.

Он покачал головой.

– Мне жаль, Лиз, но ты ошибаешься. Я не люблю американцев и государственные школы. Я не люблю военные парады и людей, играющих в солдатики. – И без улыбки добавил:

– А еще я не люблю разговоры о смысле жизни.

– Но, Алек, тем самым ты говоришь, что…

– И должен добавить, – перебил ее Лимас, – что не люблю людей, которые объясняют мне, что мне следует думать.

Она почувствовала, что он готов рассердиться, но ее уже понесло.

– Это потому, что ты не хочешь задумываться, ты просто не решаешься! У тебя в душе какой-то яд, какая-то ненависть. Ты фанатик, Алек, я знаю, что ты фанатик, но не понимаю, в чем смысл твоего фанатизма. Ты фанатик, не желающий проповедовать свою веру, а такие люди всегда опасны. Ты похож на человека, принесшего обет отмщения.., или чего-то в таком роде.

Карие глаза смотрели на нее, не отрываясь. Когда он заговорил, ее испугала угроза, прозвучавшая в его голосе.

– На твоем месте, – грубо отрезал он, – я бы не лез в чужие дела.

И вдруг улыбнулся нахальной ирландской улыбкой. Так он еще не улыбался ни разу, и Лиз поняла, что он работает на обаяние.

– А во что верит крошка Лиз?

– Меня так просто не купишь, Алек, – отрезала она.

Позже, тем же вечером, они снова вернулись к этой теме, причем разговор завел Лимас. Он спросил, религиозна ли она.

– Ты меня неправильно понял, Алек, – ответила Лиз. – Совершенно неправильно. В Бога я не верю.

– А во что же ты веришь?

– В историю.

Он с изумлением поглядел на нее и расхохотался.

– Ох, нет! Ох, Лиз! Ты случайно не из этих вонючих коммунистов?

Покраснев, как девочка, она кивнула, рассерженная его смехом и в то же время обрадованная тем, что ему и на это наплевать.

В ту ночь она оставила его у себя, и они стали любовниками. Он ушел от нее в пять утра. Лиз ничего не могла понять: она была так горда собой, а он казался пристыженным.

Выйдя от нее, он пошел пустынной улицей в сторону парка. Было туманно. Чуть дальше – метрах в двадцати – двадцати пяти, – опершись об ограду, стоял человек в плаще, приземистый, пожалуй, даже толстый. Его фигура смутно вырисовывалась в тумане. Когда Лимас подошел ближе, пелена, казалось, стала еще гуще, скрыв фигуру из виду, а когда туман рассеялся, человек исчез.

Глава 5. Кредит

И вот однажды, примерно неделю спустя, он не пришел в библиотеку. Мисс Крейл была довольна, в половине двенадцатого она сообщила об этом своей матери, а воротясь с обеда, направилась прямо в нишу с книгами по археологии, где он обычно работал, и с преувеличенным вниманием принялась осматривать полки с книгами. Лиз поняла, что она делает вид, будто ищет следы кражи.

Лиз старалась не обращать на нее внимания весь остаток дня, не отвечая на прямые обращения к себе и работая с деланной одержимостью. Вечером она вернулась домой и рыдала, пока не заснула.

На следующий день она пришла в библиотеку пораньше. Ей почему-то казалось, что чем раньше она окажется тут, тем скорее придет и Лимас, но ближе к полудню ее надежда угасла, и она поняла, что он не придет никогда. Она забыла в этот день взять на работу бутерброды и решила съездить на Бэйсуотер-роуд в кафе. Она не ощущала голода, лишь тошноту и боль. Может, отправиться на поиски Лимаса? Но она же обещала не навязываться ему. Да ведь и он обещал сказать ей, когда решит уйти. Так, может, все-таки отправиться на поиски?

Она взяла такси и назвала его адрес.

Лиз поднялась по захламленной лестнице и позвонила. Звонок, должно быть, был сломан, так как она ничего не услышала. На полу на коврике она увидела три бутылки молока и письмо от электрокомпании. Она поколебалась с минуту, а потом забарабанила в дверь, и вскоре из глубины квартиры раздался слабый стон. Она бросилась на этаж ниже, позвонила и постучала. Никто не ответил, и ей пришлось спуститься еще ниже. Она оказалась в служебном коридоре бакалейной лавки. В углу, раскачиваясь в качалке, сидела старуха.

– На верхнем этаже кто-то очень болен, – почти закричала она. – У кого запасной ключ?

Старуха уставилась на Лиз, а потом крикнула в глубь магазина:

– Артур, поди-ка сюда, Артур, тут какая-то девица!

В дверь высунулся мужчина в коричневом костюме и фетровой шляпе.

– Девица?

– Там, наверху, в квартире очень болен человек, – сказала она. – Он не может подойти к двери, чтобы открыть. У вас нет запасного ключа?

– Нет, – ответил лавочник, – но у меня есть молоток.

И они помчались наверх, Лиз и лавочник в шляпе, с тяжелым коловоротом и молотком в руках. Он резко постучал в дверь, затаив дыхание, они прислушались, но было тихо.

– Я слышала стоны, клянусь вам, слышала, – шептала Лиз.

– Вы заплатите за дверь, если я сломаю?

– Ну конечно.

Молоток застучал с чудовищным грохотом. Тремя ударами лавочник выбил кусок косяка, и замок открылся. Лиз ворвалась в квартиру, лавочник за ней. В комнате было жутко холодно и темно, на кровати в углу они разглядели человека.

«О Господи, – подумала Лиз, – если он умер, я, наверно, не смогу до него дотронуться». Но все же подошла к нему – он был жив. Раздвинув шторы, она опустилась возле кровати.

– Я вам позвоню, если вы понадобитесь, – сказала она, не оборачиваясь.

Лавочник кивнул и вышел.

– Алек, что с тобой? Чем ты болен? Что с тобой, Алек?

Лимас шевельнул головой на подушке. Глаза его были закрыты. Темная щетина оттеняла болезненную бледность щек.

– Алек, ответь мне, пожалуйста, Алек! – Она держала его руку.

Слезы бежали у нее по щекам. В отчаянии она не понимала, что делать. Потом бросилась в кухоньку и поставила на плиту воду. Лиз толком не знала, что предпримет, но ей было легче

чем-нибудь заниматься. Оставив кастрюлю на огне, она взяла с ночного столика ключи от квартиры и бегом кинулась на улицу в аптеку мистера Слимана. Она купила студня из телячьих ножек, куриного мяса, бульонные кубики и флакончик аспирина. Пошла к двери, но затем вернулась и купила пачку сухарей. В общей сложности это обошлось в шестнадцать шиллингов, после чего у нее осталось четыре шиллинга в кошельке и одиннадцать фунтов на книжке, но снять их до следующего утра было невозможно. Когда она вернулась, вода как раз закипела.

Она развела бульон, как обычно делала мать, опустив в стакан ложечку, чтобы он не треснул. И все время оглядывалась на Лимаса, словно боясь, что он вот-вот умрет.

Ей удалось усадить его, чтобы он смог выпить бульон. У него была только одна подушка, диванных тоже не было, и ей пришлось снять с вешалки пальто, скатать и подложить под подушку. Лиз было боязно притрагиваться к нему: он жутко вспотел, короткие седые волосы были мокрыми и липкими. Поставив стакан возле постели и придерживая его голову рукой, она поила его из ложечки. После нескольких глотков бульона Лиз дала ему в той же ложечке толченого аспирина. Она разговаривала с ним, словно с ребенком, смотрела на него, иногда проводила рукой по голове и лицу и вновь и вновь шептала: «Алек, Алек».

Постепенно дыхание у него выровнялось, и мучительная лихорадка сменилась покоем сна: Лиз почувствовала, что худшее позади. Внезапно она заметила, что почти стемнело… Ей стало стыдно, что она до сих пор не прибралась тут. Она вскочила, взяла на кухне совок и щетку и с лихорадочной энергией принялась за уборку. Нашла чистую скатерть и аккуратно расстелила ее на ночном столике, потом вымыла чашки и блюдца, которыми была беспорядочно уставлена кухня. Когда она закончила, было уже полдевятого. Лиз снова поставила воду и подошла к постели. Лимас глядел на нее.

– Алек, только не злись. Пожалуйста, не злись. Я уйду, обещаю тебе, я уйду. Но позволь, я сначала приготовлю тебе нормальный обед. Ты ведь болен, Алек, тебе нельзя дальше так, ты – о Господи, Алек! – Она разрыдалась, прикрыв лицо руками, и слезы катились у нее между пальцев, как у ребенка. Он дал ей выплакаться, глядя на нее карими глазами и придерживая руками простыню.

Она помогла ему вымыться и побриться и отыскала пару чистых простыней. Потом покормила его студнем и курицей, купленными в аптеке. Сидя на постели, она смотрела, как он ест, чувствуя, что никогда еще не была так счастлива.

Вскоре он снова уснул, Лиз прикрыла ему плечи одеялом и подошла к окну. Раздвинув шторы, она выглянула наружу. Оба окна напротив были освещены. В одном мерцал голубоватый свет телеэкрана, перед которым неподвижно застыли люди, в другом молодая женщина закручивала волосы на бигуди. Лиз стало так жаль их, что захотелось заплакать.

Она заснула в кресле и проснулась лишь к рассвету от холода и неудобной позы. Подошла к кровати. Лимас поежился во сне под ее взглядом, и она коснулась его губ кончиком пальца. Не открывая глаз, он нежно взял ее за руку и привлек к себе, и вдруг ей ужасно захотелось его, и ничто больше не имело никакого значения, она целовала его снова и снова, а когда смотрела на него, ей казалось, что он улыбается.

Лиз приходила к нему еще в течение шести дней. Он был не особенно разговорчив, а когда она однажды спросила, любит ли он ее, ответил, что не верит в волшебные сказки. Она обычно лежала, положив голову ему на грудь, а он иногда запускал свои толстые пальцы ей в волосы и довольно сильно дергал, и Лиз говорила, смеясь, что ей больно. В пятницу вечером она застала его одетым, но не бритым, и удивилась, отчего он не побрился. Почему-то это ее встревожило. В комнате не было кое-каких привычных вещей – часов и дешевого транзистора, стоявшего обычно на столе. Ей хотелось спросить, что это значит, но она не решилась. Лиз принесла яиц и ветчины и принялась готовить ужин, а он сидел на кровати и курил одну сигарету за другой. Когда ужин был: готов, он вышел на кухню и вернулся с бутылкой красного вина.

За ужином он почти ничего не говорил, и она следила за ним с растущим страхом. Наконец страх стал невыносимым, и она заплакала.

– Алек, о Господи, Алек.., что все это значит? Это прощание?

Он поднялся из-за стола, взял ее за руки, поцеловал так, как никогда не целовал прежде, и нежно заговорил с ней. Он говорил долго, рассказывал ей о чем-то, чего она не воспринимала и не понимала, потому что знала, что это конец, а все остальное уже не имело значения.

– Прощай, Лиз, – сказал он и повторил:

– Прощай. И не ищи меня. Никогда больше не ищи.

Она кивнула и пролепетала:

– Как мы договаривались.

Она была рада холоду и ночной тьме на улице, в которой было не разглядеть ее слез.

На следующее утро в субботу Лимас попросил лавочника отпустить ему в кредит. Сделал он это весьма бесцеремонно, словно и не стремился получить то, о чем просил. Он выбрал с полдюжины вещей на сумму не больше фунта, а когда их упаковали и положили в пакет, сказал:

– Пришлите-ка мне лучше счет.

Лавочник криво улыбнулся:

– Боюсь, это невозможно, – сказал он, намеренно опустив обычное «сэр».

– Что значит невозможно? – заорал Лимас, и выстроившаяся за ним очередь глухо заворчала.

– Вы не являетесь постоянным покупателем.

– Какого черта! Я таскаюсь сюда уже четыре месяца.

Лавочник побагровел.

– Прежде чем предоставить кредит, мы просим предъявить чековую книжку.

Лимас взорвался.

– Не пори чушь! – заорал он. – Половина твоих покупателей сроду не видала чековой книжки и помрет, так и не увидев ее.

Это было чудовищной наглостью, поскольку полностью соответствовало действительности.

– Я вас не знаю, – внушительно повторил лавочник, – и вы мне не нравитесь. А теперь убирайтесь отсюда!

Он попытался вырвать у Лимаса пакет, но тот крепко держал его.

О том, что произошло вслед за этим, рассказывали по-разному. Одни говорили, что лавочник, отнимая сумку, толкнул Лимаса, другие, что не толкал. Так или иначе, Лимас ударил его. По свидетельству большинства присутствовавших, даже дважды, не прибегая к помощи правой руки, в которой все еще держал сумку. Кажется, он ударил не кулахом, а ребром ладони. А потом тем же неуловимым быстрым движением – локтем. Лавочник рухнул как подкошенный и замер. Позднее на суде было сказано – и не опротестовано защитой, – что лавочнику были нанесены два телесных повреждения: первым ударом раздроблена скула, а вторым выбита челюсть. Освещение этого инцидента в ежедневных новостях было адекватным, но не слишком детальным.

Глава 6. Контакт

Ночами он лежал на койке, прислушиваясь к шуму тюрьмы. Один парень все время хныкал, а какой-то старик без умолку пел похабщину, отбивая такт на жестяной миске. Надзиратель после каждого куплета кричал ему: «Заткнись, Джордж, мать твою так», – но и

он, и все остальные плевать на это хотели. Был тут и ирландец, распевавший гимны ИРА, хотя, как поговаривали, сел он за изнасилование.

Лимас что было сил выкладывался днем на работе в надежде, что это поможет ему уснуть ночью, но все было напрасно. Ночью ты понимаешь, что сидишь в тюрьме, ночью нет ничего – ни обмана зрения, ни самообмана, – способного уберечь тебя от тошнотворного сознания того, что ты в камере. Ночью тебе не избавиться от вкуса тюрьмы, от запаха арестантской одежды, от вони дезинфицирующих средств, на которые тут не скупятся, от звуков упрятанных сюда людей. Именно ночами унизительность несвободы становится особенно нестерпимой, именно ночами Лимасу особенно хотелось пройтись по залитому солнцем Лондонскому парку. Именно тогда он особенно сильно ненавидел гротескную стальную клетку, в которой оказался, и ему с трудом удавалось подавить в себе желание голыми руками сломать ее прутья, разбить головы тюремщикам и вырваться на волю, в свободный, бесконечно свободный Лондон. Иногда он вспоминал Лиз. Он наводил свои мысли на нее ненадолго, словно фотокамеру, лишь на мгновение позволяя себе вспомнить нежно-упругое прикосновение ее длинного тела, и сразу же прогонял это воспоминание прочь. Лимас был не из тех, кто привык витать в облаках.

С сокамерниками он держался высокомерно, а те ненавидели его. Они ненавидели его за то, что ему удалось воплотить собой их сокровенную мечту – быть загадкой. Он не давал заглянуть себе в душу, в самую главную ее часть; его невозможно было подловить на минутном расслаблении, когда бы он вдруг пустился в рассказы о своей девке, семье или детях. Они ничего не знали о Лимасе, они ждали, что он наконец расколется, но ждали напрасно. Новички в камере обычно бывают двух сортов: одни от стыда или ужаса сами стремятся к скорейшему посвящению в убийственные тайны тюремной жизни, другие, спекулируя на своей жалкой неопытности, пытаются остаться в стороне. Лимас не делал ни того, ни другого. Он, казалось, довольствовался тем, что презирал всех, а они ненавидели его за то, что он, подобно миру за тюремной стеной, прекрасно обходился без них.

Дней через десять терпение их иссякло. Сила солому ломит – и они окружили его в очереди за обедом. Подобное окружение в восемнадцативековой тюремной практике неизбежно предшествует избиению «втемную». Началось все как бы случайно, когда жестяная миска одного из заключенных вдруг опрокинулась, забрызгав содержимым его одежду. Его толкнули с одной стороны, а с другой ему на плечо легла услужливая рука, и дело было сделано. Лимас ничего не сказал, задумчиво поглядел на тех двоих по обе стороны от него и безропотно снес грязное замечание тюремщика, прекрасно понимавшего, что тут произошло.

Четыре дня спустя, мотыжа тюремную клумбу, Лимас вроде бы вдруг споткнулся. Он держал мотыгу обеими руками, из правого кулака торчал конец рукоятки длиной дюймов в шесть. Когда он восстановил равновесие и выпрямился, заключенный, работавший справа от него, согнулся в чудовищных муках, прижимая руки к животу. «Темная» больше не повторялась.

Самым, пожалуй, странным из всего, связанного с тюрьмой, был упакованный в коричневую бумагу сверток, который ему вручили при выходе. Почему-то это напомнило ему обряд бракосочетания: этим кольцом я венчаю вас, с этой упаковкой я возвращаю тебя миру. Они отдали ему сверток и заставили расписаться за него – в нем содержалось все, чем он в этом мире владел. Больше у него ничего не было. Лимас счел это самым унизительным из всего, что ему довелось вытерпеть за три месяца, и твердо решил выкинуть сверток, как только выйдет на улицу.

Поведение его в тюрьме не вызывало нареканий. Жалоб на него не поступало. Начальник тюрьмы, слегка поинтересовавшись этим делом, втайне списал все на горячую ирландскую кровь, которую – он готов был поклясться в этом – распознал в Лимасе.

– Чем вы намерены заняться, выйдя отсюда? – спросил он Лимаса.

Без тени улыбки тот ответил, что намерен начать жизнь сначала, и начальник тюрьмы заявил, что это великолепное решение.

– А что с семьей? – спросил он. – Вы не думаете помириться с женой?

– Я-то думаю, – равнодушно ответил Лимас, – только она замужем.

Сотрудник по надзору за бывшими заключенными порекомендовал Лимасу место санитара в психиатрической лечебнице в Букингемшире, и Лимас не стал спорить. Он даже взял расписание электропоездов до Мерилибона.

– Теперь электричка ходит до самого Грит-Миссендена, – добавил сотрудник. Лимас сказал, что это как нельзя кстати.

И вот ему выдали упакованный в бумагу сверток и отпустили. Он доехал автобусом до Мраморной Арки, а дальше пошел пешком. У него было немного денег, и он решил как следует пообедать. Он собирался дойти через Гайд-парк до Пикадилли, а затем через Гринпарк и Сент-Джеймс-парк до Парламентской площади, пройти мимо Уайтхолла до Стренда, где можно зайти в большое кафе возле станции Чаринг-кросс и заказать отменный бифштекс за шесть шиллингов.

В тот день Лондон был очень красив. Стояла поздняя весна, в парке цвели крокусы и нарциссы. Свежий, прохладный ветер дул с юга – Лимас мог бы бродить так целый день. Но в руках у него все еще был сверток, и ему предстояло от него избавиться. Урны на улицах слишком малы, и было бы нелепо пытаться засунуть сверток в одну из них. Кроме того, не мешало бы кое-что извлечь из свертка, в основном бумаги: страховую карточку, водительские права и его Е.93 (что бы это ни значило) в большом официальном конверте, но вдруг он почувствовал, что ему не до этого. Он сел на скамью и положил сверток рядом с собой, но не слишком близко, а потом еще чуть отодвинулся. Через несколько минут он встал и пошел к аллее, оставив сверток на скамье. Он уже дошел до аллеи, когда его окликнули. Он обернулся – быть может, излишне резко – и увидел человека в плаще армейского покроя, держащего в руках сверток.

Лимас остановился, не вынимая рук из карманов и глядя через плечо на человека в плаще. Тот колебался, вероятно полагая, что Лимас подойдет к нему или хоть как-то выкажет свою заинтересованность, но Лимас оставался безразличен. Более того, он пожал плечами и снова пошел по аллее. Его еще раз окликнули, но он даже не обернулся, понимая, что мужчина последует за ним. Он услышал шаги, быстро приближающиеся по гравию, а затем голос, запыхавшийся и раздраженный:

– Эй, вы! Я ведь вам говорю! – Тут он догнал Лимаса, и тот остановился и обернулся.

– В чем дело?

– Это ведь ваш сверток? Вы забыли его на скамейке. Почему вы не остановились, когда я кричал вам?

Мужчина был высокого роста с вьющимися каштановыми волосами. Оранжевый галстук, бледно-зеленая сорочка. «То ли щеголь, то ли в душе лидер, – подумал Лимас. – Наверное, учитель, выпускник Лондонского экономического колледжа, руководит драмкружком где-нибудь в пригороде. Явно близорук».

– Разрешаю вам его выкинуть, – сказал Лимас. – Мне он не нужен.

Мужчина покраснел.

– Но не можете же вы бросать вот так на скамейке. Это ведь мусор.

– Поверь, приятель, могу, – возразил Лимас. – А вдруг кому-то он пригодится.

Он собрался было идти дальше, но незнакомец продолжал стоять перед ним, держа сверток, словно младенца, обеими руками.

– Ну-ка, посторонитесь, – сказал Лимас. – Да и в чем, собственно, дело?

– Послушайте, – голос незнакомца поднялся на пару тонов, – я ведь хотел оказать вам услугу, почему же вы хамите мне?

– Вы так хотите оказать мне услугу, что преследуете меня уже полчаса?

«Держится он неплохо, – подумал Лимас, – не отступается, хотя я здорово достал его».

– По правде говоря, мне показалось, что мы с вами встречались в Берлине.

– И вы тащились за мной полчаса, чтобы сказать мне это?

– Ну уж и полчаса, ничего подобного. Я увидел вас возле Мраморной Арки и подумал: «Да это, верно, Алек Лимас. Тот самый, у которого я когда-то призанял деньжат». Я работал в Берлине на Би-Би-Си, и там тогда был человек, у которого я одолжил деньги. С тех пор меня мучает совесть. Вот почему я пошел за вами. Хотел убедиться, что это вы и есть.

Лимас молча продолжал разглядывать его, думая о том, что тип этот держится недурно, хотя и не слишком хорошо. Байка была весьма неправдоподобной, но дело не в ней. Главное, что она оказалась наготове, едва Лимас свел на нет ситуацию, которая была поистине классическим поводом для знакомства.

– Я-то Лимас, – сказал он наконец. – А вы, черт побери, кто такой?

Его звали, как он сказал, Эш, с одним «ш» на конце, добавил он сразу же, и Лимас понял, что имя не настоящее. Эш сделал вид, будто не до конца уверен, что Лимас – это Лимас, поэтому за обедом они вскрыли пакет и уставились на страховую карточку, словно – подумалось Лимасу – два подростка на порнографическую открытку. Эш заказывал блюда с чуть меньшей оглядкой на цены, чем следовало бы: сейчас они пили дорогое немецкое вино в память о былых временах. Лимас начал с настойчивых уверений в том, что не может вспомнить Эша, а Эш ответил, что это его чрезвычайно удивляет. И постарался, чтобы Лимас почувствоввл в его голосе обиду. Они встретились на вечеринке, напомнил он, которую давал Дерек Уильямс в своей квартирке на Курфюрстендам (что и впрямь могло иметь место), и там были все парни из газет, Алек наверняка помнит это. Но Алек не помнил. Ну хорошо, но Дерека-то из «Обзервер», того славного мужика, который устраивал замечательные вечеринки с пиццей, он помнит? Нет, у Лимаса чертовски плохая память на имена, и вообще они говорят о пятьдесят четвертом годе, а с тех пор Бог знает сколько воды утекло… Эш (его полное имя Уильям, но, по правде говоря, большинство знакомых зовут его просто Биллом) вспомнил все до мельчайших подробностей. Они пили коктейли, коньяк и creme de menthe, все уже были изрядно под мухой, а Дерек назвал в гости отменных бабенок, полкабаре из Малькастена, ну теперь-то Алек припоминает? Лимас подумал, что и впрямь все вспомнит, если Билл немедленно не заткнется.

Однако Билл не заткнулся, он явно импровизировал на ходу, но делал это неплохо, нажимая в том числе и на секс: он напомнил, как они закончили вечер в ночном клубе с тремя из этих девиц: Алек, парень из политической консультационной службы и Билл, но Билл, к собственному удивлению, обнаружил, что остался без копейки, и Алек заплатил за него, а затем Биллу захотелось прихватить одну из девиц к себе, и Алек ссудил его еще десяткой.

– Господи, – сказал Лимас, – ну, кажется, теперь припоминаю. Конечно, припоминаю.

– Я знал, что вы вспомните, – с блаженной улыбкой отозвался Эш, кивая Лимасу поверх бокала. – А не взять ли нам еще полбутылочки?

Эш был типичным представителем той породы людей, что строит взаимоотношения с остальным миром на принципе спроса и предложения. Или, если угодно, наступления и обороны. Почуяв слабину, он наступал, а натолкнувшись на сопротивление, отступал. Он с одинаковой охотой готов был пить чай у Фортнума и пиво на проспекте Уитби, слушать духовой оркестр в Сент-Джеймс-парке или джаз в подвале на Комптон-стрит, его голос мог сочувственно задрожать, когда он говорил о притеснениях негров в Шапервилле, или налиться гневом, когда речь заходила о том, как обнаглело в Англии цветное население. Лимасу

подобное хамелеонство было омерзительно, оно будило в нем зверя: он то и дело загонял собеседника в ловушку, вынуждая его высказать собственное суждение, а затем резко менял точку зрения, так что Эша весь вечер кидало из огня да в полымя. По ходу беседы не раз возникали моменты, когда Эш просто обязан был прервать его – тем более что по счету предстояло платить ему, – но он этого не делал. Грустный коротышка в очках, в одиночестве сидевший за соседним столиком, уткнувшись в книгу по производству шарикоподшипников, мог бы решить (если бы прислушался к их беседе), что Лимас страдает садистскими наклонностями, или (если бы оказался достаточно проницательным) догадаться о том, что подобное обращение с собой может вынести лишь человек, преследующий какие-то тайные цели.

Счет они попросили только около четырех. Лимас попытался было настоять на оплате половины суммы, но Эш и слышать об этом не желал. Он оплатил счет и вынул чековую книжку, намереваясь уладить дело со своим долгом Лимасу.

– Двенадцать гиней, – сказал он и проставил дату.

Потом поглядел на Лимаса, все так же услужливо.

– Полагаю, чек вас устроит?

– Я еще не успел открыть счет, – покраснев, ответил Лимас, – понимаете ли, я только что вернулся из-за границы, нужно было кое-что закончить. Дайте мне чек, и я получу по нему в вашем банке.

– Дорогой мой, я не могу вас так затруднять! Вам пришлось бы отправиться с ним в Розерхис!

Лимас пожал плечами. Эш рассмеялся, и они порешили встретиться здесь же завтра, когда у Эша будут наличные.

Эш поймал такси на углу Комптон-стрит, и Лимас махал ему вслед, пока тот не скрылся из виду. Затем поглядел на часы. Было четыре. Полагая, что за ним еще ведется слежка, он прошел пешком вниз по Флит-стрит и выпил чашку кофе в «Блэк энд Уайт». Потом заглянул в книжный магазин, прочел вечерние газеты в витринах редакции и вдруг неожиданно – будто эта мысль осенила его только что – вскочил в подошедший автобус. Автобус шел по Дадгейт-Хилл, где попал в пробку у станции метро. Лимас слез и вошел в метро. Он купил шестипенсовый билет, сел в последний вагон и сошел на следующей остановке. Пересел на другую линию к Юстону и поехал в сторону Чаринг-кросс. Когда он добрался туда, было уже девять, и стало довольно холодно. У станции стоял фургон, водитель дремал в кабине.

Лимас посмотрел на номер, подошел и спросил через стекло:

– Вы из Клементса?

Водитель сразу очнулся и спросил в свой черед:

– Вы мистер Томас?

– Нет, – ответил Лимас, – Томас не смог прийти. Я Эмис из Хаунслоу.

– Забирайтесь, мистер Эмис, – сказал водитель и открыл дверцу.

Они поехали на запад по направлению к Кингс-роуд. Водитель хорошо знал дорогу.

Дверь открыл Контролер.

– Джордж Смайли в отъезде, – сказал он. – Я пока решил пожить тут. Заходите.

Контролер не зажигал света в доме, пока Лимас не вошел и не закрыл за собой дверь.

– За мной следили с обеда, – сказал Лимас.

Они прошли в небольшую гостиную. Повсюду были книги. Комната была очень красивая – с высокими потолками, лепниной восемнадцатого века, длинными окнами и добротным камином.

– Они вышли на контакт сегодня утром. Человек, назвавшийся Эшем. – Лимас зажег сигарету. – Явно пидер. Мы договорились с ним на завтра.

Контролер внимательно выслушал отчет Лимаса, звено за звеном, начиная с того дня, когда он ударил бакалейщика, и до встречи с Эшем.

– Ну и как вам понравилось в тюрьме? – осведомился он, словно речь шла о пребывании на курорте.

– Жаль, что мы не могли обеспечить вам условий получше, создать хотя бы минимальный комфорт, но это испортило бы все дело.

– Разумеется.

– Нужно вести себя последовательно. На каждом этапе вести себя последовательно. Кроме того, нельзя было пресекать слухи. Как я знаю, вы болели. Приношу соболезнования. Что с вами было?

– Обычная простуда.

– Сколько дней вы проболели?

– Дней десять.

– Какая жалость! И, разумеется, никто за вами не ухаживал.

Последовала долгая пауза.

– Вы ведь знаете, что она состоит в коммунистической партии?

– Знаю. – Снова пауза. – Мне не хотелось бы, чтобы ее в это впутывали.

– Кому это нужно? – резко бросил Контролер, на мгновение, как показалось Лимасу, утратив флер академического бесстрастия. – Почему вы решили, что ее впутывают?

– Ничего я не решал, – ответил Лимас. – Я просто высказал свое мнение. Мне прекрасно известно, как проходят такие штуки – все эти наступательные операции. Всегда возникает побочный эффект и развитие в непредвиденных направлениях. Вы думаете, что открываете Индию, а на самом деле открываете Америку. Я настаиваю, чтобы она оставалась в стороне от всего этого.

– Понятно, понятно.

– А что это за человек в бюро по трудоустройству по имени Питт? Он не работал в Цирке во время войны?

– Я не знаю человека с такой фамилией. Как вы сказали – Питт?

– Да, Питт.

– Нет, это имя мне ничего не говорит. В бюро по трудоустройству?

– Ах, да ради Бога… – внятно пробормотал Лимас.

– Извините, – сказал Контролер, вставая, – я забыл о своих хозяйских обязанностях. Не угодно ли выпить?

– Нет. Я хочу уйти отсюда сегодня ночью. Уехать из Лондона и потренироваться. Наш «дом» открыт?

– Я позабочусь о машине. В котором часу, вы говорите, у вас встреча с Эшем? В час?

– Да.

– Я позвоню Хэлдену и скажу ему, что вам хочется поразмяться. Вам не мешало бы проконсультироваться у врача. Эта ваша простуда…

– Обойдусь без врача.

– Хорошо, на ваше усмотрение.

Контролер налил себе виски и принялся меланхолически разглядывать книги на полках.

– А почему нет Смайли? – спросил Лимас.

– Ему не нравится эта операция, – равнодушно ответил Контролер. – Она кажется ему мерзкой. Он понимает, что она необходима, но не хочет принимать в этом участие. Его обычная болезнь.

– Не могу похвастаться, что он встретил меня с распростертыми объятиями.

– Вот именно. Он не желает в этом участвовать. Но ведь он рассказал вам о Мундте и его окружении, не так ли?

– Так.

– Мундт на редкость крутой человек, – сказал Контролер. – Мы ни на секунду не должны забывать об этом. И превосходный контрразведчик.

– А Смайли знает, в чем смысл операции? Ее особая цель?

Контролер кивнул и отхлебнул виски.

– И тем не менее она ему не нравится?

– Это не имеет никакого отношения к этической стороне вопроса. Просто он вроде хирурга, уставшего от крови. Предоставляет оперировать другим.

– Послушайте, а вы абсолютно уверены в том, что это приведет туда, куда нам надо? Откуда вы знаете, что это именно восточные немцы, а не чехи? Не русские?

– Давайте предположим, – с некоторой торжественностью произнес Контролер, – что все это учтено.

Когда они подошли к выходу. Контролер слегка коснулся плеча Лимаса.

– Это ваше последнее задание, – сказал он. – Потом вы сможете уйти с холода. А что касается этой девицы, не хотите ли сделать какие-нибудь распоряжения? Деньги или что-нибудь еще?

– Когда все будет позади. Но тогда я сам обо всем позабочусь.

– Вот и прекрасно. Было бы крайне неосмотрительно предпринимать что-нибудь прямо сейчас.

– Только пусть ее оставят в покое, – с нажимом повторил Лимас. – Я не желаю, чтобы ее впутывали. Заводили на нее досье и всякое такое. Лучше всего просто забыть о ней.

Он кивнул Контролеру и скользнул в ночь. В ночной холод.

Глава 7. Кифер

На следующий день Лимас опоздал на встречу с Эшем на двадцать минут, и от него пахло виски. Однако это ничуть не убавило радости Эша при виде Лимаса. Он заявил, что сам приехал только что, задержавшись в банке. И протянул Лимасу конверт.

– По одному фунту, – сказал Эш. – Так, наверное, лучше?

– Спасибо, – ответил Лимас. – Давайте выпьем.

Он не побрился, и воротник его рубашки был грязноват. Он подозвал официанта и распорядился насчет напитков: большое виски для себя и джин с тоником для Эша. Когда напитки были уже на столе и Лимас начал наливать в стакан содовую, рука у него дрожала так, что он едва не пролил через край.

Они хорошо поели и основательно выпили. Разговор вел главным образом Эш. Как Лимас и ожидал, он для начала пустился в разглагольствования о себе самом – трюк не новый, хотя и неплохой.

– Сказать по чести, дела у меня нынче идут совсем недурно, – начал Эш. – Статьи по договору на английские темы для зарубежной прессы. После нашей встречи в Берлине чем только мне не приходилось заниматься! Корпорация не возобновила контракт, и я пошел работать в тошнотворный еженедельник, занимающийся проблемами досуга, причем для тех, кому за шестьдесят. Можете себе вообразить, как это было мерзко? Там я вкалывал до первой забастовки печатников. Представляете, какое облегчение она мне принесла? Затем некоторое

время жил вместе с матерью в Челтенхеме – у нее антикварная лавка, кстати говоря, весьма прибыльная. А потом получил письмо от старого дружка – его зовут Сэм Кифер, – который основал новое агентство, специализирующееся на внутренней жизни Великобритании с расчетом на зарубежного читателя. Ну, вы понимаете, о чем я говорю: шестьсот слов о танцульках у Морриса и тому подобное. Однако в работе у Сэма было и кое-что новенькое: он продавал материалы уже в переводе на иностранные языки, а тут, знаете ли, большая разница. Всегда кажется, что можешь нанять переводчика или перевести сам, но когда получаешь полстолбца для своей статьи, просто не хочется тратить время и деньги на перевод. Идея Сэма состояла в том, чтобы вступить в непосредственный контакт с издателями – он мотался, бедняга, по всей Европе, как цыган, но это окупилось с лихвою.

Эш сделал паузу, чтобы дать Лимасу возможность поговорить теперь о себе самом, но тот не воспользовался ею, а лишь кивнул и сказал:

– Не слабо.

Эш хотел было заказать вина, но Лимас заявил, что по-прежнему предпочитает виски, и к тому времени, когда подали кофе, пропустил уже четыре порции. Похоже, он был в скверной форме: у него появилась типичная для пьяниц привычка присасываться во время питья губами к краешку стакана, словно боясь выронить или разбить его.

Эш ненадолго умолк.

– Вы ведь не знакомы с Сэмом? – спросил он.

– С каким еще Сэмом?

– С Сэмом Кифером, моим шефом. С тем парнем, о котором я рассказывал сейчас. – В голосе Эша послышались нотки раздражения.

– Он что, тоже был в Берлине?

– Нет, не был. Он превосходно знает Германию, но в Берлине никогда не жил. Сэм изрядно повкалывал в Бонне внештатным корреспондентом. Там вы могли с ним встретиться. Сэм просто миляга.

– Не припоминаю.

Они снова замолчали.

– А чем вы, старина, собственно, занимаетесь? – спросил Эш.

Лимас пожал плечами.

– Меня поставили на полку, – сказал он с дурашливой ухмылкой. – Взяли со стола и поставили на полку.

– Я что-то запамятовал, чем вы занимались в Берлине. Кажется, вы были одним из таинственных рыцарей «холодной войны»?

« О господи, – подумал Лимас, – ты слишком напрямик рвешься к цели». Вздохнув, а затем, покраснев, он возразил:

– Просто занимался конторской работой для этих поганых янки. Как и большинство из нас.

– Знаете ли, – сказал Эш, делая вид, будто собирается изложить итог длительных размышлений, – вам надо бы повидаться с Сэмом. Он вам понравится. – И вдруг озабоченно добавил:

– Алек, я ведь даже не знаю, как в случае чего с вами связаться.

– Это у вас и не получится, – бесхитростно заявил Лимас.

– Не понимаю, старина. Где вы живете?

– Где придется. Так, мотаюсь туда-сюда. У меня сейчас нет работы. А эти сукины дети нагрели меня с пенсией.

Эш с ужасом уставился на него.

– Но, Алек, почему же вы мне ничего не сказали? Ну, например, вы могли бы пожить у меня. Квартирка так себе, но вдвоем поместиться можно, если вас устроит раскладушка. Вы же не можете ночевать в кустах!

– Ну, теперь-то я в полном порядке, – возразил Лимас, похлопав себя по карману, в котором лежал конверт с деньгами. – Работу мне обещали. – Он кивнул, как бы в подтверждение собственных слов. – Через недельку или дней через десять. И тогда вообще никаких проблем.

– А что за работа?

– А черт ее знает. Работа – и точка.

– Нельзя так швыряться собой, старина! Вы же говорите по-немецки не хуже немца, я сейчас вспомнил. Это открывает перед вами огромные возможности.

– У меня уже были огромные возможности. Я торговал энциклопедиями в какой-то дурацкой американской фирме, разбирал книги в библиотеке по психиатрии, вешал табельный номерок на вонючей клеевой фабрике. А что еще я могу делать?

Он не глядел на Эша, уставившись глазами в стол, а его повлажневшие губы быстро шевелились. Эш, почувствовав его волнение, перегнулся к нему через стол и заговорил с убежденностью, близкой к ликованию:

– Но, Алек, вам нужны связи, разве не так? Я хорошо понимаю, как это бывает, сам оказывался в переплетах вроде вашего. Главное – понять, к кому обращаться. Не знаю, чем вы занимались в Берлине, да и знать этого не хочу, но ведь это была не та работа, где можно встретить влиятельных людей, верно? Если бы я не встретил Сэма пять лет назад в Познани, я по-прежнему сидел бы в дерьме по самые уши. Послушайте, Алек, поедем ко мне. Поживите у меня недельку-другую. Мы потолкуем с Сэмом и, может, еще с парочкой газетчиков из Берлина, если кто-то из них сейчас в Лондоне.

– Но ведь я не журналист, – возразил Лимас. – Писать я не умею.

Эш положил руку ему на плечо.

– Не суетитесь. Давайте-ка делать все по порядку. Где ваше барахло?

– Мое что?

– Ваши вещи: одежда, пожитки и всякое такое.

– У меня ничего нет. Я все продал, кроме того, что в свертке.

– В каком свертке?

– Коричневом бумажном пакете, который вы подобрали на скамье. Который я собирался выкинуть.

Эш жил на Дольфин-сквер. Квартира была именно такая, какую и ожидал увидеть Лимас, – маленькая и безликая, с подобранными на скорую руку вещицами из Германии: пивными кружками, крестьянской трубкой и несколькими второсортными фарфоровыми безделушками.

– Уик-энд я обычно провожу у матери в Челтенхеме, – сказал Эш. – Здесь бываю только по будням. Тут очень близко, – добавил он примирительно.

Они поставили раскладушку в крошечной гостиной. Было примерно половина пятого.

– Давно вы здесь живете? – спросил Лимас.

– Год или чуть больше.

– И легко сняли?

– Эти квартиры, знаете ли, не проблема. Даете объявление, и однажды утром вам звонят и называют адрес.

Эш приготовил чай. Лимас пил угрюмо, как человек, не привыкший к комфорту. Даже Эш, казалось, был чем-то подавлен. После чая он сказал:

– Пойду куплю чего-нибудь, пока не закрылись лавки. А потом решим, что делать дальше. Попозже я позвоню Сэму. Думаю, чем скорее вы с ним увидитесь, тем лучше. Советую вам немножко поспать – у вас очень усталый вид.

Лимас кивнул.

– Вы чертовски добры ко мне. – Он описал круг рукой. – Со всем этим.

Эш похлопал его по плечу, надел плащ и вышел.

После того как Эш, по расчетам Лимаса, вышел на улицу, Лимас выскользнул из квартиры и спустился в нижний холл, где были две телефонные будки. Он набрал номер в Майда-Вейле и попросил к телефону секретаршу мистера Томаса. Ему тотчас же ответил женский голос:

– Секретарь мистера Томаса у телефона.

– Я звоню по поручению мистера Сэма Кифера, – сказал Лимас. – Он принимает приглашение и намерен встретиться с мистером Томасом сегодня вечером.

– Я передам это мистеру Томасу. Ему известно, где вас можно найти?

– Дольфин-сквер, – сказал Лимас и назвал точный адрес. – До свидания.

Проделав определенные разыскания у стола привратника, он поднялся в квартиру Эша, сел на раскладушку, крепко сцепил ладони и опустил голову. Потом прилег, решив последовать совету Эша и немного отдохнуть. Закрыв глаза, он представил, что находится на Бейсуотер-стрит и рядом с ним лежит Лиз, и на секунду позволил себе задуматься о том, что с ней сейчас.

Его разбудил Эш, пришедший вместе с маленьким, довольно полным господином в двубортном костюме и с длинными, зачесанными назад седеющими волосами. Он говорил с легким акцентом – должно быть, немец, но судить наверняка трудно. Он сказал, что его зовут Кифер. Сэм Кифер.

Они пили джин с тоником, и говорил в основном Эш. Все как в добрые старые времена в Берлине, сказал он: мужская компания и вся ночь впереди. Кифер возразил, что не намерен слишком засиживаться: завтра с утра ему предстоит работать. Решили поужинать в китайском ресторане, который порекомендовал Эш, напротив Лимхаузского полицейского участка: туда можно приходить со своим вином. У Эша, словно по заказу, на кухне нашлось бургундское, и они прихватили его с собой в такси.

Еда была отменной, и они выпили обе бутылки. Кифер позволил себе чуть-чуть приоткрыться: он, оказывается, только что вернулся из Германии и Франции. Во Франции полный бардак, де Голля со дня на день могут сместить, и одному Богу известно, что тогда будет. Принимая во внимание сотни тысяч деморализованных алжирских колонистов, вынужденных вернуться во Францию, ее скорее всего ожидал фашизм.

– А что в Германии? – подкинул ему тему Эш.

– Вопрос в том, смогут ли янки с ними управиться. – Кифер испытующе поглядел на Лимаса.

– Что вы имеете в виду? – спросил тот.

– Именно то, что сказал. Одной рукой Даллес предоставил им право на самостоятельную внешнюю политику, а другой рукой Кеннеди отобрал это право. Кому бы такое пришлось по вкусу?

– Типично для идиотов американцев, – кивнул Лимас.

– Алек, похоже, недолюбливает наших американских кузенов, – с нажимом произнес Эш, и Кифер как бы про себя пробормотал:

– Вот как?

Кифер, понял Лимас, настроился на затяжную игру. Как опытный лошадник, выжидающий, пока лошадь сама подойдет к нему. Он превосходно играл роль человека, знающего, что у него попросят об одолжении, и не собирающегося делать его немедленно.

После ужина Эш сказал:

– Я знаю одно местечко на Уордор-стрит – да, вы, Сэм, там бывали. Там умеют доставить удовольствие. Почему бы не взять такси и не поехать туда?

– Минуточку, – сказал Лимас, и в голосе его было нечто заставившее Эша встревоженно поглядеть на него. – Объясните-ка мне кое-что, ладно? Кто за все это платит?

– Я, – ответил быстро Эш. – То есть мы с Сэмом.

– Вы так договорились заранее?

– Мы? Нет.

– Я ведь практически без гроша, и это вам вроде бы известно? Во всяком случае, я не могу швыряться деньгами.

– Разумеется, Алек. Но ведь до сих пор я обо всем заботился, верно?

– Да, – буркнул Лимас. – Что верно, то верно.

Казалось, он собирался что-то добавить, но затем передумал. Эш выглядел обеспокоенным, но не обиженным, а Кифер держался по-прежнему невозмутимо.

В такси Лимас демонстративно молчал. Эш попытался было примирительно поговорить с ним, но он только раздраженно пожал плечами. Они прибыли на Уордор-стрит и вылезли из машины, причем ни Лимас, ни Кифер не сделали ни малейшей попытки расплатиться с шофером. Эш повел их мимо витрины, уставленной журналами для мужчин, по узкой аллее, в дальнем конце которой сияла неоновая вывеска: «Клуб ласковых кошечек – вход только членам клуба». По обеим сторонам от двери висели фотографии девиц, к каждой была прикреплена полоска бумаги со словами: «Осмотр достопримечательностей. Только для членов клуба».

Эш позвонил. Дверь сразу же открыл великан в белой рубашке и черных брюках.

– Я член клуба, – сказал Эш, – а эти джентльмены – мои гости.

– Позвольте взглянуть на ваш билет.

Эш достал из бумажника карточку и передал ее вышибале.

– Вашим гостям придется заплатить по фунту с каждого за временное членство. Вы ведь рекомендуете их, не так ли?

Он протянул карточку Эшу, но Лимас перехватил ее. Внимательно рассмотрел, а потом вернул Эшу. Достав два фунта из заднего кармана брюк, Лимас вложил их в руку вышибалы.

– Два фунта, – сказал Лимас, – с гостей.

И, не обращая внимания на возмущенные восклицания Эша, прошел, увлекая за собой остальных, через занавешенные двери в полутьму клубного холла.

– Найди-ка нам, парень, столик, – обернулся он к вышибале. – И принеси бутылочку шотландского виски. Да проследи, чтобы нам никто не мешал.

Вышибала заколебался, но решил не спорить и проводил их вниз по лестнице в ресторан. Спускаясь, они слышали приглушенные звуки оркестра, исполнявшего какую-то невнятную мелодию. Им достался столик в конце зала. Музыкантов было всего двое, а вокруг сцены за столиками по две и по три сидели девицы. Заметив новых гостей, две из них поднялись с места, но великан-вышибала отрицательно покачал головой, Пока не принесли виски, Эш то и дело опасливо поглядывал на Лимаса, а Кифер, казалось, слегка скучал. Официант принес бутылку виски и три бокала, и они молча глядели, как он понемногу наливал в каждый бокал. Лимас отобрал у него бутылку и долил всем троим. После чего перегнулся через стол и спросил Эша:

– А теперь объясните, что все это, черт побери, значит?

– А в чем дело? – кажется, растерялся Эш. – Что вы имеете в виду, Алек?

– В тот день, когда меня выпустили из тюрьмы, вы тащились за мной от самых ворот, – спокойно начал Лимас. – С какой-то дурацкой историей о встрече в Берлине. Вы вернули мне

деньги, которых у меня не одалживали. Вы кормили меня роскошными обедами и привезли к себе домой.

– Ну, если все дело в этом… – покраснев, пробормотал Эш.

– Не перебивайте меня, – рявкнул Лимас. – Подержите язык за зубами, пока я не договорю до конца, ясно? Ваш членский билет выписан на имя Мерфи. Это ваше имя?

– Нет, не мое.

– Значит, ваш друг по фамилии Мерфи одолжил вам свой членский билет?

– Нет, по правде говоря, это не так. Я иногда захожу сюда подцепить девку. И вступил в клуб под фальшивым именем.

– Тогда почему ваша квартира зарегистрирована на имя Мерфи? – спросил Лимас.

Тут наконец заговорил Кифер.

– Езжай-ка домой, – сказал он Эшу. – Мы сами разберемся.

На сцене девица исполняла стриптиз – молодая, довольно неряшливого вида, с темным синяком на ляжке. Ее нагота была столь жалкой и тщедушной, что даже не возбуждала – безвкусная и антиэротичная. Она медленно поворачивалась, временами дергая руками и ногами, словно музыка доходила до нее лишь урывками, и не сводила с публики глаз заинтригованного ребенка, внезапно оказавшегося в компании взрослых. Вдруг темп музыки резко ускорился, девица отреагировала на это, как собака на свист, и начала раскачиваться туда-сюда. Сняв на последней ноте бюстгальтер, она подняла его высоко над головой, выставив на всеобщее обозрение тощее тело с тремя нелепыми полосками фольги, болтавшимися на нем, как мишура на осыпавшейся елке.

Стриптиз они посмотрели молча, Лимас и Кифер.

– Вероятно, сейчас вы приметесь уверять меня, что мы с вами видели в Берлине кое-что получше, – сказал в конце концов Лимас, и Кифер заметил, что он все еще в бешенстве.

– Вы, думаю, действительно, видели, – мирно ответил он. – Сам я частенько бывал в Берлине, но, боюсь, ночные клубы не по моей части.

Лимас ничего не сказал на это. – Не подумайте, что я ханжа. Скорее уж прагматик. Если мне нужна женщина, я знаю много способов заполучить ее подешевле, а когда мне хочется потанцевать, нахожу для этого более подходящие места.

Лимас, казалось, не слушал его.

– Может быть, вы все-таки объясните мне, почему этот пидер пристал ко мне? – спросил он.

Кифер кивнул.

– Разумеется. Пристал, потому что я приказал ему.

– Для чего?

– Вы представляете для меня определенный интерес. Я хотел бы сделать вам предложение по части работы – журналистской, разумеется.

Снова пауза.

– Журналистской, – сказал Лимас. – Понятно.

– Я руковожу агентством. Международная служба информации, знаете ли. Мы хорошо платим, очень хорошо, за интересный материал.

– Кто публикует материал?

В голосе Лимаса послышались угрожающие нотки, и на мгновенье, всего на мгновенье, по гладкому лицу Кифера пробежала тень уважительного признания.

– Клиенты международного ранга. У меня есть компаньон в Париже, который размещает большую часть моего материала. Часто я сам не знаю, кто именно публикует. Признаться, –

добавил он с обезоруживающей улыбкой, – мне на это наплевать. Они платят и просят приносить еще. Это, Лимас, люди, не привыкшие мелочиться, они платят щедро, они, например, готовы переводить деньги на счета в иностранные банки, где никого не заботят такие пустяки, как подоходный налог.

Лимас ничего не ответил. Он сидел, держа обеими руками бокал и уставясь в него.

«О Господи, – думал он, – они нарушают собственные правила, это уже ни в какие ворота не лезет». Ему пришла в голову дурацкая шутка, бытующая на танцульках: подобное предложение порядочная девушка не может принять до тех пор, пока не поймет, сколько ей заплатят. Тактически, решил он, они действуют совершенно правильно: я сижу в полном дерьме, только что из тюрьмы, сильнейшее неприятие окружающего. Святую невинность я из себя строить не стану и не стану говорить, будто они оскорбили во мне чувства британского джентльмена и патриота.

С другой стороны, они не могут не считаться с практическими препятствиями и затруднениями. Они понимают, что ему, конечно, страшно, ибо британская разведка преследует предателей и перебежчиков, как Господь Бог Каина. И вообще, во всем этом деле есть немалый риск. Они должны учитывать то, что непоследовательность, свойственная человеческой природе, может свести на нет наилучшим образом спланированную операцию; что мошенники, лжецы и преступники способны порой устоять перед любым давлением, тогда как респектабельного джентльмена можно при случае склонить к государственной измене за понюшку табаку».

– Здорово же им приходится платить, – пробормотал он наконец.

Кифер подлил ему виски.

– Они предлагают единовременную выплату в размере пятнадцати тысяч фунтов. Деньги уже переведены на счет Кантонального банка в Берне. Предъявив удостоверяющие личность документы, которыми мои друзья снабдят вас, вы сможете снять деньги со счета. Мои клиенты оставляют за собой право в течение года обратиться к вам за дополнительной информацией за дополнительную плату в пять тысяч фунтов. Они также готовы помочь вам решить любые проблемы по.., ну, скажем, по перемене места жительства, если возникнет необходимость.

– Когда вы хотите получить ответ?

– Немедленно. Вам незачем фиксировать все ваши воспоминания на бумаге. Вы встретитесь с моим клиентом, и он устроит так, что предоставленный вами материал обработают.., литературные «негры».

– Где я должен с ним встретиться?

– Мы полагаем, что для всех будет удобнее встретиться за пределами Соединенного Королевства. Мой клиент предлагает Голландию.

– Но у меня нет заграничного паспорта, – мрачно сказал Лимас.

– Я позволил себе позаботиться об этом, – учтиво заметил Кифер. Ни в его голосе, ни в манере держаться не было и намека на то, что заключается нечто иное, чем обычное деловое соглашение. – Мы летим в Гаагу завтра утром в 9.45. Не поехать ли нам ко мне, чтобы обстоятельно обсудить все детали?

Кифер расплатился, они взяли такси и поехали во вполне приличный район неподалеку от Сент-Джеймс-парка.

Квартира Кифера была дорогой и шикарной, но ее обстановка почему-то наводила на мысль, что все приобретено в крайней спешке. Есть, говорят, в Лондоне такие лавки, где вам продадут книги под цвет обоев и обои под цвет книг. Лимас, не будучи особенно чувствительным к тонкостям такого рода, все же с трудом поверил, что находится на частной квартире, а не в гостиничном номере. Когда Кифер провел его в отведенную комнату (окна которой, кстати, выходили в темный внутренний двор, а не на улицу), Лимас спросил:

– И давно вы тут живете?

– Ах, недавно, – небрежно бросил Кифер. – Всего несколько месяцев.

– Обошлось, верно, недешево. Впрочем, вы, думаю, таких денег стоите.

– Благодарю вас.

В комнате Лимаса на посеребренном подносе стояла бутылка виски и сифон с содовой. Занавешенная дверь в дальнем конце комнаты вела в ванную и клозет.

– Недурное гнездышко. И за все это платит великое государство трудящихся?

– Ну-ка заткнитесь, – рявкнул Кифер и тут же добавил:

– Если я понадоблюсь, вот внутренний телефон. Я ложиться не буду.

– Спасибо, ширинку я и сам расстегнуть сумею, – ответил Лимас.

– Что ж, доброй ночи, – бросил Кифер и вышел.

«Он ведь тоже на пределе», – подумал Лимас.

Лимаса разбудил звонок телефона на ночном столике. Звонил Кифер.

– Шесть утра. Завтрак в половине седьмого.

– Ладно, – буркнул Лимас и повесил трубку. С похмелья у него трещала голова.

Кифер, должно быть, вызвал такси по телефону, потому что ровно в семь в дверь позвонили.

– Вы собрались? – спросил Кифер.

– У меня нет вещей, только зубная щетка и бритва.

– Об этом уже позаботились. А в остальном вы готовы?

– Думаю, что да, – пожал плечами Лимас. – У вас нет сигарет?

– Нет, – ответил Кифер. – Они найдутся в самолете. Поглядите-ка лучше вот на это.

И он протянул Лимасу британский паспорт. Он был выписан на имя Лимаса с его фотографией и проштемпелеван в углу печатью министерства иностранных дел. Паспорт был не новым, но и не слишком потрепанным; Лимас был охарактеризован в нем как клерк, по семейному положению холостой. Взяв его в руки, Лимас впервые чуть занервничал. Это ведь все равно что жениться: как бы дело ни повернулось, назад дороги уже нет.

– А как насчет денег?

– Они вам не понадобятся. Все предусмотрено.

Глава 8. Мираж

Утро было холодным, легкий туман, липкий и серый, покусывал кожу. Аэропорт напомнил Лимасу дни войны: едва различимые в пелене самолеты терпеливо поджидали свои экипажи, гулкие голоса, внезапный окрик и неуместный тут стук девичьих каблучков по бетону, рев двигателя прямо у тебя над ухом. И повсюду та заговорщицкая атмосфера, которая окутывает людей, поднявшихся до зари, – некое чувство превосходства над всеми остальными, не замечающими, как уходит ночь и наступает утро. Экипаж, несущий на себе печать раннего вставания и утреннего холода, обращался с пассажирами с равнодушием солдат, только что вернувшихся с фронта: презренные смертные – это утро не для них.

Кифер снабдил Лимаса багажом, что было очень предусмотрительно, и Лимас оценил это. Пассажиры без багажа бросаются в глаза, что вовсе не входило в планы Кифера. Они отметились у стойки и направились по указателю к паспортному контролю. Но тут случилась нелепая заминка: они пошли не в том направлении, и Кифер наорал на носильщика. Лимас решил, что Кифер нервничает из-за паспорта – и совершенно напрасно, потому что, на его взгляд, паспорт был в полном порядке.

Паспорта проверял сравнительно молодой плюгавый мужчина в галстуке, какие носят в разведывательных войсках, и с каким-то загадочным значком на лацкане. У него были рыжие усики и областной говор, наверняка причинявший ему неимоверные страдания.

– Надолго едете, сэр? – спросил он Лимаса.

– На пару недель.

– Будьте внимательны, сэр. Ваш паспорт действителен только до тридцать первого.

– Знаю, – сказал Лимас.

Они вместе прошли в зал ожидания. По дороге Лимас заметил:

– А вам, Кифер, палец в рот не клади.

Тот улыбнулся.

– Мы же не можем позволить, чтобы вы пустились во все тяжкие. Это не входит в условия контракта.

Предстояло ждать еще двадцать минут. Они сели за столик и заказали кофе.

– И приберите-ка здесь, – сказал Кифер официанту, указав на грязные чашки и пепельницы на столе.

– Это сделает уборщица, – ответил официант.

– Я сказал, приберите, – сердито повторил Кифер. – Какая гадость, как можно оставлять на столе грязную посуду!

Официант отвернулся и пошел прочь. Но не к стойке и вовсе не затем, чтобы принести кофе. Кифер побелел от гнева.

– Ради Бога, – пробормотал Лимас, – не стоит так расстраиваться. Жизнь коротка.

– Наглый ублюдок, вот он кто! – бросил Кифер.

– Ладно, ладно, устройте скандал. Момент самый подходящий – они запомнят нас на всю жизнь.

Необходимые формальности в гаагском аэропорту оказались очень просты. Кифер вроде бы снова обрел прежнее хладнокровие. Он выглядел очень оживленным и весело болтал, пока они шли от самолета к таможне. Молодой голландский таможенник небрежно осмотрел их багаж и паспорта и сказал на чудовищном гортанном английском:

– Желаю вам хорошо провести время в Нидерландах.

– Спасибо, – ответил Кифер с излишним подобострастием. – Большое спасибо.

Из таможни они прошли по коридору в зал прилета на другом конце аэровокзала. Кифер направился к главному выходу мимо небольших группок туристов, разглядывающих витрины киосков с духами, фотоаппаратами и фруктами. Когда они прошли через стеклянную вертушку, Лимас позволил себе обернуться. У газетного киоска, углубившись в чтение «Континентал дейли мейл» стоял маленький, похожий на лягушку человечек в очках, вид у него был очень серьезный и озабоченный. Он смахивал на чиновника. Или на кого-то в этом роде.

Машина ожидала их на стоянке. «Фольксваген» с нидерландским номером. За рулем сидела женщина, не обратившая на них никакого внимания. Она вела машину очень медленно, неизменно останавливаясь на желтый свет, и Лимас предположил, что таков был приказ и что за ними следует машина сопровождения. Он посмотрел в боковое зеркальце, пытаясь ее высмотреть, но безуспешно. Правда, он заметил черный «пежо» с номером SD, но после поворота за ними следовал только мебельный фургон. Он неплохо знал Гаагу еще со времен войны и сейчас пытался определить, куда они держат путь. Куда-то, решил он, на северо-запад по направлению к Схевенингу. Вскоре остались позади и городские окраины, и они очутились в каком-то пригороде, застроенном виллами, тянущимися вдоль прибрежных дюн.

Здесь они и остановились. Женщина вышла, оставив их в машине, и позвонила в колокольчик у дверей небольшого кремового цвета бунгало. На железной вывеске у входа

бледно-голубой готической вязью было выведено: «Мираж». В окошке белело объявление, что свободных мест нет.

Дверь открыла добродушная толстая женщина, сразу же переведшая взор с женщины-водителя на машину. И тотчас же направилась им навстречу, улыбаясь и лучась радостью. Глядя на нее, Лимас вспомнил свою старую тетушку, которая поколачивала его в детстве за разорванные шнурки.

– Как хорошо, что вы приехали! – воскликнула она. – Мы так рады, так рады!

Она прошла следом за ними в бунгало, впереди шел Кифер, за ним Лимас. Лимас оглянулся на дорогу: метрах в трехстах от них припарковался черный автомобиль, не то «фиат», не то «пежо». Из машины вышел мужчина в плаще.

В холле женщина дружески пожала ему руку.

– Добро пожаловать. Добро пожаловать в «Мираж»! Надеюсь, вы хорошо доехали?

– Превосходно, – ответил Лимас.

– Добирались самолетом или пароходом?

– Мы летели, – сказал Кифер. – На редкость удачный рейс.

Он говорил как владелец авиакомпании.

– Я приготовлю вам завтрак, – сказала женщина. – Отменный завтрак по такому случаю. Чего бы вам хотелось?

– Ах, да ради Бога… – вполголоса сказал Лимас, и в этот миг зазвонил колокольчик.

Женщина быстро удалилась в кухню, а Кифер пошел открывать дверь.

Он был в плаще с кожаными пуговицами. Ростом не выше Лимаса, но, пожалуй, постарше. Лимас решил, что ему лет пятьдесят пять. Лицо жесткое, сероватого оттенка, с глубокими морщинами; вероятно, он был военным. Он протянул руку.

– Меня зовут Петерс. – Пальцы были тонкие с ухоженными ногтями. – Хорошо добрались?

– Да, – поспешно ответил Кифер. – Без всяких осложнений.

– Нам с мистером Лимасом нужно многое обсудить. Не думаю, Сэм, что нам понадобится ваша помощь. Вы можете вернуться в город на «фольксвагене».

Кифер улыбнулся. Лимас заметил, что улыбнулся он с облегчением.

– До свидания, Лимас, – сказал Кифер чуть шутливо. – Удачи вам, старина.

Лимас кивнул, игнорируя протянутую ему на прощание руку.

– До свидания, – повторил Кифер и спокойно вышел из дома.

Лимас пошел вслед за Петерсом в комнаты. На окнах висели тяжелые кружевные гардины, причудливо драпированные. Подоконники были уставлены цветочными горшками с большими кактусами, душистым табаком и каким-то любопытным деревцем с широкими, словно резиновыми листьями. Громоздкая мебель в псевдостаринном стиле. В центре комнаты стоял стол, покрытый ржавого цвета скатертью, больше похожей на ковер, возле стола – два резных кресла. Перед каждым из кресел на столе лежала стопка бумаги и карандаш. Сбоку стояли виски и содовая. Петерс смешал им обоим по стаканчику.

– Послушайте, – внезапно сказал Лимас, – теперь мы можем обходиться без лишних церемоний. Понимаете? Мы оба знаем, о чем идет речь, мы оба профессионалы. Вы получили перебежчика по корыстным мотивам – вам повезло. Только, ради Бога, не делайте вид, будто прониклись ко мне внезапной симпатией.

Он, казалось, был на грани нервного срыва и сомневался, сможет ли на ней удержаться.

Петерс кивнул.

– Кифер сказал мне, что вы человек гордый, – бесстрастно заметил Петерс. А потом без улыбки добавил:

– В конце концов, с чего бы иначе вы стали бросаться на бакалейщика?

Лимасу показалось, что Петерс русский, хотя он не мог бы дать стопроцентной гарантии. Его английский был почти безупречен, ему были присущи спокойствие и манеры человека, давно привыкшего к цивилизованному обращению.

Они сели за стол.

– Кифер сообщил вам, сколько я намерен заплатить?

– Да. Пятнадцать тысяч фунтов в Бернском банке.

– Совершенно верно.

– Он сказал, что у вас могут быть дополнительные вопросы в течение года, – сказал Лимас. – И тогда, если я окажусь под рукой, вы заплатите еще пять тысяч.

Петерс кивнул.

– Я не согласен на такие условия, – продолжал Лимас. – Вы не хуже меня понимаете, что так дело не пойдет. Я хочу получить пятнадцать тысяч и смыться. Ваши молодчики не больно-то церемонятся с перебежчиками – наши тоже. Я не намерен просиживать штаны в Швейцарии, пока вы будете вылавливать одну мою сеть за другой. У нас тоже не дураки работают, они мигом сообразят, с кого за это спросить. Насколько мы с вами можем судить, они уже взяли нас на заметку.

Петерс кивнул.

– Вы могли бы, конечно, перебраться в какое-нибудь место понадежнее.

– За «железный занавес»?

– Да.

Лимас лишь покачал головой и продолжал:

– Я полагаю, вам понадобятся дня три на предварительное дознание. А затем вы вернетесь и потребуете более детального отчета.

– В этом нет необходимости.

Лимас с интересом взглянул на Петерса.

– Ага, понятно. Вы специалист. Значит, в игру вступил московский центр?

Петерс молчал и только смотрел на Лимаса, пристально вглядываясь в него. Наконец он взял карандаш и сказал:

– Начнем с вашей работы во время войны.

– Как прикажете, – пожал плечами Лимас.

– Значит, начнем с войны. Рассказывайте.

– Я был призван в инженерные войска в 1939 году. И уже прошел спецподготовку, когда поступило извещение о приглашении людей со знанием иностранного языка на особую службу за границей. Я знал немецкий и голландский и неплохо говорил по-французски. Солдатчиной я был сыт по горло – и я записался. Я хорошо знал Голландию: у моего отца было агентство по продаже станков в Лейдене, я прожил там девять лет. Для начала я прошел обычную проверку, а потом меня определили в школу в окрестностях Оксфорда, где обучили всей нашей рутине.

– Кто заведовал школой?

– Тогда я и сам этого не знал. Потом познакомился со Стид-Эспри и оксфордским профессором по фамилии Филдинг. Они-то и заведовали. В сорок первом меня забросили в Голландию, и я пробыл там почти два года. В те дни мы теряли агентов раньше, чем успевали завербовать новых, – это была просто мясорубка. Голландия – поганая страна для такого рода работы, тут практически нет малонаселенной сельской местности, негде устроить лежбище и разместить радиопередатчик. Вечно в пути, вечно в бегах. Это жутко выматывало. Я выбрался

отсюда в сорок третьем и провел пару месяцев в Англии, потом меня перекинули в Норвегию, по сравнению с Голландией это было просто загородной прогулкой. В сорок пятом меня уволили в запас, и я вернулся в Голландию, чтобы попытаться возобновить отцовское дело. Ничего путного из этого не вышло, поэтому я вступил в долю к одному старинному приятелю, державшему в Бристоле бюро путешествий. Через восемнадцать месяцев мы обанкротились. И тут совершенно неожиданно я получаю письмо из департамента с вопросом, не угодно ли мне вернуться на службу. Тогда мне казалось, что с меня довольно, и я ответил, что должен подумать, а сам снял коттедж на Анди Айленд. Там я просидел с год, потом мне и это обрыдло, и я написал им, что согласен. Осенью сорок девятого я вернулся на службу. Конечно, стаж у меня был прерван – урезанная пенсия и всякая такая чертовщина. Вы успеваете записывать?

– Пока успеваю, – ответил Петерс и налил себе еще виски. – Разумеется, впоследствии мы обсудим все более детально с именами и датами.

В дверь постучали, и женщина принесла им завтрак – огромное количество холодного мяса, хлеб и суп. Петерс отложил в сторону записи, и они позавтракали в молчании. Дознание началось.

Остатки завтрака были убраны из комнаты.

– Итак, вы вернулись в Цирк, – сказал Петерс.

– Да. Какое-то время я сидел на канцелярской работе, составлял отчеты, давал предполагаемую оценку военной мощи стран Востока, прослеживал цепочки связей и всякое такое.

– В каком отделе?

– Сателлиты-Четыре. Я был там с февраля пятидесятого по май пятьдесят первого.

– С кем вы работали?

– С Петером Гийомом, Брайаном де Греем и Джорджем Смайли. Смайли ушел от нас в начале пятьдесят первого и перешел в контрразведку. В мае пятьдесят первого меня направили в Берлин в качестве ЗИР – заместителя инспектора района. Это означало, что ко мне перешла вся оперативная работа.

– Кто был у вас под началом?

Петерс быстро записывал. Лимас решил, что тот владеет какой-то разновидностью стенографии.

– Хэккет, Сарроу и Де Йонг. Де Йонг погиб в дорожной катастрофе в пятьдесят девятом. Мы предполагали, что это было убийство, но доказать ничего не могли. У каждого была своя агентурная сеть, а я был начальником над всеми. Вам нужны детали? – сухо спросил он.

– Разумеется, но позже. Продолжайте.

– В конце пятьдесят четвертого нам удалось наконец подцепить на крючок в Берлине крупную рыбу: Фрица Фегера, второе лицо в министерстве обороны ГДР. До той поры нам нечем было похвастаться, но с ноября пятьдесят четвертого у нас появился Фриц. Он продержался почти два года, а затем вдруг исчез, и больше мы о нем ничего не слышали. Вроде бы умер в тюрьме. Прошло еще целых три года, прежде чем нам удалось подыскать ему достойную замену. В пятьдесят девятом появился Карл Римек. Карл был в президиуме СЕПГ. Он был лучшим из всех агентов, с какими мне когда-либо доводилось работать.

– Его уже нет в живых, – отметил Петерс.

По лицу Лимаса пробежала тень стыда.

– Я был там, когда его застрелили, – пробормотал он. – У него была любовница, перебежавшая на Запад как раз перед его гибелью. Он рассказывал ей все, она знала всю его агентуру. Ничего удивительного, что он провалился.

– К берлинским делам мы вернемся позже. Скажите-ка мне вот что. После смерти Карла вы улетели в Лондон. Вы там и оставались, пока вас не уволили.

– Ну, это было совсем недолго. Да, там и оставался.

– А что за работу вам дали в Лондоне?

– Расчетный отдел: надзор за выплатой жалования агентам, заграничные выплаты на оперативные цели. С этим мог бы управиться и ребенок. Мы получали указания и подписывали бланки. Иногда устраивали проверку надежности.

– Вы были связаны с агентами напрямую?

– Нет, каким образом? Резидент в какой-либо конкретной стране требовал денег. Вышестоящая инстанция ставила на его запросе свое «добро» и передавала его нам, чтобы мы осуществили платеж. В большинстве случаев мы переводили деньги в соответствующий банк, где резидент мог бы получить их и передать агенту.

– Как проходили в документах агенты? Под кличками?

– Под цифровыми обозначениями. В Цирке их называют комбинациями. Каждой агентурной сети дается своя комбинация, каждый агент обозначался подстрочным индексом. Комбинация Карла была 8-А дробь 1.

Лимас покрылся потом. Петерс хладнокровно разглядывал его, прикидывая его силу – силу профессионального игрока. На сколько тянет Лимас? Что способно сломить его, а что – привлечь или напугать? Что он ненавидит, а главное – что знает? Не придержит ли он свой главный козырь, стремясь продать его подороже? Это Петерс считал маловероятным: Лимас слишком был выбит из равновесия, чтобы блефовать или жульничать. Он поставил на карту самого себя: свою судьбу, убеждения – и, поставив, предал их. Петерс сталкивался с этим и раньше. Он сталкивался с этим даже в таких людях, которые претерпевали полный идеологический перелом, которые в часы ночных размышлений сумели выковать для себя новую веру и в полном одиночестве, опираясь лишь на внутреннюю силу своих новых убеждений, предавали свое призвание, свою семью и свою родину. И даже они, исполненные новых надежд и видящие перед собой новую цель, с трудом выносили клеймо предательства, даже они боролись с почти физической боязнью рассказать то, о чем, как их учили, нельзя говорить ни при каких условиях. Подобно вероотступникам, которым все равно страшно сжигать крест, они метались между подсознанием и сознанием, и Петерс, зараженный такой же полярностью, должен был даровать им утешение и обуздать их гордыню. Смысл этой ситуации отлично понимали они оба, а потому Лимас изо всех сил противился установлению чисто человеческого контакта с Петерсом, ибо этого не допускала его гордость. Петерс понимал, что именно по этой причине Лимас может и солгать. Солгать скорей всего по оплошности, но солгать и из-за собственной гордыни, от подспудной враждебности или извращенной сущности самого шпионского ремесла. И Петерсу предстоит разоблачить его ложь. Он знал также, что сам профессионализм Лимаса может сработать против его собственных интересов, потому что он станет отбирать и подбирать факты там, где Петерсу не нужны ни отбор, ни подбор. Лимас попытается предугадать тот тип дознания, который нужен Петерсу, и, поступая так, возможно, упустит из виду какую-нибудь крупицу информации, которая, не исключено, окажется жизненно важной для Петерса. А вдобавок ко всему Лимас выказывал признаки капризного тщеславия, свойственного забулдыгам.

– Пожалуй, – сказал Петерс, – мы сейчас более детально займемся вашей работой в Берлине. Итак, с мая пятьдесят первого по март шестьдесят первого. Налейте себе еще.

Лимас смотрел, как Петерс достает сигарету из пачки на столе и закуривает. Он отметил две вещи: во-первых, Петерс был левшой, и, во-вторых, он снова зажег сигарету с того конца, где была марка, чтобы та поскорее сгорела. Этот жест понравился Лимасу: он свидетельствовал о том, что Петерс, как и он сам, бывал в переделках.

У Петерса было странное лицо: невыразительное и серое. Краска сошла с его щек, должно быть, давным-давно – возможно, в какой-нибудь тюрьме первых послереволюционных лет, – и затем черты лица застыли и определились: таким, как сейчас. Петерс останется до самой смерти. Только седоватая щетина на голове побелеет, а лицо не изменится. Лимас подумал о том, как же Петерса зовут на самом деле и женат ли он. Во всем его облике было нечто весьма традиционное, и Лимасу это нравилось. То была традиционность силы, традиционность уверенности. Если Петерсу и придется солгать, это будет осмысленной ложью, ложью продуманной и необходимой, не идущей ни в какое сравнение с мелким враньем Эша.

Эш, Кифер, Петерс – с появлением каждого из них нарастало качество, нарастали полномочия, что для Лимаса было аксиомой разведывательной иерархии. И, как ему казалось, нарастала идейная убежденность его контрагентов. Эш – мелкий наемник, Кифер – попутчик, и вот, наконец, Петерс, цели и средства которого соответствовали друг другу.

Лимас начал рассказывать о Берлине. Петерс редко прерывал его, редко задавал вопросы или делал замечания, но когда это случалось, демонстрировал профессиональную заинтересованность и квалификацию, полностью отвечающую темпераменту самого Лимаса. Лимас, казалось, даже упивался бесстрастным профессионализмом своего инквизитора – теми же качествами обладал и он сам.

Потребовалось немало времени, чтобы, сидя в Западном Берлине, создать приличную агентурную сеть в Восточной зоне, объяснил Лимас. В прежние годы город кишмя кишел второсортными агентами: разведка не внушала доверия и настолько рассматривалась как часть повседневной жизни, что вы могли завербовать агента на вечеринке с коктейлями, дать ему задание за обедом и потерять его к завтраку. Для профессионалов это было сущим кошмаром: десятки агентурных сетей, в половине которых работали двойные агенты, тысячи зацепок, слишком много намеков, слишком мало надежных источников и оперативного простора. Перелом наступил в пятьдесят четвертом с появлением Фегера. Но в пятьдесят шестом, когда каждый отдел разведки требовал первоклассной информации, у них заштилило. Фегер скармливал им третьеразрядный материал, лишь на день-другой опережавший официальную информацию. Им нужно было нечто исключительное, но такого случая пришлось ждать еще три года.

И вот однажды Де Йонг отправился на загородную прогулку в лес на окраине Восточного Берлина. Свою машину с номером британской военной миссии он оставил на гравиевой дорожке возле канала, заперев, разумеется, дверцу. После пикника его дети весело побежали с корзинкой к машине. Но, добежав до нее, испуганно выронили корзинку и бросились обратно. Кто-то взломал дверцу – ручка была сломана, а дверца машины приоткрыта. Де Йонг точно помнил, что оставил в ящике для перчаток фотоаппарат. Он подошел к машине и осмотрел ее. Дверь открыли, судя по всему, отмычкой, какую всегда можно спрятать в рукаве пальто. Но фотоаппарат был на месте, так же как его пальто и вещи жены. На переднем сиденье лежала коробка из-под табака, а в ней – маленькая никелевая гильза. Де Йонг сразу сообразил, что это такое: то была кассета с микропленкой, сделанной сверхминиатюрным фотоаппаратом, скорей всего Миноксом.

Он отправился домой и проявил пленку. Она содержала протоколы заседаний Президиума СЕПГ – коммунистической партии восточных немцев. По случайному совпадению обстоятельств материал удалось проверить из другого источника, и он оказался подлинным.

Тогда за дело взялся Лимас. Ему чертовски не хватало успеха. С того времени, как прибыл в Берлин, он, в сущности, не представил в Лондон ничего серьезного, а лимит времени, отпущенный на оперативную работу, уже истекал. Ровно через неделю он, взяв машину Де Йонга, поехал на то же место и отправился гулять в лес.

Местность выглядела довольно уныло: полоска канала с грудами пустых ящиков вдоль него, глинистые поля, а к востоку, метрах в двухстах от дороги, редкий сосновый бор. Но было

у этого места и одно несомненное достоинство – его заброшенность, а найти такое в Берлине совсем не просто. Лимас бродил по лесу. Он не следил за машиной, не собирался этого делать, потому что не знал, с какой стороны к ней могут подойти. Если бы его заметили в этот момент, шансы на доверие информанта были бы сведены к нулю. Нельзя вспугивать дичь.

Когда он вернулся, в машине ничего не было, и он поехал обратно в Западный Берлин, проклиная себя за глупость: ведь Президиум должен был собираться только через две недели. Лишь после заседания он снова взял у Де Йонга машину и тысячу долларов двадцатками и отправился к каналу. Он на два часа оставил машину незапертой и, вернувшись, нашел в ящике микрофильм. Сумка с двадцатками исчезла.

На пленках оказалась первоклассная документация. В последующие шесть недель он еще два раза ездил к каналу – и с теми же результатами.

Лимас понял, что напал на золотую жилу. Он дал источнику информации кличку Майфэр и отослал в Лондон весьма пессимистическое послание. Лимас знал, что стоит открыть Лондону хотя бы половину правды, они начнут руководить агентом непосредственно, чего он отчаянно стремился избежать. Операция такого размаха была единственным средством, способным помешать им отозвать его из Германии, но в то же время достаточно заманчивой приманкой, чтобы им захотелось вступить в игру самим. Даже если он попробует припрятать источник, в Цирке будут изобретать всевозможные теории, делать предположения, требовать гарантий и действий. Например, они могут потребовать, чтобы он производил выплаты только новыми купюрами в один доллар, и попытаются проследить их путь, запросят в Лондон кассеты на проверку, запланируют какую-нибудь нелепую слежку и доложат обо всем в Департамент. Больше всего, разумеется, они захотят поставить в известность Департамент, а это погубит все дело. Три недели он работал как одержимый. Он составил досье на каждого из членов Президиума. Составил список всего технического персонала, имеющего и способного получить доступ к документации. Из списка адресатов рассылки на последнем листе документов он взял еще дополнительные фамилии, и в итоге число потенциальных информаторов свелось к тридцати одному, включая технический персонал.

Понимая, что выявить одного информатора из такого списка – задача почти неразрешимая, Лимас снова обратился к самим документам, чем, как ему теперь стало ясно, нужно было заняться сразу же. Ему бросилось в глаза то, что ни на одной из полученных фотокопий не было постраничной нумерации и пометок о секретности и что в первой и во второй порциях документов некоторые слова были вычеркнуты простым или цветным карандашом. Он пришел к выводу, что имеет дело с фотокопиями не самих документов, а черновиков. Значит, информатор был членом Секретариата, а Секретариат очень мал. Черновики были сфотографированы профессионально и тщательно, что свидетельствовало о том, что у фотографа было и время и место, чтобы этим заниматься.

Лимас вновь обратился к перечню возможных кандидатов. В нем был и некто Карл Римек, член Секретариата, в войну капрал медицинской службы, отбывший три года в плену в Англии. Его сестра жила в Померании, когда туда вошли советские войска, и с тех пор он не имел о ней никаких сведений. Он был женат, и у него была дочь по имени Карла.

Лимас решил рискнуть. Он выяснил в Лондоне номер, под которым находился в плену Римек (29012) и дату его освобождения – 10.12.45. Он купил восточногерманскую детскую книжку научной фантастики, написал на титуле детским почерком по-немецки: «Эта книга принадлежит Карле Римек, родившейся 10.12.45 в Бейфорде, Северный Девон» и подписал все это: «Лунная дева No 29012», а внизу добавил: «Желающим принять участие в космических полетах обращаться за инструкцией лично к К. Римек. Форма обращения прилагается. Да здравствует Народная Республика Демократического Космоса!»

Он разлиновал на листе бумаги анкету с указанием имени, адреса, возраста и написал внизу: «Каждый из кандидатов должен пройти личное собеседование. Напишите, где и когда вы желаете встретиться. Обращения принимаются в течение семи дней. К. Р.»

Лимас вложил лист в книгу, поехал на обычное место в машине Де Йонга и оставил книгу на переднем сиденье, засунув под суперобложку пять неновых стодолларовых купюр. Когда он вернулся из леса, книга исчезла, а на ее месте лежала коробка из-под табака. В ней было три микропленки. Той же ночью Лимас проявил их: одна, как всегда, содержала черновой набросок материалов к заседанию Президиума, вторая сообщала о связях ГДР с СЭВ, а третья раскрывала всю структуру восточногерманской разведывательной службы с названиями и функциями отделов и детальными сведениями о конкретных личностях.

– Погодите, – перебил его Петерс, – погодите. Вы хотите сказать, что вся информация о разведке исходила только от Римека?

– А почему бы и нет? Вы же знаете, как много он видел и знал.

– Это маловероятно, – заметил Петерс, как бы говоря это самому себе. – У него наверняка был помощник.

– Помощники появились потом. Я до этого дойду.

– Я знаю, о ком вы собираетесь рассказать. Но неужели у вас никогда не возникало ощущения, что он получал определенные сведения от кого-то сверху, а не только от агентов, которых завербовал позже?

– Нет. Никогда. Мне это даже в голову не приходило.

– Ну, а если вы еще раз все обдумаете? Ведь правда, похоже?

– Не особенно.

– А когда вы переслали все материалы в Цирк, им тоже не показалось странным, что дела разведки были уж слишком доступны для человека в его статусе?

Лимас помедлил с ответом.

– Нет… – сказал он. – Клянусь, никогда не спрашивали.

– Весьма примечательно, – сухо заметил Петерс. – Но извините и, пожалуйста, продолжайте.

Ровно через неделю, продолжил свой рассказ Лимас, он поехал к каналу. На этот раз он изрядно нервничал. Свернув на гравиевую дорогу, заметил в траве три велосипеда, а метрах в двухстах ниже увидел трех мужчин с удочками. Он, как обычно, вышел из машины и направился к лесу. Пройдя метров двадцать, он услышал крик. Обернувшись, увидел, что один из рыболовов машет ему рукой. Двое других тоже обернулись и не спускали с него глаз. Лимас был в старом плаще, руки в карманах, вынимать их оттуда сейчас не стоило. Он понимал, что эти двое прикрывают того, что в центре, и если он попытается вынуть руки, пристрелят его, решив, что он достает пистолет. Лимас остановился метрах в десяти от мужчины.

– Вам что-то от меня нужно? – спросил Лимас.

– Вас зовут Лимас? – Это был невысокий полноватый человек с весьма уверенной манерой держаться Он говорил по-английски.

– Да.

– Номер вашего британского паспорта?

– PRT – L 58003-1.

– Где вы были вечером пятнадцатого августа сорок пятого?

– В Лейдене в Голландии, сидел с голландскими друзьями в конторе моего отца.

– Давайте пройдемся немного, мистер Лимас. Плащ вам не понадобится. Снимите его и положите на землю возле себя. Мои друзья присмотрят за ним.

Лимас помедлил, потом пожал плечами и снял плащ. Они быстро направились в сторону леса.

– Вам не хуже моего известно, кто это был, – устало сказал Лимас. – Третий человек в министерстве внутренних дел, член секретариата Президиума, начальник координационной службы комитета государственной безопасности. Думаю, там-то он и вышел на Де Йонга и меня: просмотрел заведенные на нас в отделе досье. У него было сразу три козыря: Президиум, знание внутренней политики и экономики и, наконец, доступ к документам восточногерманской разведки.

– Но лишь весьма ограниченный доступ, – вмешался Петерс. – Они никогда не позволяют посторонним просматривать все их досье.

– А вот ему позволили, – пожал плечами Лимас.

– А куда он девал получаемые от вас деньги?

– С того дня я перестал платить ему. Оплатой стал ведать Цирк. Деньги переводились в западногерманский банк. Он даже вернул мне то, что я уже выплатил ему. Лондон перевел и эти деньги в банк. – А многое вы сообщили в Лондон? – После этой встречи все, что знал. У меня не было иного выхода. А Цирк, разумеется, сообщил в Департамент. И с этого момента, – желчно добавил Лимас, – его провал стал уже вопросом времени. С Департаментом за плечами Цирк нагулял себе аппетит. Они начали нажимать на нас, требовать как можно больше информации, готовы были дать ему большие деньги. В конце концов мне пришлось предложить Карлу завербовать новых агентов, образовать агентурную сеть. Это было крайне глупо: мы перенапрягли Карла, встревожили его, подорвали доверие к нам. Это было началом конца.

– Ну, и много ли вам удалось получить от него?

– Много ли? – вздохнул Лимас. – Господи, вот уж не знаю. Это и так длилось невероятно долго. Я думаю, его засветили гораздо раньше, чем взяли. Скатывание вниз началось за несколько месяцев до его гибели. Они начали его подозревать и преградили ему доступ к подлинной информации.

– И все же, если подытожить, что вы от него получили? – настаивал Петерс.

Фрагмент за фрагментом Лимас восстановил полный объем сделанного Римеком. Память Лимаса, как с удовольствием заметил Петерс, была на редкость точна, особенно если учесть, сколько он уже выпил. Он называл даты и имена, он помнил, как на что реагировал Лондон и какие осуществлял проверки. Он называл суммы денег, запрошенные и выплаченные, даты подключения к сети новых агентов.

– Простите, – сказал наконец Петерс, – но я просто не могу поверить, что один-единственный человек, какой бы ответственный пост он ни занимал, как бы он ни был осторожен, предприимчив и удачлив, может обеспечить столько информации и с такими деталями. Кстати, даже если бы он и получил доступ к ней, ему все равно не удалось бы сфотографировать ее.

– А вот Карлу удалось, – упрямо и раздраженно возразил Лимас. – Ему, черт побери, удалось – в этом-то все и дело.

– И Цирк никогда не давал вам задания разобраться, как именно ему это удается делать и при каких обстоятельствах?

– Нет, – буркнул Лимас, – Римек очень болезненно реагировал на это, и Лондон решил проявить деликатность.

– Допустим, – сказал Петерс, а чуть погодя спросил:

– А вам известно о женщине?

– Какой еще женщине?

– О любовнице Римека, той, что перебралась в Западный Берлин в ту самую ночь, когда его застрелили?

– Ну и что с ней?

– Найдена мертвой неделю назад. Ее застрелили из машины, когда она выходила из своего дома.

– Это был мой дом, – машинально заметил Лимас.

– Возможно, она знала об агентурной сети Римека больше, чем вы, – предположил Петерс.

– Что, черт побери, вы имеете в виду?

Петерс помолчал.

– Все это очень странно, – сказал он наконец. – Не понимаю, кому понадобилось убивать ее.

До конца разобравшись с делом Карла Римека, они перешли к обсуждению менее значительных агентов, а затем к тому, как функционировала западноберлинская контора Лимаса, ее связи, персонал, тайная инфраструктура – явочные квартиры, транспорт, записывающее и фотографирующее оборудование. Они проговорили до поздней ночи и весь следующий день, и когда назавтра вечером Лимас добрался до своей постели, он знал наверняка, что сдал противнику всю разведывательную службу союзников и выпил за два дня две бутылки виски.

Его сильно озадачивало одно обстоятельство: упорство, с каким Петерс настаивал на том, что у Римека был помощник, причем вышестоящий. Контролер, как он вспомнил сейчас, спрашивал о том же – откуда у Карла доступ к такой информации. Почему оба они так убеждены в том, что Карл не мог бы управиться сам? Разумеется, у него были помощники вроде тех, кто охранял его в тот день у канала. Но это были мелкие сошки, и Карл все рассказывал ему о них. И все же Петерс – а Петерс, не следует забывать, должен знать точно, к чему мог, а к чему не мог получить доступ Карл, – и все же Петерс не верил в то, что Карл работал в одиночку. В этом пункте мнения Петерса и Контролера совпадали.

Может быть, так оно и было. Возможно, за Карпом стоял кто-то еще. Быть может, именно его и стремился уберечь от Мундта Контролер. В таком случае выходит, что Карл работал на пару с этим секретным агентом и поставлял Лимасу материал, добытый ими совместно. Может быть, именно об этом Контролер беседовал с Карлом в берлинской квартире Лимаса, когда они остались наедине.

Так или иначе, утро вечера мудренее. Утром он вынет из рукава свой козырной туз.

Он задумался над тем, кому все-таки понадобилось убивать Эльвиру. И зачем? Разумеется, в этом был какой-то смысл, здесь таилась возможная разгадка: Эльвира, если она знала помощника Римека, им же и была убита… Нет, тут слишком большая натяжка. Не учтены трудности перехода с Востока на Запад, а ведь убили ее в Западном Берлине.

Его удивляло, почему Контролер не сказал ему о том, что Эльвира убита. Хотя бы для того, чтобы он правильно отреагировал на сообщение Петерса. Но гадать об этом было бессмысленно. Наверняка Контролер имел на то свои причины, а его причины обычно столь запутаны, что в них сам черт ногу сломит.

Засыпая, он пробормотал: «Карл был просто идиот. Эта баба предала его, клянусь, что она его предала». Эльвира теперь мертва – что же, поделом. Он вспомнил Лиз.

Глава 9. Второй день

На следующее утро Петерс появился в восемь, и без долгих церемоний они уселись за стол и продолжили беседу.

– Итак, вы вернулись в Лондон. Чем вы там стали заниматься?

– Меня поставили на полку. Я понял, что со мной все кончено, как только увидел в аэропорту этого засранца из отдела кадров. Я обязан был сразу явиться к Контролеру и сообщить ему о Карле. Римек был мертв – о чем тут еще было говорить?

– И что же они с вами сделали?

– Сперва сказали, что я могу поболтаться в Лондоне, пока мне не выбьют приличную пенсию. Они вели себя столь великодушно, что я взбесился и сказал им: раз уж вы так обо мне печетесь и вам не жаль на меня денег, то почему бы вместо того, чтобы охать да вздыхать, не засчитать мне просто непрерывный стаж? И тут они рассердились. Меня отправили в расчетный отдел, а там одни бабы. Этот период я помню не слишком отчетливо: я уже начал довольно крепко выпивать. Так сказать, поплыл.

Он закурил. Петерс понимающе кивнул.

– Поэтому, собственно, меня и поперли. Им не нравилось, что я пил.

– И все же расскажите все, что сможете вспомнить, о расчетном отделе.

– Там было на редкость погано. Я всегда знал, что не гожусь для канцелярской работы. Поэтому я так и цеплялся за Берлин. Я знал, что если меня отзовут, то посадят за бумажную работу, прости Господи.

– Чем вы там занимались?

Лимас на минуту задумался.

– Отсиживал задницу в компании двух баб – Тьюзби и Лэррет. Я, правда, называл их несколько иначе. – Он глуповато ухмыльнулся.

Петерс непонимающе поглядел на него.

– Ну, просто тасовали бумажки. Например, из финансового отдела поступал документ: «Платежное поручение о выплате семисот долларов такому-то и такому-то вступает в силу с такого-то по такое-то. Просим исполнить». Вот и все. Подружки мои немножко волынили, потом отмечали бумажки, ставили печать, а я подписывал чек или отдавал распоряжение в банк произвести выплату.

– В какой банк?

– «Блэтт и Родни», небольшой респектабельный банк в Сити. В Цирке господствует убеждение, что выпускники Итонского колледжа умеют держать язык за зубами.

– То есть, вам известны имена агентов во всем мире?

– Вовсе нет. Там была одна закавыка. Я подписывал чек или платежное поручение в банк, оставляя пропуск на месте фамилии получателя. Сопроводительное письмо и все остальное подписывалось мною, а затем бумаги поступали обратно в особый отдел.

– А что это за особый отдел?

– Там хранятся все досье на наших агентов. Они вписывают там имя и передают бумаги в банк. Неплохо придумано, ничего не скажешь.

Петерс разочарованно поглядел на него.

– Значит, вы вообще не знали имен получателей?

– В большинстве случаев – нет.

– А в порядке исключения?

– Ну, кое-что время от времени просачивалось и к нам. Вся эта возня с банком, финансовым отделом и особым отделом, разумеется, приводила порой к накладкам. Слишком уж много ухищрений. Так что иногда удавалось заглянуть в щелку на чужую, так сказать, жизнь. – Лимас поднялся. – Я приготовил список всех выплат, которые смог припомнить. Он у меня в комнате. Пойду принесу.

Он вышел из комнаты весьма нетвердой походкой, которую приобрел уже здесь, в Голландии. Когда он вернулся, в руке у него было несколько листков линованной бумаги, вырванных из дешевого блокнота.

– Я написал это ночью, – пояснил он. – Думаю, так дело пойдет быстрее.

Петерс взял листки и, не торопясь, внимательно прочел их. Похоже, они произвели на него впечатление.

– Хорошо, – сказал он. – Очень хорошо.

– Лучше всего я запомнил операцию под кодовым названием «Роллинг Стоун». Благодаря ей я пару раз съездил за границу. В Копенгаген, а потом в Хельсинки. Просто чтобы поместить деньги в банк.

– Сколько?

– Десять тысяч долларов в Копенгагене и сорок тысяч западногерманских марок в Хельсинки.

Петерс положил карандаш на стол.

– Для кого?

– Откуда я знаю. Мы работали в «Роллинг Стоун» на принципе вкладов на депозит. Мне выдавали фальшивый британский паспорт, я обращался в Королевский скандинавский банк в Копенгагене и в Национальный банк в Хельсинки и получал банковскую книжку на два лица – на себя под фальшивым именем и на кого-то другого, – очевидно, на агента под фальшивым именем. Я оставлял в банке образец своей и его подписи (его подпись предоставлял мне Цирк). Затем агент получал банковскую книжку и поддельный паспорт, который он предъявлял в банке, снимая деньги со счета. Мне известен только его псевдоним. – Он слышал собственные слова, и они казались ему чудовищно неправдоподобными.

– Это общепринятая процедура?

– Нет. Это особая форма платежа. Только по определенному списку. Со специальной пометкой.

– А что это такое?

– В ней было кодовое название, известное очень немногим.

– Какое название?

– Я же говорил вам – «Роллинг Стоун». Операция по выплате сумм в тысячу долларов каждая в разных валютах и в разных столицах.

– Всегда только в столицах?

– Насколько мне известно, всегда. Кажется, припоминаю, я видел в досье упоминание о выплатах, проводившихся до того, как я поступил в отдел. В тех случаях проведение операции поручалось местному резиденту.

– А те платежи, до вашего поступления, где они осуществлялись?

– Один – в Осло. А другие – не помню.

– Псевдоним агента всегда был одним и тем же?

– Нет. Тут тоже проявляли осторожность. Потом я узнал от кого-то, что мы слизали всю эту процедуру у русских. Это была самая надежная и подстрахованная со всех сторон операция, с какими мне вообще приходилось иметь дело. Я, кстати, тоже выступал под разными именами и, соответственно, получал разные паспорта. – Это должно было понравиться Петерсу, тут было за что ухватиться.

– А эти поддельные паспорта, которые вручались агенту для получения денег, – вы что-нибудь о них знаете? Как их изготовляли, где регистрировали?

– Нет, не знаю. Ах да, вот только помню, что на каждом была въездная виза страны, где находился банк, и штамп о въезде.

– Штамп о въезде? Вот как!

– Да. Мне кажется, эти паспорта никогда не предъявлялись на границе, а только в банке для получения денег. Агент, должно быть, въезжал в страну под собственным именем,

совершенно законно прибывал в страну, где его дожидались деньги, а затем использовал в банке поддельный паспорт. Во всяком случае, так мне это представляется.

– А вам известно, почему сначала выплаты осуществлялись через резидента, а в дальнейшем через человека, привозившего деньги из Лондона?

– Известно. Я спрашивал об этом у своих бабенок в расчетном отделе. Дело в том, что Контролер боялся…

– Контролер? Вы хотите сказать, что эти выплаты курировал сам Контролер?

– Да, он. Он боялся, что местного резидента могут опознать в банке, поэтому решил посылать почтальона и выбрал для этой цели меня.

– Когда состоялись ваши поездки?

– В Копенгаген – пятнадцатого июня. В тот же вечер я улетел обратно. А в Хельсинки – в конце сентября. Там я пробыл два дня. – Он ухмыльнулся, но Петерс не обратил на это ни малейшего внимания.

– А другие выплаты? Как производились они?

– Вот этого, прошу прощения, не помню.

– Но одна совершенно наверняка в Осло?

– Да, в Осло.

– С каким интервалом производились две первые выплаты через резидентов?

– Точно не знаю. Думаю, с небольшим. Месяц или вроде того. Может, чуть больше.

– Как вы думаете, работал этот агент до того, как была произведена первая выплата? Не было ли это указано в досье?

– Нет, в досье были только даты выплат. Первая – в начале пятьдесят девятого. И никаких других сведений. Все операции со специальной страховкой проводятся по этому принципу. В разных досье хранятся сведения по одному и тому же делу. Только тот, у кого главный ключ, может сложить все фрагменты воедино.

Петерс теперь писал, не переставая. Лимас был уверен, что где-то в комнате работает и магнитофон. Но расшифровка магнитограммы потребует определенного времени. То, что Петерс записывает сейчас, ляжет в основу телеграммы, которая уже сегодня вечером уйдет в Москву, а тем временем шифровальщики в советском посольстве в Гааге проведут ночь за передачей дословного текста их многочасовой беседы.

– Скажите-ка, – начал Петерс, – ведь речь идет о крупных суммах. И метод их передачи очень непростой и дорогостоящий. Что вы сами думаете по этому поводу?

Лимас пожал плечами.

– А что мне думать? Должно быть, у Контролера появился чертовски ценный агент, но я не видел материалов и ни о чем не могу сказать наверняка. Мне не нравилось, как все это делалось – слишком уж сложно, слишком хитро и изобретательно. Почему бы просто не встретиться и не передать наличными? Зачем заставлять агента пересекать границу с настоящим паспортом, держа в кармане поддельный? Все это как-то странно.

Лимас чувствовал, что рыбка клюнула, теперь нужно было набраться терпения.

– Что вы имеете в виду?

– А то, что, насколько мне известно, деньги из банка ни разу не забирались. Возможно, это был какой-то высокопоставленный агент из страны за «железным занавесом» – значит, деньги должны были быть у него под рукой на случай необходимости. Так мне кажется, но я об этом не очень-то задумывался. Зачем мне это? В том-то суть нашего ремесла: знать только фрагменты общей картины. А стоит сунуть нос куда не следует, тебе же и не поздоровится.

– Если деньги, как вы предполагаете, не были востребованы, то к чему все эти предосторожности с паспортами?

– Когда я работал в Берлине, мы разработали определенный механизм для Карла Римека на случай, если ему придется бежать и он не сможет вступить с нами в контакт. Мы держали для него поддельный западногерманский паспорт на явочной квартире в Дюссельдорфе. Он мог его получить в любую минуту при соблюдении определенной процедуры. Паспорт ни разу не был просрочен – отдел специальных поездок возобновлял паспорт и визу, как только их срок истекал. Возможно, Контролер использовал ту же методику и с этим агентом. Правда, это всего лишь мое предположение.

– А откуда вам известно, что паспорта продлевались?

– Есть соответствующие пометки в досье, циркулирующих между расчетным отделом и отделом спецпоездок. Отдел спецпоездок как раз и ведает поддельными паспортами и визами.

– Понятно. – Петерс задумался на минуту, а потом спросил:

– Под каким именем вы бывали в Копенгагене и Хельсинки?

– Роберт Ланг, инженер из Дерби. Так меня звали в Копенгагене.

– Какого числа вы были в Копенгагене?

– Я уже говорил вам – пятнадцатого июня. Я прибыл туда в половине двенадцатого. – И в какой банк вы обратились?

– Боже мой, Петерс, – наливаясь гневом, сказал Лимас, – в Королевский скандинавский. У вас это уже записано.

– Просто хотелось удостовериться, – спокойно ответил Петерс. – А как вас звали в Хельсинки?

– Стефен Беннет, инженер-кораблестроитель из Плимута. А там я был в конце сентября, – с сарказмом добавил он.

– Вы побывали в банке в день прибытия?

– Да, двадцать четвертого или двадцать пятого, точно не помню, это я тоже говорил вам.

– Вы привезли деньги с собой из Англии?

– Разумеется, нет. В обоих случаях мы переводили их на счет местного резидента. Резидент снимал их, встречал меня в аэропорту и передавал сумку с деньгами, а я отвозил их в банк.

– Кто сейчас резидент в Копенгагене?

– Петер Йенсен, книготорговец из университетской книжной лавки.

– А какие псевдонимы использовал агент?

– Хорст Карлсдорф в Копенгагене. Кажется, так. Да, точно: Карлсдорф. Помню, мне все время хотелось сказать: «Карлхорст».

– Профессия?

– Менеджер из Клагенфурта, Австрия.

– А другой псевдоним? Для Хельсинки?

– Фехтман. Адольф Фехтман из Сент-Галлена, Швейцария. У него было ученое звание. Да, доктор Фехтман, архивариус.

– Понятно. У обоих родной язык немецкий.

– Да, я тоже обратил на это внимание. Но немцем он быть не мог.

– Почему же?

– Я ведь был главой всей немецкой агентуры. Подобное дело не прошло бы мимо меня. Агента такого уровня нужно курировать из Западного Берлина. Я бы о нем, конечно, знал.

Лимас поднялся, подошел к буфету и налил себе виски. Предложить виски Петерсу он и не подумал.

– Вы же сами говорили, что в данном случае осуществлялась особая подстраховка, специальная процедура. Может быть, им незачем было ставить вас в известность.

– Не порите чушь, – резко возразил Лимас. – Конечно, они поставили бы меня в известность.

С этой позиции его было не сбить, как бы они ни старались. Это должно было внушить им уверенность, будто со стороны им виднее, и придать большую достоверность тому, что он говорил. «Пусть они сами сделают должные выводы вопреки тому, что будете утверждать вы, – сказал ему Контролер. – Вам следует дать им материал и не соглашаться с выводами, которые они станут делать. Положитесь на их ум, тщеславие и на их подозрительность друг к другу – и тогда мы добьемся своего».

Петерс кивнул, как бы соглашаясь с некой утешительной истиной.

– Вы гордец, Лимас, – снова сказал он.

Вскоре после этого Петерс ушел. Он пожелал Лимасу хорошо отдохнуть и пошел по дороге вдоль берега моря. Было время обеда.

Глава 10. Третий день

Петерс не появился ни вечером, ни на следующее утро. Лимас сидел дома, с нарастающим раздражением дожидаясь какой-нибудь вести от него, но ее все не было. Он осведомился у домовладелицы, но та лишь улыбнулась в ответ и пожала полными плечами. На следующий день часов в одиннадцать он вышел прогуляться вдоль берега, купил сигарет и угрюмо полюбовался морем.

На берегу спиной к Лимасу стояла девушка и кормила хлебом чаек. Ветер с моря играл ее длинными черными волосами, обдувал плащ, превращая ее фигуру в своего рода лук, изогнутый в сторону суши. Лимас знал, чем его наградила на прощание Лиз: заботой о повседневном, верой в обыденную жизнь, той простотой, которая заставляет вас завернуть в бумагу кусок хлеба и отправиться на прогулку вдоль берега, чтобы покормить чаек. И когда-нибудь ему придется попробовать самому испытать это, впрочем, если он вообще когда-нибудь сумеет вернуться в Англию. То было уважение к банальности повседневной жизни, которого у него никогда прежде не было; вернувшись, он попытается обрести его, и может быть, Лиз поможет ему в этом. Еще неделя, самое большее две, и он будет дома. Контролер сказал, что он вправе оставить себе все, что они заплатят, а этого ему вполне достаточно. С пятнадцатью тысячами фунтов, наградными и пенсией из Цирка человек, как выразился Контролер, имеет возможность и право навсегда уйти с холода.

Он повернул назад и возвратился в бунгало без четверти двенадцать. Хозяйка впустила его, не говоря ни слова, но, пройдя к себе в комнату, он услышал, как она сняла трубку и набрала какой-то номер. Говорила она всего несколько секунд. В половине первого она принесла ему ленч и, к его радости, английские газеты. Лимас, как правило, вообще ничего не читающий, читал сейчас их медленно и сосредоточенно. Он запоминал всевозможные детали, имена и адреса людей, о которых говорилось в крошечных заметках. Он делал это почти бессознательно, как человек, тренирующий память, и это занятие полностью поглотило его.

В три наконец появился Петерс. Едва увидев его, Лимас понял, что дела завертелись. Тот не стал садиться и даже не снял плаща.

– У меня для вас плохие новости, – сказал он. – Вас разыскивают в Англии. Они установили слежку в портах. Я узнал об этом сегодня утром.

– По какому обвинению? – вяло спросил Лимас.

– Якобы из-за неявки на регистрацию в полицейский участок в надлежащий срок после выхода из тюрьмы.

– А на самом деле?

– Ходят слухи, будто вы представляете угрозу для национальной безопасности. Ваши фотографии во всех лондонских вечерних газетах. Сообщения крайне туманные.

Лимас молча слушал его.

Контролер взялся за дело. Контролер устроил переполох. Другого объяснения быть не могло. Даже если они схватили Эша и Кифера и те заговорили, ответственность за переполох все равно лежала на Контролере. «Пару недель займет, так сказать, расследование, – говорил он Лимасу. – Пару недель они будут проверять вас и испытывать. А затем все пойдет своим чередом. Вам придется залечь на дно, пока не осядет пыль, но с вами все будет в порядке, я уверен. Я договорился держать вас на оплате оперативного работника до той поры, пока Мундта не уничтожат: так, по-моему, будет наиболее справедливо».

А теперь вдруг такой оборот.

Этого они не обговаривали и не предвидели. Интересно, что, по их разумению, он должен делать сейчас? Если он заартачится и откажется ехать туда, куда велит ему Петерс, он провалит операцию, и ведь не исключено, что Петерс солгал и его просто испытывают. Что ж, тогда тем более он обязан соглашаться. Но если он согласится и его отправят на Восток – в Польшу, Чехословакию или еще Бог знает куда, – у его противников не будет никаких резонов отпускать его – никаких еще и потому, что и у него самого (человека, за которым охотятся на Западе) вроде бы не будет никаких резонов возвращаться.

Все это устроил Контролер – в этом Лимас не сомневался. Условия были слишком щедрыми – он понимал это с самого начала. Они не кидают деньги на ветер, кроме тех случаев, когда обрекают тебя на возможную гибель. Деньги, предложенные ему, были douceur за неудобства и риск, о которых Контролер не пожелал заговорить с ним открыто. Деньги вроде этих были сигналом опасности, а Лимас не понял сигнала.

– А как, черт побери, они до этого доперли? – внешне спокойно спросил он. Потом, словно бы только что догадавшись, добавил:

– Конечно, это могли сказать им ваши друзья Эш или Кифер.

– Возможно, – ответил Петерс. – Вам не хуже моего известно, что такие вещи никогда не исключены. Наша профессия не дает стопроцентной гарантии. Так или иначе, – раздраженно добавил он, – теперь вас станут искать в любой стране на Западе.

Лимас, казалось, пропустил его слова мимо ушей.

– Теперь я у вас на крючке, верно, Петерс? Ваша компания небось помирает со смеху. Быть может, вы сами сообщили все в Лондон?

– Вы преувеличиваете собственную значимость, – брезгливо заметил Петерс.

– Тогда какого черта вы следите за мной? Сегодня утром я отправился на прогулку. И метрах в двадцати друг за дружкой за мной все время следовали двое в коричневых костюмах. А когда я вернулся, хозяйка сразу же позвонила вам.

– Давайте придерживаться того, что нам известно наверняка. Как именно ваше начальство вышло на вас, сейчас особой роли не играет. Главное, что оно вышло.

– А у вас есть лондонские вечерние?

– Разумеется, нет. Их здесь не достать. Мы получили телеграмму из Лондона.

– Вы лжете. Вы прекрасно знаете, что ваши люди в Лондоне имеют право поддерживать связь только через Центр.

– В данном случае было разрешено прямое взаимодействие двух резидентур, – сердито возразил Петерс.

– Ладно, ладно, – с кривой ухмылкой сказал Лимас. – Понятно, что вы птица высокого полета. Или это не Центр руководит операцией? – добавил он так, словно это предположение только сейчас пришло ему в голову.

Петерс ничего на это не ответил.

– Вам предстоит выбор, и вам известны альтернативы, – сказал он. – Или вы позволяете нам позаботиться о вас и обеспечить вам безопасный уход, или действуете на свой страх и риск, что означает неминуемый провал. У вас нет поддельных документов, нет денег, вообще ничего. Ваш британский паспорт через десять дней окажется просроченным.

– Но ведь есть и третья возможность. Дайте мне швейцарский паспорт, немного денег и отпустите на все четыре стороны. О себе я сумею позаботиться и сам.

– Боюсь, что это крайне нежелательно.

– То есть вы еще не закончили расследование. И до тех пор вы меня не отпустите?

– Грубо говоря, так.

– А что вы намерены делать со мной, когда расследование закончится? Петерс значительно помолчал.

– А чего бы вам хотелось?

– Новые документы. Быть может, скандинавский паспорт. Деньги.

– Пока это разговор чисто теоретический. Но я постараюсь доложить об этом по начальству. Итак, вы едете?

Лимас помедлил. Потом улыбнулся чуть неуверенно и сказал:

– А что вы со мной сделаете, если я откажусь? Так или иначе, мне есть что порассказать нашим. Вам не кажется?

– Истории такого рода доказать очень трудно. Я уезжаю сегодня вечером. А что касается Эша и Кифера… – Он запнулся. – Какое это сейчас имеет значение?

Лимас подошел к окну. Над Северным морем собиралась гроза. Он глядел на чаек, метавшихся под черными тучами. Девушки на берегу не было.

– Ладно, – сказал он. – Заметано.

– Самолета на Восток до завтра нет. Через час рейс в Западный Берлин. Мы можем успеть, но надо поторопиться.

Пассивная роль, которую в тот вечер играл Лимас, позволила ему еще раз по достоинству оценить безупречную продуманность действий Петерса. Паспорт был приготовлен заранее – об этом, должно быть, позаботился Центр. Он был выписан на имя Александра Свейта, коммивояжера, и заполнен визами и отметками о въезде – старый, захватанный паспорт профессионального путешественника. Голландский пограничник в аэропорту лишь кивнул и поставил в него еще одну печать. Петерс стоял в очереди человека на три сзади, не выказывая ни малейшего интереса к происходящему.

Войдя в дверь с надписью «Только для отлетающих», Лимас увидел газетный стенд. Там была расставлена целая коллекция международной печати: «Фигаро», «Монд», «Нейе цюрихер цайтунг», «Ди вельт» и с полдюжины английских газет и еженедельников. Пока он смотрел на них, к киоску подошла девушка с пачкой «Ивнинг-стандард». Лимас рванулся к ней и схватил газету.

– Сколько с меня? – спросил он. Опустив руку в карман, он вдруг сообразил, что у него нет голландских денег.

– Тридцать центов, – ответила девушка. Она была довольно миловидна – темноволосая и приветливая.

– У меня тут два английских шиллинга. По-вашему – гульден. Годится?

– Конечно.

Лимас заплатил. Обернувшись, он увидел, что Петерс еще не прошел контроля и стоит к нему спиной. Лимас бросился в мужской туалет. Там он быстро, но внимательно просмотрел каждую страницу газеты и швырнул ее в мусорный ящик. Все верно: в газете была его

фотография с туманным сообщением о причине ее публикации. «Интересно, попалась ли она на глаза Лиз», – подумал он. Потом не спеша вернулся к остальным пассажирам. Через десять минут они улетали в Западный Берлин через Гамбург. В первый раз за всю операцию Лимасу стало страшно.

Глава 11. Друзья Алека

В тот же вечер к Лиз пришли двое. Лиз жила в северной части Бэйсуотера. В крошечной квартирке были диван-кровать и довольно симпатичная газовая плита – известняково-серая с современной горелкой. Когда здесь бывал Лимас, Лиз порой зажигала ее, и тогда только пламя горелки освещало все помещение. Он лежал на диване, а она сидела возле него, целовала или просто смотрела на огонь, прижавшись к Лимасу щекой. Сейчас она боялась думать о нем слишком подолгу, потому что забыла, как он выглядит, и ее мимолетные воспоминания о нем были подобны беглому взору, брошенному на туманный горизонт. Но она помнила какие-то сказанные им пустяки, странный взгляд, которым он порой смотрел на нее, и как он очень часто вообще не замечал ее. Но самым ужасным было то, что у нее не осталось ничего на память – ни фотографии, ни подарка, ничего. Даже ни одного общего знакомого – разве что мисс Крейл в библиотеке, чья ненависть к Лимасу оказалась оправдана его внезапным исчезновением. Лиз однажды зашла в дом, где жил Лимас, и поговорила с его хозяином. Она и сама не знала, зачем ей это, но все же набралась смелости и сходила туда. Домовладелец очень тепло отзывался о Лимасе: он платил как джентльмен все время, пока жил, после него, правда, остался должок за неделю-другую, но потом зашел приятель мистера Лимаса и заплатил за все, причем без всяких разговоров. Да, он может сказать о мистере Лимасе – и от своих слов не отступится – это настоящий джентльмен. Без высшего образования, понятно, без всяких там закидонов, но все же настоящий джентльмен. Конечно, он бывал грубоват да и пил, пожалуй, больше, чем следовало бы, но домой всегда возвращался трезвым. А тот недомерок, который заходил сюда, тот коротышка в очках, сказал, что мистер Лимас чрезвычайно беспокоится о том, чтобы было выплачено все до последнего пенни. И если это не джентльменское поведение, то непонятно, что вообще можно называть таковым. Бог его знает, откуда у него были деньги, но мистер Лимас был человеком основательным. А с бакалейщиком Фордом он обошелся именно так, как хотели бы многие еще с самой войны. Заняли ли комнату? Да, заняли. Джентльмен из Кореи через два дня после того, как мистера Лимаса забрали.

Может быть, именно поэтому она и продолжала работать в библиотеке – там он по крайней мере все еще существовал. Стремянка, полки, книги, каталог – все это он видел, ко всему этому прикасался и, кто знает, может быть, когда-нибудь вернется сюда. Мисс Крейл полагала, что он обязательно вернется: она обнаружила, что осталась должна ему – она постоянно ему недоплачивала, – и ее прямо-таки бесило, что это чудовище оказалось недостаточно чудовищным, чтобы явиться за долгом. После исчезновения Лимаса Лиз постоянно задавала себе один и тот же вопрос: почему он ударил бакалейщика? Она знала, что он жутко вспыльчив, но тут что-то было не так. Он задумал это заранее, как только выздоровел. Разве иначе он стал бы прощаться с ней накануне вечером? Он знал, что ударит бакалейщика. Лиз не желала принимать всерьез другое объяснение: что он просто устал от нее, решил порвать с ней, а на следующий день, все еще под воздействием эмоционального стресса, не сдержался во время ссоры с бакалейщиком и ударил его. Нет, ведь она с самого начала прекрасно знала, что существует нечто, чему посвятил себя Алек. Но чему – об этом Лиз могла лишь гадать.

Возможно его ненависть к бакалейщику коренится в глубоком прошлом. Какая-нибудь история с девицей или родственниками Алека. Но стоило поглядеть на бакалейщика, и подобные подозрения отпали сами собой. Это был типичный petit-bourgeois, расчетливый, скаредный, подловатый. Но даже если Алек и решил за что-то отомстить бакалейщику, почему он выбрал для этого субботний день, когда в лавке полно покупателей, а следовательно, свидетелей?

Они обсуждали этот случай на заседании партячейки. Джордж Хэнби, их казначей, случайно оказался в лавке во время скандала, хотя почти ничего не сумел разглядеть в толчее. Но он разговорился с человеком, который стоял близко от прилавка. История эта произвела на Хэнби столь сильное впечатление, что он позвонил в «Уоркер», и те прислали на суд своего корреспондента, поэтому и появилось сообщение в газете. «Это был чистейший случай социального протеста, внезапного взрыва ненависти и бунта против господствующего класса» – так писалось в «Уоркере». Тот тип, с которым говорил Хэнби (собственно, не тип, а невзрачный коротышка в очках, похожий на чиновника), сказал, что все произошло как гром среди ясного неба, что, по мнению Хэнби, лишний раз доказывало неустойчивость капиталистического строя. Пока Лиз слушала Хэнби, у нее не раз перехватывало дыхание; никто из членов их ячейки, разумеется, ничего не знал о ней и Лимасе. И вдруг она почувствовала, что ненавидит Хэнби, похотливого нахала, вечно пялившегося на нее и норовившего ее полапать.

А затем пришли эти двое.

Она сразу подумала, что они выглядят слишком прилично для полицейских: они приехали на небольшой черной машине с антенной. Один был мал ростом и довольно тучен. Он носил очки и был одет дорого и безвкусно. Он казался добрым и чем-то озабоченным, и Лиз почему-то сразу прониклась к нему доверием. Второй был довольно привлекателен, но не смазлив, со стройной юношеской фигурой, хотя, как решила Лиз, ему было не менее сорока. Они объяснили, что работают в особом отделе, и показали удостоверение с фотографиями в целлофановой обложке. Беседу главным образом вел коротышка.

– Я знаю, что вы дружите с Алеком Лимасом, – начал он.

Лиз готова была рассердиться, но у коротышки был слишком уж серьезный вид.

– Да, – ответила она. – А откуда вам это известно?

– Мы только вчера случайно узнали об этом. Понимаете, когда человек попадает.., попадает в тюрьму, он должен назвать ближайших родственников. Лимас заявил, что у него вообще их нет. Он солгал. Тогда его спросили, кого известить, если с ним что-то случится в тюрьме. И он назвал вас.

– Понятно.

– Кто-нибудь еще знает о вашей дружбе?

– Нет, никто.

– Вы были на суде?

– Нет.

– И не встречались с газетчиками, кредиторами и тому подобное?

– Нет, я же сказала вам. Никто ничего не знает. Даже мои родители. Мы, конечно, работали вместе в библиотеке психиатрических исследований, но об этом знает только мисс Крейл, библиотекарша. Думаю, она даже не заметила, что между нами что-то было. Она слегка тронутая, – с обезоруживающей простотой добавила Лиз.

Коротышка некоторое время серьезно глядел на нее, а потом спросил:

– Вас удивило то, что Лимас ударил бакалейщика?

– Конечно.

– А как вам кажется, почему он это сделал?

– Не знаю. Наверно, потому, что тот отказал ему в кредите. Но, по-моему, он все равно сделал бы так.

Тут она подумала, не сказала ли чего-то лишнего, но ей было так одиноко и так хотелось с кем-то поговорить, а эти люди не внушали тревоги.

– Накануне вечером, перед тем как все это случилось, мы с ним разговаривали. Мы ужинали как-то необычно торжественно. Алек позаботился об этом, и я поняла, что это прощание. Он принес бутылку красного вина, мне вино не очень нравится, и почти всю бутылку выпил он сам. Потом я спросила: «Это что, прощание? Между нами все кончено?»

– И что ответил он?

– Он сказал, что ему предстоит какое-то дело. Отплатить кому-то за то, что тот сделал с его другом. Честно говоря, я тогда почти ничего не поняла.

Воцарилось долгое молчание. Коротышка выглядел теперь еще более встревоженным, чем поначалу. Наконец он спросил:

– И вы ему поверили?

– Не знаю. – Ей вдруг стало страшно за Алека, хотя она не могла понять почему.

– У Лимаса было двое детей от первого брака, он говорил вам об этом? – Лиз промолчала. – И тем не менее как своего ближайшего родственника он указал вас. Как вы думаете, почему?

Коротышка, казалось, удивился собственному вопросу и смущенно перевел взгляд на свои сцепленные на коленях пухлые руки. Лиз покраснела.

– Я была влюблена в него.

– А он в вас?

– Может быть. Не знаю.

– И вы по-прежнему его любите?

– Да.

– Он обещал вам когда-нибудь вернуться? – спросил тот, что помоложе.

– Нет.

– Но он с вами попрощался? – быстро спросил коротышка. – Он ведь попрощался, не так ли? – переспросил он уже медленно и доброжелательно. – С ним больше ничего не случится, обещаю вам. Но мы хотим; помочь ему, и если у вас появятся какие-то мысли по поводу того, почему он ударил бакалейщика, если вы: что-нибудь еще вспомните, хоть самую малость из того, что он говорил или делал, сообщите об этом нам; для его же пользы.

Лиз покачала головой.

– Пожалуйста, уходите, – сказала она. – Пожалуйста, не спрашивайте больше ни о чем и уходите.

Уже возле двери тот, что постарше, задержался, достал из бумажника визитную карточку и осторожно, словно стараясь не шуметь, положил ее на край стола. Лиз подумала, что он, наверное, очень робкий.

– Если вам понадобится какая-то помощь, если произойдет что-то связанное с Алеком или еще что-нибудь, позвоните мне. Вы поняли?

– А кто вы такой?

– Я друг Алека. – Он вздохнул. – И еще один вопрос. Теперь уже действительно последний. Алек знал о том.., он знал, что вы в партии?

– Да, – грустно сказала она. – Я ему говорила.

– А партия знала про вас и Алека?

– Я же вам сказала: никто не знал. – И затем, побледнев, она вдруг заплакала. – Где он? Скажите, где он. Почему вы не хотите сказать мне? Я могла бы помочь ему, неужели вам это не понятно? Я могла бы присмотреть за ним. Даже если он сошел с ума, клянусь, мне все равно.., все равно… Я писала ему в тюрьму. Я знала, что не должна этого делать, я знала. Я

просто написала ему, что он может вернуться, когда захочет.., я буду ждать его всегда… – Не в силах говорить, она принялась всхлипывать, стоя посреди комнаты и закрыв руками лицо.

Коротышка внимательно глядел на нее.

– Он за границей, – мягко сказал он. – Где точно, вы и сами не знаем. Он не сошел с ума, но ему не следовало говорить вам так много. Очень жаль.

Тот, что помоложе, сказал:

– Мы позаботимся, чтобы с вами было все в порядке. Деньги и все такое.

– Кто вы такие? – снова спросила она.

– Друзья Алека, – ответил более молодой. – Добрые друзья.

Она слышала, как они тихо спустились вниз по лестнице и вышли на улицу. Из окна она видела, как они садятся в машину и отъезжают в сторону парка.

Потом она вспомнила о визитной карточке, подошла к столу, взяла ее и поднесла к свету. Карточка была шикарная. Куда богаче, чем мог бы позволить себе полицейский, подумала Лиз. С гравировкой. Ни профессии, ни номера полицейского участка. Просто имя с обращением «мистер». Да и с каких это пор полицейские стали проживать в Челси? «Мистер Джордж Смайли. Байуотер-стрит, 9. Челси». А ниже номер телефона.

Все это было очень странно.

Глава 12. Восток

Лимас отстегнул пристежной ремень.

Говорят, что люди, приговоренные к смерти, переживают мгновения внезапного душевного подъема: словно мотыльки, летящие на огонь, они могут испытать истинное наслаждение, лишь погибая. Твердо следуя принятому решению, Лимас ощущал сейчас нечто подобное: облегчение, пусть недолгое, но утешительное и вселяющее силы. Правда, к этому примешивались голод и страх.

Да, он устал. Контролер был прав.

Впервые он заметил это в начале года, ведя дело Римека. Карл прислал ему сообщение: он приготовил для Лимаса нечто особенное и намерен совершить один из редких визитов в Западную Германию на какую-то вполне официальную конференцию в Карлсруэ. Лимас долетел до Кельна, а там взял напрокат машину. Было еще очень рано, и он надеялся, что дорога окажется довольно пустынной, однако тяжелые грузовики уже потоком шли в Карлсруэ. Он ехал со скоростью сто сорок километров в час, лавируя между машинами и рискуя разбиться, как вдруг маленькая машина, кажется «фиат», вынырнула прямо перед ними метрах в сорока. Лимас нажал на тормоза, включил на полную мощность передние фары, засигналил – и с божьей помощью избежал столкновения: все решила какая-то доля секунды. Обогнав машину, они боковым зрением увидел на заднем сиденье «фиата» четырех детей, смеющихся и весело машущих ему, и глупое, перепуганное лицо отца за рулем. Матерясь про себя, он поехал дальше, и тут это случилось: руки его лихорадочно задрожали, лицо покрылось горячим потом, сердце бешено заколотилось. У него едва хватило сил выехать на обочину. Он вылез из машины и стоял, тяжело дыша и глядя на стремительный поток гигантских грузовиков. Ему привиделась маленькая машина, сдавленная, смятая, искореженная, и вот уже все кончено, лишь истерический вой клаксонов, синие сигнальные огни и изуродованные тела детей, похожие на трупы беженцев в дюнах.

Остаток пути он ехал очень медленно и опоздал на встречу с Карлом.

С тех пор всякий раз, садясь в машину, он каким-то закоулком памяти вспоминал растрепанных детишек, машущих ему с заднего сиденья, и отца, вцепившегося в руль, как фермер в рукоятку плуга.

Контролер назвал бы это болезнью.

Лимас мрачно сидел у окна над крылом. Возле него сидела американка в туфлях на высоком каблуке и полиэтиленовых ботиках. Он задумался на секунду, не передать ли через нее записку своим людям в Берлине, но тут же отбросил эту мысль. Она решит, что он вздумал пофлиртовать с ней, а Петерс непременно это заметит. К тому же в этом не было никакого смысла. Контролер знал, что произошло, ведь это произошло по его воле. Что тут еще можно добавить.

Он стал прикидывать, что же с ним теперь будет. Контролер никогда не говорил об этом – только о технической стороне операции.

– Не раскрывайте им всего сразу. Заставьте их как следует потрудиться. Путайте их в мелочах, выпускайте кое-какие факты, ступайте по собственному следу. Будьте раздражительны, будьте требовательны, трудны в общении. Пейте как лошадь, не напирайте на идеологию, они вам все равно не поверят. Им хочется иметь дело с человеком, которого они купили, получить информацию от достойного противника, а полуспятивший ренегат им ни к чему. А главное, они хотят докопаться до истины. Почва подготовлена, мы проделали все это давным-давно: мелочи, детали, отдельные факты. Вы для них – последняя отмычка к сейфу.

Он не мог отказаться: нельзя же покидать поле решающего сражения, когда за тебя уже провели все предварительные бои.

– Могу вам сказать только одно, Алек: дело того стоит. Оно связано с нашими особыми интересами. Не погубите его – и мы одержим крупную победу.

Лимас не верил, что сможет выдержать пытки. Он вспомнил книгу Кестлера, в которой старый революционер готовит себя к пыткам, поднося к пальцам зажженные спички. Читал он мало, но эту книгу прочел и запомнил.

Когда они приземлились в Темпельхофе, уже почти стемнело. Лимас видел, как несутся им навстречу берлинские огни, почувствовал тупой толчок, когда самолет коснулся земли, и заметил спешащих из темноты пограничников и таможенников.

На мгновение он испугался, как бы кто-нибудь из старых знакомых случайно не опознал его в аэропорту. Но когда они бок о бок с Петерсом шли бесконечными коридорами – пограничная проверка, таможня и прочее – и ни одно знакомое лицо не повернулось к нему, он понял, что то был вовсе не испуг, а надежда, надежда, что какие-нибудь непредвиденные обстоятельства пресекут его отчаянное решение довести дело до конца.

Ему показалось любопытным, что Петерс перестал делать вид, будто они не знакомы. Похоже, Петерс считал Западный Берлин совершенно безопасной почвой, где можно на время оставить бдительность и настороженность, просто перевалочным пунктом по пути на Восток.

Они прошли через большой зал для прилетающих к главному выходу, но тут Петерс, словно внезапно переменив решение, круто свернул в сторону и вывел Лимаса через боковой выход на стоянку такси и личных машин. Здесь он чуть помедлил, постоял под фонарем над дверью, опустил чемодан на землю, демонстративно достал из-под мышки газету, развернул ее, затем вновь свернул, сунул в левый карман плаща и поднял чемодан. Сразу же вслед за этим со стороны стоянки на мгновение сверкнули и погасли фары.

– Идемте, – сказал Петерс и быстро зашагал по бетонированной площади. Лимас на некотором расстоянии следовал за ним. Когда они подошли к первому ряду машин, дверца черного «мерседеса» распахнулась и внутри приветливо зажегся свет. Петерс, обогнавший Лимаса метров на десять, быстро подошел к машине, о чем-то тихо переговорил с водителем, а затем подозвал Лимаса.

– Наша машина. Поторапливайтесь.

Это был старый «мерседес-180». Лимас безропотно залез в машину. Петерс уселся рядом с ним. Они обогнали маленькую ДКВ с двумя пассажирами на заднем сиденье. Впереди метрах в двадцати виднелась телефонная будка. Какой-то мужчина говорил по телефону, он

продолжал говорить и когда они проезжали мимо. Лимас оглянулся и заметил, что ДКВ следует за ними. «Славно встречают», – подумал он.

Они ехали очень медленно. Лимас сидел, сложив руки на коленях и глядя прямо перед собой. Смотреть в окно на Берлин ему не хотелось. Он знал, что это его последний шанс. Сидя рядом с Петерсом, он мог неожиданно ударить его ребром правой ладони по шее и сломать ее. Мог открыть дверцу и броситься бежать, петляя, чтобы увернуться от пуль из машины. Он мог спастись – здесь, в Берлине были люди, которые позаботились бы о нем, – он сумел бы ускользнуть.

Но он не шевельнулся.

Переезд в Восточный сектор оказался на редкость простым. Лимас не думал, что все будет так просто. Минут десять они постояли, и Лимас понял, что они дожидаются определенного времени. Когда они подъехали к западноберлинскому КПП, их с чудовищным ревом обогнала все та же машина и замерла у будки. «Мерседес» остановился метрах в тридцати сзади. Две минуты спустя красный и белый флажки дали отмашку, пропуская ДКВ, и по этому сигналу обе машины тронулись одновременно, мотор «мерседеса» скрежетал на второй скорости, водитель откинулся на спинку сиденья, держа руль вытянутыми руками.

Пока они проезжали пятьдесят метров, разделявшие два КПП, Лимас почти машинально отметил про себя новые укрепления с восточной стороны стены – железные зубья на шоссе, наблюдательные вышки и двойное заграждение из колючей проволоки. Дела шли все круче.

«Мерседес» не стал останавливаться у второго КПП, шлагбаум был уже поднят, они проехали, не замедляя хода, а восточногерманские полицейские просто наблюдали за ними в бинокль. ДКВ куда-то пропала, Лимас вновь заметил ее только минут через десять. Теперь они ехали очень быстро. Лимас ожидал, что они остановятся в Восточном Берлине, быть может, поменяют машину и поздравят друг друга с успешной операцией. Но они продолжали ехать в восточном направлении.

– Куда мы едем? – спросил он Петерса.

– Мы уже приехали. Германская Демократическая Республика. Вас тут ждут.

– Я думал, мы поедем дальше на восток.

– Мы и поедем. Но сперва проведем тут пару дней. Нам кажется, что немцам захочется поговорить с вами.

– Понятно.

– В конце концов, ваша деятельность протекала главным образом на немецкой земле. Я отправил им некоторые данные из полученной от вас информации.

– И они пожелали со мной встретиться?

– Им никогда не попадался человек вроде вас, человек, столь близко стоящий, так сказать, к первоисточнику. Мое начальство решило, что мы не можем отказать им во встрече с вами.

– А куда мы поедем потом? Из Германии?

– Дальше на восток.

– С кем из немцев мне предстоит говорить?

– Это имеет для вас какое-то значение?

– Не особенное. Просто я знаю по имени большинство сотрудников отдела. Вот и поинтересовался.

– Кого вы ожидали здесь встретить?

– Фидлера, – спокойно ответил Лимас. – Заместителя начальника разведки. Помощника Мундта. Все серьезные дознания проводит он. Порядочный сукин сын.

– Почему же?

– Жестокий ублюдок. Я о нем наслышан. Он поймал одного агента Петера Гийома и запытал его чуть ли не до смерти.

– Шпионаж – это вам не игра в крикет, – кисло заметил Петерс, после чего они оба погрузились в молчание.

«Значит, Фидлер», – подумал Лимас. Лимас в самом деле знал Фидлера. Знал по фотографиям в досье и по отчетам своих бывших подчиненных. Стройный, подтянутый человек, еще сравнительно молодой, с приятной внешностью. Темные волосы, яркие карие глаза. Интеллигент и дикарь, как говорили о нем Лимасу. Легкое, стремительное тело и цепкий пытливый ум. Человек, внешне лишенный личных амбиций, но не ведающий колебаний там, где речь шла о жизни других. В Отделе Фидлер был «белой вороной» – не участвовал в тамошних интригах, казалось, вполне довольствуясь второстепенной ролью в тени у Мундта и без всяких шансов на повышение. Его невозможно было отнести ни к одной из известных Цирку группировок: даже те, кто работал с ним в Отделе, не могли бы с уверенностью сказать, какое место он там занимает и какую имеет власть. Фидлер был одиночкой: его боялись, его не любили и ему не доверяли. Любые чувства он умело прятал под маской сокрушительного сарказма.

– На Фидлера мы и сделаем ставку, – сказал Контролер.

Они обедали втроем – Лимас, Контролер и Гийом – в мрачном маленьком доме в Саррей, где Контролер жил со своей женой в окружении резных индийских столиков с медными столешницами.

– Фидлер – это служка, который в один прекрасный день всадит нож в спину своему первосвященнику. Он единственный, кто может сравниться с Мундтом. – Тут Гийом утвердительно кивнул головой. – И ненавидит его всеми фибрами души. Фидлер, конечно же, еврей, а Мундт нечто совсем иное. Довольно взрывоопасное сочетание. Мы решили, – сказал он, имея в виду себя и Гийома, – вложить Фидлеру в руки оружие, которым он уничтожит Мундта. И вам, мой милый Лимас, предстоит подвигнуть его на это. Разумеется, косвенно, потому что вы с ним не встретитесь. По крайней мере мне хочется на это надеяться.

И все расхохотались, в том числе и Лимас. Тогда это казалось недурной шуткой, во всяком случае, для такого остряка, как Контролер.

Должно быть, уже перевалило за полночь. Некоторое время они ехали грунтовой дорогой. Наконец остановились, и мгновение спустя на дороге показалась ДКВ. Выйдя из машины, Лимас заметил, что в ДКВ было уже три пассажира. Двое вышли, а третий остался, проглядывая при свете лампочки какие-то бумаги – худощавая фигура, почти неразличимая в полутьме.

Они находились возле какой-то заброшенной конюшни, метрах в тридцати стоял дом. При свете фар Лимас разглядел низкое строение из бревен и побеленного кирпича. Луна светила так ярко, что на фоне бледного неба четко вырисовывались поросшие лесом вершины холмов. Они направились к дому. Петерс и Лимас впереди, двое других следом. Третий пассажир все еще оставался в машине.

У двери Петерс остановился, поджидая тех двоих. У одного в руках была связка ключей, и пока он возился с замками, его напарник стоял, руки в карманах, охраняя его.

– Да, с ними шутки плохи, – заметил Лимас. – А что они думают насчет того, кто я такой?

– Им платят не за то, чтобы они думали, – ответил Петерс и, обернувшись к ним, спросил по-немецки:

– Он идет с нами?

Немец, пожав плечами, поглядел в сторону машины.

– Придет. Но он любит ходить в одиночку.

Они вошли в дом, человек с ключами шел впереди. Внутреннее убранство напоминало охотничий домик, кое-где старый, кое-где подновленный. Тусклые лампы под потолком слабо

освещали помещение. Во всем сквозила какая-то заброшенность и неуютность, словно тут бывали только от случая к случаю. На всем был налет казенщины: инструкции по противопожарной безопасности, канцелярская зелень стен, тяжелые пружинные замки, а в гостиной, довольно комфортабельной по сравнению с другими комнатами, тяжелая темная исцарапанная мебель и обязательные портреты советских вождей. Для Лимаса такие отступления от принципа анонимности были верным признаком постепенного сращения Отдела с бюрократией. Нечто подобное он замечал и в Цирке.

Петерс сел, а вслед за ним и Лимас. Они подождали минут десять, может, чуть больше, а затем Петерс обратился к одному из немцев, почтительно застывших у двери:

– Пойдите и скажите ему, что мы ждем. И принесите что-нибудь поесть. Мы голодны. – А когда тот уже собирался выйти, добавил:

– И виски! Пусть принесут виски и стаканы.

Немец пожал плечами и с явной неохотой вышел, не закрыв за собой двери.

– Вы уже тут бывали? – спросил Лимас.

– Да, несколько раз.

– По какому поводу?

– Вроде вашего. Не совсем, конечно, просто по делам службы.

– Вместе с Фидлером?

– Да.

– И каков он?

Петерс помедлил.

– Для еврея совсем недурен.

В этот момент Лимас обернулся на шум и увидев в проеме двери Фидлера. В одной руке он держал бутылку виски, в другой – стаканы и минералку. Рост примерно метр семьдесят. Темно-синий костюм с длинным не по фигуре однобортным пиджаком. Вид довольно холеный, глаза карие и блестящие. Смотрел Фидлер не на них, а на охранника у двери.

– Ступай прочь, – приказал он. В его немецком сквозил легкий саксонский выговор. – Ступай прочь и скажи напарнику, чтобы принес нам поесть.

– Я уже говорил ему, – вмешался Петерс. – Им уже было сказано. Но они и пальцем не шевельнули.

– Много о себе мнят, – сухо сказал Фидлер, переходя на английский. – Они полагают, что мы должны держать для этого прислугу.

Фидлер провел годы войны в Канаде. Лимас вспомнил об этом, услышав его английский. Родители Фидлера были евреи-эмигранты из Германии, убежденные марксисты, и в сорок шестом они вернулись на родину, исполненные решимости принять участие в построении сталинской Германии, чего бы им это ни стоило.

– Здравствуйте, – сказал он вскользь Лимасу. – Рад видеть вас.

– Здравствуйте, Фидлер.

– Вот и кончилось ваше странствие.

– Что вы имеете в виду, черт побери? – вскинулся Лимас.

– Прямо противоположное тому, что говорил вам Петерс. Никуда дальше вы не поедете. К сожалению, – с усмешкой добавил он.

Лимас резко обернулся к Петерсу.

– Это правда? – Голос его задрожал от ярости. – Это правда? Ну, выкладывайте!

Петерс кивнул.

– Да, правда. Я всего лишь посредник. Нам пришлось поступить так. Уж извините.

– Но почему же?

– Force majeure, – вмешался Фидлер. – Ваше первоначальное дознание происходило на Западе, а там только посольства в состоянии обеспечить связь такого рода, какая нужна нам. Но у ГДР нет посольств в странах Запада. Пока еще нет. Поэтому в посольствах наших союзников соответствующие отделы предоставляют нам средства связи и тому подобное – все, в чем нам до поры отказано.

– Сукин ты сын, – прошипел Лимас, – паршивый сукин сын! Ты знал, что я ни за что не отдамся в руки вашей поганой контрразведки, поэтому меня и обманули, так? Поэтому вы и обратились к русским?

– Мы воспользовались помощью советского посольства в Германии. А что нам оставалось делать? Но это была наша операция. И мы поступили вполне разумно. Кто же знал, что ваши любезные англичане так быстро по вас затоскуют?

– Кто знал? Когда вы сами натравили их на меня? Разве не так, Фидлер? Недурно подстроено!

«Постоянно давайте им понять, что не любите их, – говорил Контролер. – Тогда они вдвойне будут ценить то, что услышат от вас».

– Смехотворное предположение, – сухо сказал Фидлер и, поглядев на Петерса, добавил что-то по-русски.

Тот кивнул и поднялся.

– Прощайте, – сказал он Лимасу. – И удачи вам! – Устало улыбнувшись, он кивнул Фидлеру и пошел к двери. Уже взявшись за ручку, обернулся и повторил:

– Удачи вам.

Казалось, он ждет каких-то прощальных слов от Лимаса, но тот словно не слышал его. Смертельно побледнев, он опустил руки вдоль тела, но при этом выставил большие пальцы вперед, будто готовясь к драке. Петерс застыл у двери.

– Мне следовало помнить, – начал Лимас со странной смесью истерики и гнева, – следовало бы знать, что у тебя, Фидлер, никогда не хватит смелости выгребать дерьмо собственными руками. Это ведь так типично для вашей ублюдочной полустраны и для вашей ублюдочной разведки – дерьмо за вами выгребает добрый дядюшка. Да и какая вы страна, какое у вас, к черту, правительство – третьесортная диктатура политических неврастеников. Ублюдок, садист! – указывая пальцем на Фидлера, заорал Лимас. – Я тебя знаю, это на тебя похоже! Ты ведь всю войну проторчал в Канаде? Неплохое местечко, чтобы спокойно отсидеться. Держу пари, что ты прятал голову к мамочке под юбку, как только над вами пролетал самолет. Ну, и кем ты стал теперь? Вонючая шестерка на подхвате у Мундта! Да еще двадцать две русские дивизии, чтобы вы не дергались. Ладно, мне жаль тебя, Фидлер, проснешься однажды утром – а русские ушли. Тут уж с тобой разделаются – не спасет тебя ни мамочка, ни добрый русский дядюшка. И поделом тебе!

Фидлер пожал плечами.

– Знаете, Лимас, вам лучше рассматривать это как визит к зубному врачу. Чем быстрей все будет сделано, тем скорее вы отправитесь домой. Поешьте и ложитесь спать.

– Вы прекрасно знаете, что мне нельзя домой. Вы сами об этом позаботились. Растрезвонили обо мне по всей Англии – вы, вы оба. Вы прекрасно знаете, что если бы это зависело от меня, я никогда бы сюда не приехал.

Фидлер опустил глаза. У него были тонкие, длинные пальцы.

– Едва ли стоит сейчас заниматься философствованием, – сказал он. – По-моему, вам пока не на что жаловаться. Наша работа – и ваша, и моя – строится на принципах теории, гласящей, что общее куда важнее индивидуального. Вот почему для коммунистов секретная служба – это орудие в борьбе, и вот почему разведка в вашей стране так старательно прикрывается pudeur

anglaise. Эксплуатацию отдельного человека можно оправдать только интересами коллектива, не так ли? Ваше негодование кажется несколько смешным. Мы здесь не для того, чтобы препираться о моральном кодексе добропорядочного англичанина. Кстати говоря, – добавил он вкрадчиво, – ваше собственное поведение, если взглянуть на него с пуританской точки зрения, тоже не отличалось особой безупречностью.

Лимас глядел на него с нескрываемым отвращением.

– Знаю я ваш расклад. Ты ведь у Мундта на побегушках, верно? Говорят, ты метишь на его место. Думаю, теперь ты его получишь. Всесилие Мундта подходит к концу. Начинается твое.

– Не понимаю, – возразил Фидлер.

– Ведь я – твое достижение, разве не так? – хмыкнул Лимас.

Фидлер на мгновение задумался, а потом пожал плечами и сказал:

– Операция проведена успешно. Теперь вопрос в том, многого ли вы стоите. Но операция была удачной. Она отвечает главному требованию нашей профессии: она сработала.

– Полагаю, что честь ее проведения вы припишете себе, – сказал Лимас, бросив взгляд на Петерса.

– Дело не в том, кто себе ее припишет, – возразил Фидлер, – вовсе не в этом. – Он уселся на подлокотник дивана и задумчиво поглядел на Лимаса. – Но один повод для негодования у вас все же есть. Кто сообщил вашей разведке о нашем соглашении? Мы этого не делали. Можете мне не верить, но это правда. Мы не сообщали. Нам вовсе не хотелось, чтобы они об этом знали. У нас были свои планы насчет дальнейшего сотрудничества с вами – планы, которые теперь выглядят просто смешными. Итак, кто же сообщил им? Вы – отрезанный ломоть, вы катились по наклонной плоскости, у вас не было ни жилья, ни друзей, ни связей. Как же, черт побери, они пронюхали о вашем исчезновении? Кто-то сообщил им – едва ли Эш или Кифер, поскольку они арестованы.

– Арестованы?

– Так нам кажется. Не обязательно за участие в вашем деле, были ведь и другие…

– Понятно, понятно.

– Я говорю вам сейчас все как есть. Нам хватило бы подробного отчета Петерса из Голландии. Вы получили бы свои деньги и могли бы уехать. Но вы не рассказали всего, что знаете, а мне нужно знать все. Да кстати, ваше присутствие здесь – это для нас лишние хлопоты.

– Да уж, вы совершили промах. Мне, черт побери, известно все на свете, так что милости просим.

Воцарилось молчание. Тем временем Петерс, сухо и отнюдь не дружелюбно кивнув Фидлеру, тихо вышел из комнаты. Фидлер взял бутылку виски и плеснул в оба стакана.

– Увы, наверное, нет содовой, – сказал он. – Хотите с водой? Я велел принести содовую, а они притащили какой-то вонючий лимонад.

– Да идите вы к черту, – сказал Лимас. Он вдруг почувствовал жуткую усталость. Фидлер покачал головой.

– Вы гордец, Лимас, – сказал он. – Но ничего страшного. Поешьте и ложитесь спать.

В комнату вошел охранник с подносом, уставленным тарелками – сосиски, зеленый салат, черный хлеб.

– Грубовато, но сытно, – сказал Фидлер. – К сожалению, без картошки. У нас временные перебои с картофелем.

Они молча принялись за еду. Фидлер ел с предельной сосредоточенностью человека, подсчитывающего поглощаемое им количество калорий.

Охранники препроводили Лимаса в спальню. Чемодан нес он сам – тот чемодан, которым снабдил его Кифер перед отлетом из Англии. Он шагал между ними по широкому коридору, который вел от центрального входа в глубь дома. Они подошли к большой двустворчатой двери, один из охранников отпер ее и приказал Лимасу войти первым. Тот распахнул дверь и очутился в маленькой барачного типа комнате с двумя койками, креслом и чем-то вроде письменного стола. Все это походило на тюремную камеру. Стены были увешаны фотографиями девиц, но ставни на окнах закрыты. Поставив чемодан на пол, он пошел открыть вторую дверь. Помещение за нею было точной копией первого, но тут стояла только одна койка и на стенах не было фотографий.

– Тащите сюда вещи, – сказал Лимас. – Я устал.

Не раздеваясь, он улегся на постель и через несколько минут уже крепко спал.

Его разбудил охранник, принесший завтрак: черный хлеб и эрзац-кофе. Лимас поднялся и подошел к окну.

Дом стоял на холме, сразу под окном склон круто уходил вниз, но кроны высоких елей возвышались над вершиной холма. За ними удивительно симметрично тянулась в даль бесконечная череда холмов, поросших густым лесом. То тут, то там лесные овраги и пожары образовали узкие просветы, похожие на Ааронову тропу среди чудесным образом расступившегося моря деревьев. Нигде не было ни единого намека на человеческое жилье: ни дома, ни церкви, ни даже каких-нибудь развалин, только грязная желтая дорога, тонкой линией прочертившая долину. Ниоткуда не доносилось ни звука. Казалось невероятным, что такое огромное пространство может быть столь безмолвным. День был холодный, но ясный. Ночью, должно быть, шел дождь, почва была влажной, и весь ландшафт так четко вырисовывался на фоне белого неба, что Лимас различал даже отдельные деревья на самых дальних холмах.

Он неторопливо одевался, попивая противный кислый кофе. Когда он уже почти оделся и хотел было приняться за хлеб, в комнату вошел Фидлер.

– Доброе утро, – приветливо сказал он. – Пожалуйста, завтракайте.

Он присел на кровать. Лимас не мог не признать, что выдержки у него хватает. И дело не в смелости, с которой он вошел, ведь полицейские, конечно, находятся в соседней комнате. Но в повадке Фидлера были упорство и уверенность, которые Лимас заметил и поневоле оценил.

– Вы задали нам весьма интересную задачку, – сказал Фидлер.

– Я рассказал все, что знал.

– Куда там, – улыбнулся Фидлер. – Куда там, далеко не все. Вы рассказали нам то, что помните сознательно.

– Чертовски тонко подмечено, – пробормотал Лимас, отставляя в сторону тарелку и закуривая сигарету – последнюю.

– Позвольте задать вам один вопрос, – с преувеличенной вежливостью человека, предлагающего партию в шахматы, сказал Фидлер. – Что бы вы, как опытный сотрудник разведки, стали делать с той информацией, которую вы нам предоставили?

– С какой именно?

– Мой дорогой Лимас, вы сообщили нам только часть информации. Вы рассказали нам о Римеке. Вы рассказали об устройстве нашей берлинской организации, о служащих и агентах. Но это, если можно так выразиться, прошлогодний снег. Информация, конечно, точная. Хорошо прописанный задний план, занимательное чтение, то там, то тут второстепенные факты, то там, то тут мелкая рыбешка, которую мы можем выловить. Но, говоря откровенно, все это далеко не то, за что платят пятнадцать тысяч фунтов, во всяком случае, в разведке. И не по нынешним расценкам, – снова улыбнулся он.

– Послушайте, – сказал Лимас. – Эту сделку предложили вы, а не я. Вы, Кифер и Петерс. Я не ползал на коленях перед вашими друзьями, подсовывая лежалый товар. Машину раскрутили вы сами, Фидлер. Вы назначили цену, вы пошли на риск. Кроме того, я пока еще не получил ни гроша. Так что не вините меня, если ваша операция окончилась пшиком.

«Пусть они сами сделают первый шаг навстречу», – подумал Лимас.

– Вовсе не пшиком, – возразил Фидлер. – Операция еще не закончилась. Да и не могла закончиться. Ведь вы не рассказали нам все, что знаете. Вы предоставили нам пока только один фрагмент актуальной информации. Я имею в виду «Роллинг Стоун». Позвольте снова задать вам тот же вопрос: как бы вы поступили, если бы я, или Петерс, или кто-нибудь еще преподнес вам подобную историю?

Лимас подумал.

– Мне было бы не по себе, – ответил он. – Такое случалось. Вы получаете намек или ряд намеков на то, что в определенном отделе или на определенном уровне у вас завелся вражеский агент. Ну и что дальше? Вы же не можете арестовать всех служащих. Вы не в состоянии расставить капканы на всех. Вы просто мотаете на ус. В случае с «Роллинг Стоун» вы даже не знаете, в какой стране он работает.

– Вы, Лимас, практик, а не теоретик, – улыбаясь, заметил Фидлер. – Позвольте задать вам несколько элементарных вопросов.

Лимас ничего не ответил.

– Досье – текущее досье дела «Роллинг Стоун» – какого цвета оно было?

– Серое с красным крестом – это означает ограниченный доступ.

– А что-нибудь еще на обложке было?

– Предупреждение. Список с пометкой, что любой человек, не поименованный в нем, если ему случайно попадет в руки досье, должен сразу, не открывая, вернуть его в расчетный отдел.

– А кто был в этом списке?

– Допущенных к «Роллинг Стоун»?

– Да.

– Заместитель Контролера, Контролер, его секретарша, расчетный отдел, мисс Брем из специальной регистрации и Сателлиты-Четыре. Кажется, все. И, наверное, отдел особой рассылки, но насчет этого я не уверен.

– Сателлиты-Четыре? А чем они занимаются?

– Странами за «железным занавесом», кроме СССР и Китая. Зоной.

– То есть Германской Демократической Республикой?

– То есть Зоной.

– А разве не странно, что в этом списке оказался целый отдел?

– Да, пожалуй, странно. Впрочем, не знаю, ведь прежде я никогда не имел дела с материалами ограниченного доступа. Кроме как в Берлине. Но там все было по-другому.

– А кто в это время работал в Сателлитах-Четыре?

– О Господи! Гийом, Хэверлейк, Де Йонг. Да, кажется, и он. Де Йонг как раз вернулся из Берлина.

– Им всем разрешалось читать это досье?

– Не знаю, Фидлер, – чуть раздраженно ответил Лимас. – И будь я на вашем месте…

– Разве не странно, что целый отдел попадает в список, хотя в остальных случаях в него включены лишь отдельные сотрудники?

– Говорю вам, не знаю. Да и откуда мне знать? В этом деле я был всего лишь клерком.

– А кто носил досье от одного человека к другому?

– Кажется, секретарши. А впрочем, не помню. С тех пор прошло несколько месяцев…

– Тогда почему этих секретарш не было в списке? Ведь секретарша Контролера в него попала?

На мгновенье наступило молчание.

– Да, вы правы, – сказал Лимас. – Я сейчас вдруг вспомнил, – и в голосе его послышалось удивление, – что мы передавали его из рук в руки.

– Кто еще из расчетного отдела имел дело с досье?

– Никто. Этим сразу начал заниматься я, как только пришел туда. До меня им занимался кто-то женщин, но как только появился я, досье передали мне, а ее вычеркнули из списка.

– Значит, вы лично относили досье следующему сотруднику?

– Да, кажется, так.

– А кому вы его передавали?

– Я?.. Не помню.

– Подумайте, – сказал Фидлер, не повышая голоса, но его настойчивость, похоже, застала Лимаса врасплох.

– Заместителю Контролера вроде бы, чтобы доложить, какую акцию мы предпринимаем или рекомендуем.

– Кто приносил досье?

– Что вы имеете в виду? – Лимас, казалось, совершенно был сбит с толку.

– Кто приносил досье вам? Кто-то из поименованных в списке, так?

Лимас нервно потер щеку.

– Да, кто-то из них. Понимаете, Фидлер, мне довольно трудно вспомнить это, я в те дни уже здорово пил. – В его голосе неожиданно зазвучали примирительные нотки. – Вы даже не представляете, как трудно…

– Я еще раз спрашиваю вас, Лимас. Подумайте. Кто приносил досье вам?

Лимас уселся за стол и покачал головой.

– Не могу вспомнить. Может, потом вспомню. Но сейчас, правда, не могу. И не надо меня так теребить.

– Это ведь не могла быть секретарша Контролера, верно? Вы всегда передавали досье заместителю Контролера, возвращали досье лично ему. Вы сами мне сказали. Так что все поименованные в списке должны были получать досье раньше Контролера.

– Да, думаю, так и было.

– Тогда остается отдел специальной регистрации. Мисс Брем.

– Нет, она просто заведовала кабинетом секретной документации. Там хранилось досье, пока я с ним не работал.

– Значит, – вкрадчиво спросил Фидлер, – досье попадало к вам от Сателлитов-Четыре, не так ли?

– Думаю, так, – сказал Лимас беспомощно, словно был не в состоянии угнаться за блистательной работой мысли Фидлера.

– На каком этаже находится отдел Сателлиты-Четыре?

– На третьем.

– А расчетный?

– На пятом. Следующий после отдела специальной регистрации.

– И вы не помните, кто приносил досье наверх? Может быть, вы спускались к ним, чтобы забрать его?

Лимас в отчаянии покачал головой. Но вдруг резко обернулся к Фидлеру и буквально выкрикнул:

– Да я это был! Конечно же, я! А получал я его от Петера! – Лимас словно пробудился ото сна, он покраснел, лицо его было взволнованным. – Вот в чем штука: помню, я как-то забирал досье у Петера в его кабинете. Мы еще поболтали с ним о Норвегии. Нам случалось бывать там вместе.

– У Петера Гийома?

– Да, у Петера. Я о нем совсем забыл. Он вернулся из Анкары за несколько месяцев до этого. Петер был в списке! Конечно, он там был! Вот в чем штука. Там стояло «Сателлиты-Четыре», а в скобках ПГ – инициалы Петера. До него этим занимался кто-то другой, но специальная регистрация заклеила то имя белой бумагой и внесла инициалы Петера.

– А какой территорией ведает Гийом?

– Зоной. Восточной Германией. Экономика. Маленький отдел, тихая заводь. Вот у него-то я и брал. А однажды, теперь припоминаю, он сам принес мне досье. Агентов у него не было. Я даже не понимаю, как он попал в эту историю. Петер еще с парочкой сотрудников занимался проблемами нехватки продовольствия. Реальным анализом положения.

– Однако, принимая во внимание особые предосторожности, окружающие «Роллинг Стоун», вполне возможно, что так называемая исследовательская работа Гийома на самом деле была частью операции по руководству этим агентом?

– Я ведь говорил Петерсу, – почти заорал Лимас, стукнув кулаком по столу, – что чертовски глупо думать, будто какая-то операция против Восточной Германии могла проводиться без моего ведома и, значит, без ведома всей берлинской организации. Я бы знал об этом, понятно? Сколько раз можно повторять одно и то же! Я бы знал!

– Именно так, – мягко заметил Фидлер. – Разумеется, вы бы знали.

Он встал и подошел к окну.

– Видели бы вы, как тут осенью, – сказал он, глядя в окно. – Как здесь красиво, когда начинают желтеть листья.

Глава 13. Скрепки и сорта бумаги

Фидлеру нравилось задавать вопросы. Юрист по образованию, он иногда задавал их единственно из удовольствия задать и продемонстрировать несоответствие между фактом и абсолютной истиной. Так или иначе, Фидлер был наделен той инквизиторской настойчивостью, которая для адвокатов и журналистов есть вещь самоценная.

В тот день после полудня они отправились погулять и спустились по гравиевой дорожке вниз в долину, а затем свернули в лес, тянущийся вдоль широкой неровной дороги, выложенной бревнами. Фидлер все время испытывал Лимаса, нисколько не приоткрываясь сам. Расспрашивал о здании на Кембриджской площади, о людях, которые там работают. Какое у них социальное положение, в каких районах Лондона они живут, работают ли их мужья и жены в том же учреждении. Он спрашивал о жалованье, отпусках, о морали и о столовой, спрашивал об их личной жизни, какие сплетни они обсуждают, какую философию исповедуют. Больше всего его интересовала их философия. Для Лимаса это был самый сложный вопрос.

– Что вы называете философией? – удивлялся он. – Мы ведь не марксисты, мы люди обыкновенные. Просто люди.

– Но вы же христиане?

– Не многие из нас, как мне кажется. Я знаю не так уж много христиан.

– Тогда почему они этим занимаются? – настаивал Фидлер. – У них должна быть какая-то философия.

– Почему же должна? Может быть, они не знают, есть ли она, да и не задумываются об этом. Не у каждого есть своя философия, – отвечал Лимас, несколько сбитый с толку.

– Тогда объясните, в чем заключается ваша философия?

– Ах, ради Бога! – оборвал его Лимас, и некоторое время они шагали молча.

Однако Фидлер был не из тех, от кого легко отвязаться.

– Если они сами не знают, чего хотят, то почему они так уверены, что правы?

– А кто вам сказал, что они в этом уверены? – раздраженно возразил Лимас.

– Тогда в чем они видят оправдание своих поступков? В чем? Для нас, как я уже говорил вам вчера вечером, все весьма просто. Отдел и прочие организации вроде него – это естественное оружие в руках партии. Они в авангарде борьбы за мир и прогресс. Они для партии – то же самое, что сама партия для социализма: они – авангард. Сталин говорил, – Фидлер сухо улыбнулся. – Сейчас не модно цитировать Сталина, но он сказал однажды: ликвидированные полмиллиона – это всего лишь статистика, а один человек, погибший в дорожной катастрофе, – национальная трагедия. Он, как видите, высмеивал буржуазную чувствительность масс. Он был великий циник. Но то, что он сказал, верно: движение, защищающееся от контрреволюции, едва ли вправе отказаться от эксплуатации или уничтожения определенных индивидуумов. Все это так, Лимас, мы никогда не претендовали на стопроцентную справедливость в процессе преобразования общества. Один римлянин сказал в Библии: лучше умереть одному, лишь бы процветали миллионы, не так ли?

– Кажется, так, – устало ответил Лимас.

– А что об этом думаете вы? В чем заключается ваша индивидуальная философия?

– Я просто думаю, что все вы – куча ублюдков, – резко бросил Лимас.

Фидлер кивнул.

– Такую точку зрения я могу понять. Она примитивна, построена на голом отрицании и крайне глупа, но она существует и имеет право на существование. А что думают другие сотрудники Цирка?

– Не знаю. Откуда мне знать?

– Вы никогда не беседовали с ними на философские темы?

– Нет. Мы ведь не немцы. – Он помедлил и потом неуверенно добавил:

– Но думаю, что никому из них не нравится коммунизм.

– И этим, вы полагаете, можно оправдать убийства? Оправдать бомбу, подложенную в набитый людьми ресторан? Оправдать принесение в жертву агентов? Оправдать все это?

Лимас пожал плечами.

– Наверное, да.

– Вот видите, и у нас то же самое, – продолжил Фидлер. – Я сам, не колеблясь, подложил бы бомбу в ресторан, если бы знал, что это приблизит нас к цели. А потом подвел бы итог; столько-то погибших женщин, столько-то детей и вот на столько мы теперь ближе к цели. Но христиане – а вы ведь христианская страна, – христиане не любят подводить итоги.

– А собственно, почему? Им ведь приходится думать о самообороне.

– Но они же верят в святость человеческой жизни. Они верят, что у каждого человека есть душа, которую можно спасти. Верят в искупительную жертву.

– Не знаю, – сказал Лимас, – меня это как-то не волнует. Да ведь и вашего Сталина тоже?

Фидлер улыбнулся.

– Люблю англичан, – сказал он, как бы размышляя вслух, – и мой отец тоже любил англичан. Просто обожал.

– Это вызывает во мне ответные теплые чувства, – буркнул Лимас.

Они остановились, Фидлер предложил Лимасу сигарету и дал прикурить.

Потом они стали подниматься круто наверх. Лимасу нравилась прогулка, нравилось идти широким шагом, выставив вперед плечи. Фидлер шел сзади, легкий и подвижный, как терьер, следующий за хозяином. Они прошагали уже час, а то и больше, когда деревья вдруг расступились и показалось небо. Они добрались до вершины холма, откуда смогли бросить взгляд на плотную массу елей, кое-где прерываемую серыми полосками почвы. На противоположном холме, чуть ниже вершины, виднелся охотничий домик, темный и низкий по сравнению с деревьями. В прогалине стояла грубая скамья, а возле нее – поленница дров и кострище.

– Присядем на минутку, – сказал Фидлер, – а потом нам пора обратно. – Он помолчал. – Скажите: те деньги, те крупные вклады в иностранных банках, что вы об этом думаете? Для чего они предназначались?

– О чем это вы? Я же говорил вам, что это были выплаты агенту.

– Агенту из-за «железного занавеса»?

– Наверное, да, – устало бросил Лимас.

– А почему вы так считаете?

– Ну, во-первых, это куча денег. Во-вторых, все те сложности с порядком оплаты. Особая подстраховка. И, наконец, тут был задействован сам Контролер.

– А что, по вашему мнению, агент делал с деньгами?

– Послушайте, я же говорил вам – не знаю. Не знаю даже, получил ли он их. Ничего не знаю, я был почтальоном, и только.

– А что вы делали с банковской книжкой на ваше имя?

– Вернувшись в Лондон, сразу же возвращал ее вместе с фальшивым паспортом.

– А вам кто-нибудь писал из копенгагенского или хельсинкского банков? Я имею в виду – вашему начальству?

– Понятия не имею. Так или иначе, любую корреспонденцию, конечно, передавали прямо в руки Контролеру.

– А у Контролера был образчик подписи, которой вы открыли счет?

– Да. Я долго тренировался, их осталось очень много.

– Не один?

– Целые страницы.

– Понятно. Значит, письма могли направляться в банк после того, как вы открыли счет. Вас не обязательно было ставить в известность. Они могли подделать подпись и отправить письмо, не уведомляя вас.

– Да, верно. Думаю, так оно и было. Я вообще подписывал кучу всяких бланков. Я всегда полагал, что корреспонденцией у нас ведает кто-то другой.

– Но вы не знаете точно, была ли такая корреспонденция?

Лимас покачал головой.

– Вы все это неправильно понимаете, вы применяете тут не совсем верный масштаб. У нас была уйма всяких бумаг, гулявших туда и сюда, это была просто часть каждодневной рутины. Я никогда над этим особенно не задумывался. К чему мне это? Все делалось шито-крыто, но я всю жизнь занимаюсь вещами, о которых знаю лишь какую-то часть, а остальное известно кому-нибудь другому. К тому же меня всегда воротило от бумаг. Или, скорее, меня от них в сон клонило. Мне нравится разъезжать с оперативными заданиями. А сидеть целыми днями за столом, ломая голову, кто такой «Роллинг Стоун», – нет, извините. Кроме того, – он сконфуженно улыбнулся, – я ведь уже здорово выпивал.

– Так вы утверждаете, – заметил Фидлер. – И, разумеется, я вам верю.

– Плевать я хотел, верите вы мне или нет, – вскипел Лимас.

Фидлер улыбнулся.

– Вот и прекрасно, – сказал он. – В этом ваше огромное достоинство. В том, что вам на все наплевать. Чуток негодования тут, чуток излишней гордости там – это не в счет, как помехи на магнитной ленте. Главное, вы объективны. Кстати, я вдруг подумал, что вы все-таки могли бы помочь нам установить, снимались ли деньги со счетов. Ничто не мешает вам написать в оба банка и спросить о состоянии собственного счета. Вы напишете как бы из Швейцарии, мы снабдим вас адресом. Не возражаете?

– Может, оно и получится. Все зависит от того, сообщил ли Контролер банкам о моей фальшивой подписи. Иначе ничего не выйдет.

– Думаю, мы ничем особенно не рискуем и ничего не потеряем.

– А что вы выиграете?

– Если деньги были сняты, что – я согласен с вами – маловероятно, мы узнаем, где агент находился в определенный день. А знать это не мешает.

– Опомнитесь, Фидлер! Вам никогда не поймать его. Во всяком случае, с нынешней вашей информацией. Оказавшись на Западе, он может обратиться в любое консульство в самом маленьком городке и получить визу на въезд в любую страну. Как вы тогда выловите его среди всех остальных? Вы даже не знаете, восточный он немец или нет. За кем вы гонитесь?

Фидлер ответил не сразу.

– Вы говорили, что привыкли располагать лишь частью информации. Я не могу ответить вам, не посвящая вас в то, что вам не следует знать. – Он на секунду замолчал. – Но операция «Роллинг Стоун» проводится против нас, в этом я могу вас заверить.

– Против кого это «вас»?

– Против ГДР. – Он улыбнулся. – Против Зоны, если вам угодно. На самом деле, я отнюдь не так уж чувствителен.

Лимас задумчиво смотрел на Фидлера.

– Ну, а как быть со мной? В случае, если я не стану писать это письмо? – спросил Лимас, повышая голос. – Не пора ли нам потолковать обо мне?

Фидлер кивнул.

– А почему бы и нет? – согласился он.

Наступила долгая пауза, потом Лимас сказал:

– Я сделал все, что мог. Вы с Петерсом получили все, что я знаю. У нас не было уговора, чтобы я писал в банк. Это может оказаться для меня чертовски опасным. Вам, как я понимаю, на это наплевать. Ради ваших интриг мной можно просто пожертвовать.

– Позвольте мне быть с вами совершенно откровенным, – ответил Фидлер. – Как вам известно, в работе с перебежчиком существуют две стадии. Первая стадия вашего дела практически завершена: вы рассказали нам все, мало-мальски достойное упоминания. Вы не говорили нам о том, какие скрепки и сорта бумаги предпочитают у вас в разведке, потому что мы вас об этом не спрашивали и потому что вы сами считали это несущественным. Подобное расследование всегда строится на принципе подсознательного отбора фактов, причем с обеих сторон. Но ведь возможно – вот это, Лимас, нас и волнует, – всегда возможно, что через месяц-другой обнаружится, что нам крайне важно знать как раз о скрепках и сортах бумаги. Это и предусмотрено во второй стадии работы – в том разделе нашего соглашения, который вы отвергли тогда в Голландии.

– То есть вы намерены держать меня на поводке?

– Профессия перебежчика, – улыбнулся Фидлер, – требует великого терпения. Весьма немногие обладают им в достаточной мере.

– И на сколько времени все это затянется?

Фидлер молчал.

– Ну!

– Даю вам честное слово, что отвечу на ваш вопрос сразу же, как только смогу. Послушайте, я ведь мог бы вам соврать, правда? Мог бы сказать, что месяц или даже меньше, лишь бы держать вас в рабочем состоянии. Но я говорю вам: не знаю, потому что на самом деле не знаю. Вы навели меня на кое-какие мысли, и пока мы не продумаем все до конца, не может быть и речи о том, чтобы я вас отпустил. Но потом, если все будет складываться так, как я предполагаю, вам понадобится Друг. И этого друга вы найдете во мне. Даю вам честное слово немца.

Лимас был так ошарашен, что некоторое время просто не знал, что сказать.

– Ладно, – выдавил он наконец, – я согласен. Но если вы водите меня за нос, я все равно найду способ сломать вам шею.

– Тогда это скорей всего уже не понадобится, – спокойно ответил Фидлер.

Человек, играющий спектакль не для зрителей, а сам по себе, подвержен опасностям психологического рода. Просто обманывать не так уж трудно: все зависит от опыта и профессиональной компетентности, эти качества может развить в себе почти каждый. Но в отличие от виртуозного фокусника, актера или шулера, которые, окончив представление, могут влиться в ряды публики, тайный агент лишен такой возможности. Для него обман – это прежде всего средство самозащиты. Он должен обезопасить себя не только извне, но и изнутри, должен остерегаться самых естественных импульсов: зарабатывая кучу денег, он не вправе приобрести даже иголку с ниткой; он может быть умницей и эрудитом, но ему придется бормотать глупости и банальности; он может быть образцовым мужем и семьянином, но будет вынужден при всех обстоятельствах сторониться тех, кого любит.

Хорошо понимая, какие жуткие искушения подстерегают человека, запертого в оболочке исполняемой им роли, Лимас прибегал к единственному спасительному средству: даже оставаясь наедине с собой, он продолжал существовать в пределах той личности, которую изображал. Говорят, что Бальзак даже на смертном одре интересовался здоровьем и состоянием дел придуманных им персонажей. Нечто подобное делал и Лимас: оставаясь творцом образа, он жил в нем и полностью отождествлял себя с ним. Качества, которые он демонстрировал Фидлеру – беспокойство и неуверенность, прикрываемые бахвальством, за которым скрывался стыд, – были как бы преувеличенным отражением тех чувств, которые он испытывал на самом деле. Сюда же следовало отнести шаркающую походку, небрежение к своему внешнему виду, равнодушие к еде и растущую зависимость от алкоголя и никотина. Он оставался таким же и наедине с собой. И даже чуть переигрывал, когда, ложась в постель, бормотал под нос ругательства по поводу неблагодарности своих былых начальников.

Лишь крайне редко – как, например, сегодня – он, засыпая, позволял себе опасную роскошь подумать о том, в какой паутине лжи живет.

Контролер оказался абсолютно прав. Фидлер, точно лунатик, брел к заданной ему цели, брел прямо в силки, расставленные для него Контролером. Даже неприятно было видеть растущую взаимозависимость интересов Фидлера и Контролера: все выглядело так, словно они действовали в рамках единого плана, а Лимасу оставалось лишь координировать их поступки.

Может быть, здесь и таилась разгадка? Может быть, Фидлер и был тем самым агентом, которого так хотел уберечь Контролер? Лимас не слишком задумывался о такой возможности. Он не хотел этого знать. В подобных случаях он как бы начисто лишался своей профессиональной въедливости: он понимал, что в сложившихся обстоятельствах любые его умозаключения не принесут никакой пользы. И тем не менее он молил Бога, чтобы так оно и было. Ибо в таком случае – и только в таком – оставалась зыбкая надежда на то, что ему удастся вернуться домой.

Глава 14. Письмо к клиенту

На следующее утро, когда Лимас был еще в постели, Фидлер принес ему на подпись письма. Одно было на тонкой синей бумаге с маркой отеля «Зайлер Альпенбрик» на озере Шпиц в Швейцарии, другое – на бумаге отеля «Палас» в Гштаде. Лимас прочел первое письмо:

«Директору Королевского скандинавского банка, Копенгаген.

Дорогой сэр! Уже несколько недель я нахожусь в разъездах и не получаю почты из Англии. Соответственно, я не получил и Вашего ответа на мое письме от 3-го марта относительно состояния банковского счета, к которому я имею совместный с мистером Карлсдорфом доступ. Чтобы избежать дальнейших затяжек, не будете ли вы так любезны прислать мне дубликат Вашего ответа на адрес, по которому я буду находиться в течение двух недель, начиная с 2-го апреля: (для передачи) мадам де Сангло, 13, авеню де Коломб, Париж-XII, Франция.

Извините за беспокойство.

Ваш (Роберт Ланг)».

– А что за чепуха насчет письма от третьего марта? Я не писал им никакого письма.

– Конечно, не писали. И насколько нам известно, никто не писал. Если существует хоть малейшая неувязка между вашим нынешним письмом и письмами Контролера, они решат, что разгадка заключена в письме от третьего марта. Они отправят вам требуемую справку с сопроводительным письмом, в котором выразят сожаление о том, что не получили предыдущего письма.

Второе письмо было идентично первому, отличаясь только именами и местом отправки. Но парижский адрес был тот же самый. Лимас взял авторучку и лист бумаги, поупражнялся в подписи «Роберт Ланг» и подписал первое письмо. Встряхнув ручку, он попрактиковался в другой подписи, а затем вывел «Стефен Беннет» под вторым письмом.

– Замечательно, – сказал Фидлер, – просто замечательно.

– Ну, и что теперь будет?

– Завтра их отправят из Швейцарии – из Интерлакена и Гштада. Наши люди известят меня по телеграфу, как только получат ответ. Это произойдет примерно через неделю.

– А до тех пор?

– А до тех пор я составлю вам компанию. Понимаю, что вам это не по вкусу, и приношу свои извинения. Мы с вами погуляем, поездим по окрестностям, словом – скоротаем время. Мне хотелось бы, чтобы вы немного расслабились и просто поболтали – о Лондоне, о Цирке, о работе в Департаменте, пересказали бы тамошние сплетни, разговоры о жалованье, отпусках, помещениях, бумагах и людях. Скрепки и сорта бумаги. Я хотел бы услышать о мелочах, которые не имеют особого значения. И кстати… – Он неожиданно изменил тон.

– Что?

– У нас тут есть кое-какие удобства для людей, которых мы приглашаем в гости. Отдых, развлечения и тому подобное.

– Вы предлагаете мне женщину?

– Да.

– Нет, благодарю. В отличие от вас я предпочитаю устраиваться без посредников.

Фидлер, казалось, не обратил внимания на его слова.

– Но у вас, кажется, была женщина в Англии? Девица из библиотеки, – спросил он.

Лимас обернулся к нему, угрожающе расставив руки.

– Вот что, – заорал он, – вот что! Не заикайтесь об этом даже в шутку, не пытайтесь угрожать или давить на меня, потому что это не сработает, Фидлер, просто не сработает. Я замолчу, и вы больше не услышите от меня ни слова, хоть режьте. И передайте это Мундту,

Штамбергеру и прочей сволочи, которой вам полагается докладывать. Передайте им то, что я вам сказал.

– Передам, – ответил Фидлер, – передам. Но боюсь, что уже слишком поздно.

После обеда они снова отправились на прогулку. Небо было облачным и темным, воздух теплым.

– Я только один раз был в Англии, – замел Фидлер. – Перед войной с родителями, когда мы уезжали в Канаду. Я тогда был еще маленьким. Мы пробыли там два дня.

Лимас кивнул.

– Знаете – сейчас я могу сказать вам это, – я чуть было не оказался там снова несколько лет назад. Мне предстояло заменить Мундта в нашей Сталелитейной компании. Вам ведь известно, что он находился тогда в Лондоне.

– Известно, – коротко ответил Лимас.

– Мне бы очень хотелось знать, что это за работа.

– Обычные игры с миссиями других стран блока. Какие-то контакты с британским бизнесом, но весьма незначительные.

Лимас, казалось, скучал.

– Но Мундт со всем этим неплохо справлялся. И прекрасно проявил себя.

– Да, я слышал. Он даже сумел убить парочку людей.

– Вы слышали и об этом?

– От Петера Гийома. Он участвовал в операции вместе с Джорджем Смайли. Мундт едва не прикончил и самого Смайли.

– Операция по делу Феннана, – задумчиво произнес Фидлер. – Удивительно все-таки, что Мундту удалось улизнуть от вас, правда?

– Да, удивительно.

– Кто бы мог поверить, что сотрудник иностранной компании, чьи данные имеются в досье британского МИДа, может переиграть всю британскую службу безопасности.

– Насколько мне известно, они не особенно старались поймать его.

Фидлер застыл на месте.

– Как вы сказали?

– Петер Гийом говорил мне, что поимка Мундта не входила в их планы, вот и все, что я знаю. У нас тогда была другая структура управления: Советник, а не Оперативный Контролер. Советника звали Мастон. Как сказал Гийом, Мастон с самого начала слишком переусердствовал с этим делом Феннана. Петер объяснил мне, что, если бы они схватили Мундта, поднялся бы страшный шум. Его пришлось бы судить и, наверное, вешать. И шум вокруг этого процесса мог погубить всю карьеру Мастона. Петер не знал, как именно там все происходило, но божился, что настоящей охоты на Мундта не было.

– Вы уверены в этом? Уверены, что Гийом выразился именно так: настоящей охоты на Мундта не было?

– Разумеется, уверен.

– А Гийом никогда не высказывал своих догадок по поводу того, почему они позволили Мундту уйти?

– Что вы имеете в виду?

Фидлер молча покачал головой, и они пошли дальше по тропе.

– Сталелитейная миссия была прикрыта сразу после дела Феннана, – сказал он чуть погодя. – Вот почему я не поехал в Англию.

– Мундт, должно быть, сумасшедший. Можно надеяться ускользнуть после убийства на Балканах или у вас, но не в Лондоне.

– И все-таки ему это удалось, правда? – быстро подхватил Фидлер. – И он недурно потрудился.

– Навербовал людей вроде Кифера и Эша? Ну, уж извините!

– Баба Феннана была у них на крючке задолго до скандала.

Лимас лишь пожал плечами.

– Скажите-ка мне вот что, – продолжил разговор Фидлер. – Карл Римек, кажется, один раз виделся с Контролером?

– Да, в Берлине год назад, может, чуть больше.

– А где именно?

– Мы сидели втроем у меня дома.

– А зачем они встречались?

– Контролер любил встречаться с удачливыми агентами. Мы получили от Карла массу первосортного материала, думаю, все в Лондоне были этим довольны. Контролер ненадолго прибыл в Берлин и попросил меня организовать встречу.

– Вас это расстроило?

– С какой стати?

– Ну, Карл был вашим агентом. Вам могла быть не по вкусу его встреча с другим резидентом.

– Контролер не резидент, он глава Департамента. Карл знал об этом, и это ему льстило.

– Вы все время беседовали втроем?

– Да. Хотя нет, погодите-ка. Я оставил их вдвоем на четверть часа или чуть больше. Так просил Контролер, ему хотелось побыть несколько минут с глазу на глаз с Карлом. Бог его знает зачем. И я под каким-то предлогом – не помню, под каким, – ушел. Ах да, вспомнил. Я сделал вид, будто у меня кончилось виски. Я вышел и взял бутылку у Де Йонга.

– А вам известно, о чем они говорили, пока вас не было?

– Откуда мне знать? Да меня это и не интересовало.

– А Карл вам потом ничего не рассказывал?

– Я его не спрашивал. Кое в чем Карл был порядочным индюком: любил делать вид, будто я не полностью в курсе дела. Мне не понравилось, как он подхихикивал потом над Контролером. Хотя, честно говоря, он имел на это право – уж больно смешное представление тот устроил. Не было ни малейшего смысла подстегивать тщеславие Карла, а тот вечер был задуман как что-то вроде допинга для него.

– Карл был тогда чем-то подавлен?

– Какое там! Он чувствовал себя на коне. Ему слишком много платили, его слишком любили, ему слишком доверяли. Отчасти по моей вине, отчасти по вине Лондона. Если бы его не перехвалили, он не проболтался бы своей чертовой бабенке об агентурной сети.

– Эльвире?

– Ну да.

Некоторое время они шли молча, потом Фидлер, стряхнув с себя задумчивость, заметил:

– Вы начинаете мне нравиться. Но одна вещь в вас меня озадачивает. Странно, такого со мной еще не случалось.

– И что же вас озадачивает?

– Почему вы вообще к нам пришли. Почему стали перебежчиком.

Лимас собрался было что-то ответить, но тут Фидлер расхохотался.

– Боюсь, это прозвучало не слишком тактично? – заметил он.

Всю ту неделю они целыми днями бродили по холмам. Возвращаясь, ели скверный ужин, запивая его бутылкой дешевого белого вина и подолгу просиживали с выпивкой у огня. Насчет огня придумал Фидлер: вначале его не было, но как-то вечером Лимас услышал, как Фидлер велел охраннику принести дров. После этого коротать время стало веселее: после многочасовой прогулки при свете очага и с выпивкой Лимас часами охотно рассказывал о Цирке. Он подозревал, что их пишут на магнитофон, но ему было наплевать.

Он замечал, как с каждым днем растет волнение и напряженность его собеседника. Однажды вечером они довольно поздно поехали куда-то на ДКВ и притормозили возле телефонной будки. Оставив Лимаса в машине и не выключив мотор, Фидлер о чем-то долго говорил по телефону.

Когда он вернулся, Лимас спросил:

– Почему вы не позвонили из дому?

– Надо быть начеку, – ответил тот, покачав головой. – И вам тоже следует быть начеку.

– Почему? Что происходит?

– Деньги, которые вы вносили в копенгагенский банк… Вы ведь написали туда, помните?

– Конечно, помню.

Фидлер больше ничего не сказал и молча поехал дальше. Потом они остановились. Внизу, затененная вершинами елей, виднелась долина. По обе стороны от нее круто вверх поднимались склоны холмов. В сгущающихся сумерках они постепенно меняли окраску, становясь серыми и безжизненными.

– Что бы ни случилось, – сказал Фидлер, – не волнуйтесь. В итоге все будет хорошо, понимаете? – Голос его звучал глухо и торжественно, узкая рука легла на плечо Лимасу. – Вам немного придется позаботиться о себе самом, но это ненадолго, понимаете? – снова спросил он.

– Нет, не понимаю. И пока вы не объясните, мне остается ждать и приглядываться. И не надо слишком дрожать за мою шкуру, Фидлер.

Он шевельнул плечами, но рука Фидлера не отпускала его. Лимас терпеть не мог, когда его трогали.

– Вы знаете Мундта ? – спросил Фидлер. – Вы о нем знаете?

– Мы же с вами говорили о Мундте.

– Да, – подхватил Фидлер, – мы о нем говорили. Он сперва стреляет, а потом начинает задавать вопросы. Устрашающий принцип. И довольно странный для профессии, где вопросы принято считать куда более важным делом, чем выстрелы.

Лимас прекрасно понимал, что именно хочет сказать ему Фидлер.

– Довольно странный принцип, если только ты не боишься услышать ответ, – понизив голос, сказал Фидлер, Лимас выждал, и Фидлер заговорил дальше:

– Прежде он никогда не проводил дознание, всегда поручал это мне. Он говорил: «Допросы – ваш конек. Тут с вами никто не сравнится. Я буду их ловить, а у вас они запоют». Он любит говорить, что контрразведчики подобны художникам, за спиной которых всегда должен стоять человек с молотком, чтобы ударом возвестить окончание работы. Иначе они забывают, ради чего принялись за нее. «Я – ваш молоток», – говорил он мне. Сперва это было просто шуткой, а потом стало реальностью, когда он начал убивать людей, убивать прежде, чем они запоют. Как вы сами говорили, одного прирежет, другого пристрелит. Я просил его, я его умолял: «Почему не арестовать их? Почему вы не передадите их мне на месяц-другой? Какой нам от них толк, когда они уже трупы?» А он только качал головой и говорил, что почки

следует подрезать прежде, чем они распустятся. У меня было такое чувство, будто он готовил ответ раньше, чем я задавал вопрос. Он хороший оперативник, просто отличный. В Отделе он проделал чудеса, да вы сами это знаете. У него есть своя теория на этот счет, мне доводилось беседовать с ним об этом ночами. За кофе – он ничего не пьет, только кофе. Он считает, что немцы слишком сосредоточены на себе, чтобы готовить хороших агентов, и это сказывается на работе контрразведки. Он говорит, что контрразведчики вроде волков, грызущих пустую кость, – приходится отнимать ее, чтобы заставить их выйти на поиски новой добычи. И это в самом деле так, я понимаю, что он имел в виду. Но Мундт зашел слишком далеко. Зачем он убил Фирека? Почему он отнял его у меня? Фирек был свежей добычей, фигурально выражаясь, с этой кости мы даже не успели обгрызть мясо. Так почему же он отнял его у меня? Почему, Лимас, почему?

Рука Фидлера крепко впилась в плечо Лимасу. Несмотря на полную темноту в машине, Лимас отчетливо ощущал пугающую взвинченность собеседника.

– Я гадал об этом день и ночь. Когда застрелили Фирека, я спросил себя, кому это на руку. Ответ сперва показался мне фантастическим. Я сказал себе, что просто завидую его успехам, что я переутомился, и мне за каждым кустом стали мерещиться предатели. В нашей работе такое бывает. Но я уже ничего не мог с собой поделать, мне нужно было докопаться до истины. Ведь кое-что подобное уже случалось и раньше. Он боялся, он явно боялся, что мы поймаем кого-нибудь, кто скажет нам слишком много!

– Что вы несете! Да вы с ума сошли! – сказал Лимас, и в его голосе послышался испуг.

– Понимаете, все сходится одно к одному. Мундту с поразительной легкостью удалось удрать из Англии, вы же сами мне говорили. А помните, что вам сказал Гийом? Он сказал, что им не особенно хотелось поймать его! А собственно, почему? Я вам скажу почему: он стал их агентом, они перевербовали его, как только поймали, разве не понятно? Такова была цена его освобождения. Ну и деньги, которые ему стали платить.

– Говорю вам, вы сошли с ума! – прошипел Лимас. – Он прикончит вас, как только заподозрит, что вы стали думать об этом. Это пустышка, Фидлер. Заткнитесь и поехали домой.

Мертвая хватка на плече у Лимаса чуть ослабла.

– Вот тут вы ошибаетесь, Лимас. Вы сами предоставили нам доказательства. Да, вы сами. Вот почему нам следует держаться друг друга.

– Это чушь! – заорал Лимас. – Сколько раз вам повторять: так быть не могло. Цирк не мог задействовать его против Восточной Германии без моего ведома. У нас нет такой оперативной возможности. Вы стараетесь доказать мне, будто Контролер через голову регионального резидента лично руководил заместителем начальника восточногерманской разведки. Вы сошли с ума, Фидлер! Вы просто спятили, черт побери! – Лимас вдруг беззвучно расхохотался. – А, ясно! Вы решили сесть на его место, идиот вы несчастный! Что ж, оно и понятно. Ну, такая штука может сработать против вас как бумеранг.

Некоторое время оба молчали.

– Те деньги в Копенгагене, – сказал наконец Фидлер. – Банк ответил на ваш запрос. Директор весьма озабочен возможным недоразумением. Деньги были сняты вторым держателем счета через неделю после того, как вы их внесли. Указанная дата совпадает с двухдневной поездкой Мундта в Данию в феврале. Он был там под чужим именем, якобы встречался с нашим агентом-американцем, который приехал туда на международную научную конференцию. – Фидлер чуть помолчал, а потом добавил:

– Полагаю, вам следует написать в банк и сообщить им, что все в порядке, не так ли?

Глава 15. Приглашение на бал

Лиз разглядывала письмо из партийного комитета и гадала, что бы это могло значить. Все было как-то странно. Она готова была признать, что очень польщена, но почему они сначала

не посоветовались с ней? Кто внес ее имя – члены ячейки или окружной комитет? Но в комитете ее никто не знал, так, по крайней мере, считала Лиз. Конечно, ей доводилось слушать выступления партийных ораторов, а на общем собрании она обменивалась рукопожатиями с тем или иным функционером. Может быть, о ней вспомнил тот человек из отдела культуры – красивый, весьма женственного типа мужчина, который почему-то был так любезен с ней? Эш, так его звали. Он проявил к ней тогда некоторый интерес, и Лиз допускала, что он записал ее имя, а когда пришла стипендия, вспомнил о ней. Странный он человек: пригласил ее на чашку кофе в «Блэк энд Уайт» и принялся расспрашивать о кавалерах. Он не флиртовал с ней, ничего такого – он вообще показался ей чуточку голубым, – но задал ей кучу вопросов. Давно ли она состоит в партии? Тоскует ли, живя без родителей? Много ли у нее парней или она отдает предпочтение кому-то одному? Он не произвел на Лиз особого впечатления, но разговаривать с ним было интересно: рабочее государство в Германской Демократической Республике, концепция рабочей поэзии и всякое такое. О Восточной Европе он знал, кажется, все, должно быть, немало поездил по свету. Лиз решила, что он учитель: было в его речах что-то назидательное и навязчивое. Потом у них был сбор средств в фонд борьбы; Эш пожертвовал целый фунт, чем совершенно очаровал Лиз. Да, так оно, конечно, и было, теперь Лиз уже не сомневалась: о ней вспомнил Эш. Он рассказал о ней кому-то в лондонском комитете, а те сообщили в центральный комитет или куда-то еще. Конечно, это все равно было странно, но партия всегда предпочитала тайные методы и средства, вероятно, потому, что она была революционной партией. Таинственность эта не нравилась Лиз, она находила ее бесчестной, но, как видно, необходимой, ибо, кто знает, сколько тайных врагов партии погорело на этом.

Лиз снова перечитала письмо. Оно было отпечатано на комитетском бланке с жирной красной шапкой и начиналось обращением «дорогой товарищ». На вкус Лиз это звучало чересчур по-армейски, она ненавидела обращение «товарищ» и никак не могла привыкнуть к нему.

«Дорогой товарищ, в ходе недавних переговоров с товарищами из социалистической единой партии Германии о возможности эффективного обмена делегациями наших партий мы пришли к обоюдному соглашению. Оно базируется на эквивалентном обмене по рангу и уровню партийных работников между нашими организациями. СЕПГ понимает, что дискриминационные ограничения британского МИДа, существующие в настоящее время, едва ли позволят их делегации прибыть в Великобританию сейчас или в ближайшем будущем, но полагает, что тем более важно провести в нынешних условиях обмен опытом. Руководство СЕПГ великодушно предоставило нам возможность самим выбрать пять секретарей местных ячеек, обладающих опытом работы на местах и стимуляции массовых выступлений уличного типа. Каждый из отобранных товарищей проведет три недели в дискуссиях по близкой ему тематике, ознакомится с достижениями промышленного прогресса и социального обеспечения, а главное, своими глазами увидит фашистские происки Запада. Это приглашение дает нашим товарищам исключительную возможность извлечь пользу из опыта молодой социалистической системы.

Исходя из этого, мы опросили округа на предмет поиска молодых кадровых трудящихся, проживающих в вашем районе, для которых такая поездка была бы наиболее полезной, и ваше имя было названо в числе первых. Мы предлагаем вам поехать, если вы сможете, и просим выполнить вторую намеченную нами задачу, которая заключается в установлении контактов с восточногерманскими товарищами, работающими в профессионально родственной вам области и, следовательно, сталкивающимися с проблемами, аналогичными вашим. Южно-Бэйсуотерский округ породнен с Нойхагеном, пригородом Лейпцига. Фреда Люман, секретарь нойхагенского комитета, наметила для вас широкую программу мероприятий. Мы убеждены в том, что вы наилучшим образом подходите для выполнения этой задачи и что ваша поездка пройдет на редкость успешно. Все расходы по ней берет на себя министерство культуры ГДР.

Мы убеждены, что вы понимаете, сколь велика оказанная вам честь, и не сомневаемся, что никакие колебания или возражения личного характера не заставят вас отказаться от поездки. Визиты намечены на конец следующего месяца, примерно на 23-е, но все товарищи поедут раздельно, чтобы исключить дублирование. Пожалуйста, сообщите нам как можно скорее, принимаете ли вы приглашение, и мы ознакомим вас с дальнейшими деталями».

Чем внимательнее Лиз вчитывалась в текст письма тем более странным оно ей казалось. Начать, например, с того, что они словно бы знают, что она может уйти из библиотеки. Но тут она вдруг вспомнила, как Эш спрашивал, что она делает в отпуске, брала ли его в этом году и может ли, если понадобится, взять за свой счет. Но почему они не сообщают имена остальных кандидатов? Собственно, они не обязаны сообщать, но все же странно, почему они этого не сделали. А какое длинное письмо! У них в комитете вечно не хватало секретарш, и они старались писать покороче или просили товарищей звонить по телефону. А это письмо такое деловое и так хорошо отпечатано, словно было вовсе не из комитета. Но оно было подписано заведующим отделом культуры. То была, конечно, его подпись, Лиз десятки раз видела ее под документами. Кроме того, письму был присущ тот неуклюжий, полубюрократический, полумессианский стиль, к которому Лиз постепенно привыкла, так и не научившись любить его. Глупо писать о ее умении стимулировать массовые выступления уличного типа. Не было у нее такого умения. Честно говоря, она ненавидела эту часть партийной работы – громкоговорители у фабричных ворот, продажа «Дейли» на перекрестке, обход квартир перед местными выборами. Борьба за мир была ей не так противна, она имела для Лиз некоторый смысл. Всегда можно поглядеть на ребятишек на улице, на матерей с колясками, на стариков у ворот и сказать себе: «Я делаю это ради них». Вот что такое борьба за мир.

Но ей никак не удавалось так же относиться к борьбе за голоса избирателей и за тираж газеты. Может быть, тут недостаток количества переходил в качество. Куда проще собираться всем вместе, человек двенадцать, на заседание ячейки, перестраивать мир, маршировать в авангарде социализма и рассуждать о поступательном ходе истории. Но потом приходилось выходить на улицу с пачкой «Дейли уоркер» и простаивать час, а то и два, пока продашь хоть один экземпляр. Иногда она жульничала – как, впрочем, жульничали и остальные – и сама платила за дюжину экземпляров, лишь бы поскорее избавиться от них и пойти домой. На следующий день они хвастались друг перед другом своими успехами, словно позабыв о том, что сами купили все газеты: «Товарищ Голд продала в субботу вечером восемнадцать экземпляров, подумайте только – восемнадцать!» Сообщение об этом могло попасть в протокол или даже в партийный листок. В округе потирали от удовольствия руки, и при случае ее имя упоминалось в небольшой заметке о сборе пожертвований в фонд борьбы на первой странице листка. Они жили в очень тесном мирке, и Лиз хотелось, чтобы мирок этот был почестнее. Но ведь и она сама лгала себе. Должно быть, все они лгали. Но может, другим более понятно, для чего им приходится врать?

Странно, что ее выбрали секретарем ячейки. Предложил это Маллиган: «Нашего юного, энергичного и привлекательного товарища…» Он думал, что после этого она станет спать с ним. Остальные проголосовали за Лиз, потому что она им нравилась и умела печатать на машинке. Потому что считали, что она будет заниматься делом и собирать их – по выходным. Но только не слишком часто. Они голосовали за нее потому, что им хотелось превратить ячейку в маленький уютный клуб, славный и революционный, но без лишней суеты. От всего этого разило жутким мошенничеством. Алек, кажется, понял это – он просто не принял ее дел всерьез. «Одни заводят канареек, другие вступают в партию», – сказал он однажды и был прав. По крайней мере в том, что касалось Южно-Бэйсуотерского района. В окружном комитете это тоже все прекрасно понимали. Вот почему и удивительно, что выбрали для поездки именно ее, ей трудно было поверить, что сделал это округ. Единственным объяснением был Эш. Может, он положил на нее глаз? Может, он вовсе не голубой, а только кажется таким?

Лиз беспомощно дернула плечами – жест, свойственный одиноким людям, находящимся на грани нервного срыва. Как бы то ни было, она сможет побывать за границей, поездка была бесплатной и сулила много интересного. Лиз никогда не бывала за границей, и за свой счет ей такую поездку было бы не осилить. Она наверняка получит большое удовольствие. Правда, у нее есть определенное предубеждение против немцев. Лиз знала – ей не раз говорили об этом, – что в Западной Германии милитаризм и реваншизм, а Восточная Германия – миролюбивая и демократическая. Но Лиз не верилось в то, что все дурные немцы собрались в одном государстве, а все хорошие – в другом. Ее отца убили дурные немцы. А может быть, партия выбрала ее именно поэтому – в качестве щедрой репарации за прошлое? Может быть, об этом думал тогда Эш? Ну конечно, вот и разгадка. Лиз почувствовала глубокую благодарность к партии. Они удивительно порядочные люди, и Лиз горда, что входит в их ряды. Она выдвинула ящик стола, где хранила в стареньком школьном ранце партийные документы и взносы, вставила лист бумаги в допотопный ундервуд – ей прислали его из комитета, когда узнали, что она умеет печатать, ход у него был скачущий, но в остальном машинка исправная, – и напечатала милое благодарственное, письмо, извещавшее, что она готова поехать. Комитет – прекрасная организация, строгая, благосклонная, безличная и вечная. Какие хорошие, добрые люди. Борцы за мир. Задвигая ящик, Лиз заметила визитную карточку Смайли.

Она вспомнила маленького человечка с серьезным морщинистым лицом, вспомнила, как он спросил, стоя в дверях: «Партия знает про вас с Алеком?» Как глупо она себя вела. Ладно, поездка хоть немного отвлечет ее.

Глава 16. Арест

Остаток пути Фидлер и Лимас ехали молча. В темноте холмы казались черными и изрытыми пещерами, свет фар пробивался сквозь мрак, подобно судовым прожекторам в море.

Фидлер припарковал машину возле конюшни, и они направились к дому. Они были уже на пороге, когда сзади кто-то громко окликнул Фидлера. Обернувшись, Лимас различил в сумерках метрах в двадцати от них троих мужчин, которые, по-видимому, дожидались их.

– Чего вам нужно? – спросил Фидлер.

– Поговорить с вами. Мы из Берлина, – крикнули в ответ.

Фидлер заколебался.

– Где этот чертов охранник? – пробормотал он. – На главном входе должен стоять охранник.

Лимас ничего не ответил.

– Почему не горит в доме свет? – снова спросил Фидлер, а потом с явной неохотой направился к мужчинам.

Лимас подождал секунду-другую, но ничего не услышал и прошел через темный дом в пристройку. То была убогая хижина, лепившаяся к стене дома и скрытая с трех сторон от посторонних взоров зарослями молодого ельника. В пристройке были три проходные спальни, не разделенные даже коридором. В средней спал Лимас, а в клетушке ближе к дому – оба охранника. Кто обитает в третьей спальне, Лимас не знал. Один раз он попытался открыть ведущую туда дверь, но она оказалась заперта. На следующее утро на прогулке он заглянул в просвет между шторами и увидел., что там тоже спальня. Охранники, повсюду следовавшие за ним на расстояние метров пятидесяти, еще не вышли из-за угла дома, и Лимас успел глянуть в окно. В комнате стояли узкая застеленная кровать и небольшой письменный стол с бумагами. Лимас понял, что кто-то со свойственной немцам дотошностью следит за ним оттуда, но он был слишком опытным разведчиком, чтобы волноваться из-за дополнительной слежки. В Берлине слежка была обычным делом, куда хуже, если ты не мог обнаружить «хвоста», – это означало, что либо противник перешел к более изощренным методам работы, либо ты просто утратил бдительность. Обычно он замечал их, поскольку знал в этом толк, был наблюдателен

и имел хорошую память – короче, был профессионалом. Он знал, какую численность нарядов предпочитает противник, знал его приемы, его слабости, выдававшие его секундные промашки. Лимаса не волновало то, что здесь за ним следят, но сейчас, войдя в спальню охранников, он заподозрил что-то неладное.

Свет в пристройке включался с какого-то общего распределительного щитка. И делала это чья-то незримая рука. По утрам его будила внезапная вспышка лампочки над головой. А по вечерам загоняла в постель механически наступавшая темнота. Сейчас было лишь девять вечера, а свет уже не горел. Обычно его выключали не раньше одиннадцати, но сейчас все было погашено, и шторы на окнах опущены. Лимас оставил открытой дверь из дома, и сюда из коридора проникал свет, но такой слабый, что он смог разглядеть только пустые койки охранников. Удивленный тем, что комната пуста, он остановился, и тут дверь у него за спиной закрылась. Может, сама по себе, но Лимас не стал открывать ее. Стало совсем темно. Дверь закрылась бесшумно – ни скрипа, ни звука шагов. Предельно насторожившемуся Лимасу почудилось, словно внезапно отключили звук. Затем он уловил запах сигарного дыма. Этот запах был тут и раньше, но до сих пор он не замечал его. Внезапная темнота обострила его обоняние и осязание.

В кармане у него были спички, но он не стал зажигать их. Он сделал шаг в сторону, прижался к стене и застыл. Смысл происходящего можно было истолковать только так: они думали, что он пройдет через комнату охранников к себе в спальню. Поэтому он решил остаться пока тут. Вскоре со стороны главного здания он явственно различил шум шагов. Кто-то проверил, закрыта ли дверь, и запер ее на ключ. Лимас не шевельнулся. Даже теперь. Хотя с ним явно не шутили – он превратился в узника. Опустив руку в карман пиджака, он медленно и бесшумно присел на корточки. Лимас был совершенно спокоен и, предвидя, что сейчас произойдет, испытывал почти облегчение. Мысли стремительно проносились в голове: «Почти всегда под рукой оказывается какое-нибудь оружие: пепельница, несколько монет или авторучка. Что-то, чем можно ударить или проколоть». И излюбленное наставление кроткого сержанта-валлийца, тренировавшего его в лагере близ Оксфорда в годы войны: «Никогда не пускай в ход обе руки разом, даже если у тебя нож, пистолет или палка. Оставляй левую руку свободной и держи ее у живота. Если ударить нечем, держи ладони раскрытыми, а большие пальцы напряженными». Правой рукой Лимас раздавил коробок спичек так, чтобы крошечные острые щепки торчали между пальцами, и пробрался вдоль стены к креслу, которое, как он помнил, стояло в углу. Резко выдвинул кресло на середину комнаты, не беспокоясь, что его услышат, а затем, считая шаги, отошел назад и встал в углу. Как только он остановился, дверь из его спальни распахнулась. Человека в дверном проеме он разглядеть не сумел – было слишком темно, свет в его спальне тоже был выключен. Лимас не бросился вперед, поскольку перед ним стояло кресло. В этом было его тактическое преимущество: он знал, где стоит кресло, а противник не знал. Только нужно, чтобы они подошли к нему, нельзя дожидаться, пока их помощник врубит свет в доме.

– А ну-ка идите сюда, говнюки, – по-немецки прошипел он. – Я тут, в углу. Ну-ка, возьмите меня. Или слабо?

В ответ ни шороха, ни звука.

– Я тут. Вы что, не видите меня? Ну, в чем дело? Давайте, ребята, поживей!

Он услыхал, как шагнул вперед один, потом другой. Послышалась брань налетевшего на кресло охранника. Этого знака и дожидался Лимас. Бросив на пол коробок, он, крадучись, шаг за шагом, двинулся вперед, выставив левую руку, как человек, раздвигающий ветви в лесу. Наконец он почувствовал под рукой чью-то руку и теплую, колючую ткань солдатской формы. Он тихонько постучал левой рукой по руке солдата, и тут же услышал испуганный шепот.

– Это ты, Ганс? – спросил солдат по-немецки.

– Заткнись, идиот, – прошептал, в ответ Лимас и в тот же миг схватил противника за волосы, рванул его голову на себя и вниз, нанес ребром правой ладони жуткий режущий удар в затылок, рванул его кверху и ударил кулаком в горло. Когда он отпустил солдата тот безжизненно рухнул на пол. И тут же во всем доме зажегся свет.

В проеме двери стоял молодой капитан народной полиции с сигарой в зубах. Сзади были еще двое. Один довольно молодой в гражданском платье и с пистолетом в руке. Лимасу показалось, что это пистолет чешского производства с обоймой в рукояти. Все трое глядели на лежавшего на полу. Кто-то отпер наружную дверь. Лимас обернулся на шум, но тут же раздался чей-то крик – кажется, капитана, приказывавшего ему не шевелиться. Он снова повернулся к ним.

Лимас не успел защититься от удара. Страшного удара, будто проломившего голову. Падая и теряя сознание, Лимас спросил себя, чем же они его ударили – может быть, револьвером старого образца.

Он очнулся под пение заключенных и ругань тюремщика, приказывающего им заткнуться. Лимас открыл глаза, и мозг яркой вспышкой пронзила боль. Он лежал неподвижно, стараясь не закрывать глаз и следя за яркими фрагментами видений, проносящихся перед его взором. Прислушался к собственным ощущениям: ноги были холодны, как лед, разило кислым запахом арестантской одежды. Пение смолкло, и Лимасу вдруг захотелось услышать его вновь, хотя он прекрасно понимал, что этого не будет. Он попробовал поднять руку, чтобы стереть со щеки запекшуюся кровь, но обнаружил, что руки скручены за спиной. Ноги тоже, должно быть, были связаны, они затекли и поэтому были такими холодными. Он с трудом огляделся, пытаясь хоть немного оторвать голову от пола, и с удивлением увидел собственные колени. Попробовал было вытянуть ноги, но тут же почувствовал такую боль, что не смог сдержать затравленного, горестного крика, похожего на вопль казнимого на дыбе. Он полежал немного, тяжело дыша и стараясь совладать с болью, а потом со свойственной ему извращенной настырностью решил еще раз, теперь уже медленней, вытянуть ноги. Сразу же вернулась мучительная боль, и Лимас понял наконец ее причину: ноги и руки были скованы между собой за спиной. Как только он разгибал ноги, цепь натягивалась, вдавливая плечи и израненную голову в каменный пол. Они, должно быть, сильно избили его, пока он был без сознания, все тело онемело и жутко ныло в паху. Интересно, убил ли он охранника? Хотелось надеяться, что убил.

Над головой горел свет – яркий, больничный, слепящий. Никакой мебели, только белые стены, обступавшие его со всех сторон, да серая стальная дверь приятного известнякового цвета, какой можно увидеть в обставленных со вкусом лондонских домах. Больше ничего. Ничего, на чем можно было бы сосредоточиться, только дикая боль.

Он лежал так, наверное, долгие часы, прежде чем за ним пришли. От яркого света было жарко. Жутко хотелось пить, но Лимас не желал ни о чем просить их. Наконец дверь открылась, и на пороге появился Мундт. С первого взгляда Лимас понял, что это он. Смайли много рассказывал ему о Мундте.

Глава 17. Мундт

Его развязали и помогли подняться, но едва кровь прихлынула к рукам и ногам, а суставы освободились от чудовищного напряжения, он снова рухнул на пол. Больше ему не помогали, они просто стояли над ним, глазея на него с любопытством детей, разглядывающих насекомое. Потом из-за спины Мундта вышел охранник и крикнул Лимасу, чтобы тот вставал. Лимас подполз к стене и, цепляясь дрожащими руками за белый кирпич, стал медленно подниматься. Он почти уже был на ногах, но тут охранник ударил его, и он упал. И снова начал подниматься. Теперь уже никто не мешал ему. И вот он наконец встал, прислонившись спиной к стене. Тут он заметил, что охранник переносит тяжесть тела на левую ногу, и понял, что тот снова ударит его. Собрав остатки сил, Лимас рванулся вперед и двинул охранника головой в лицо. Теперь они рухнули вместе, Лимас оказался наверху. Высвободившись, охранник встал, а Лимас

продолжал лежать, ожидая неминуемой кары. Но Мундт что-то сказал охраннику, и Лимас почувствовал, как его схватили за руки и за ноги. Когда его волокли по коридору, он услышал, как захлопнулась дверь камеры. Страшно хотелось пить.

Его втащили в маленькую уютную комнату с письменным столом и креслами. На зарешеченных окнах полуопущенные шведские шторы. Мундт сел за стол а Лимас, чуть прикрыв глаза, сидел в кресле. Охранники встали у двери.

– Пить, – попросил Лимас.

– Виски?

– Воды.

Мундт наполнил графин из-под крана в углу комнаты и поставил его вместе со стаканом на стол.

– Принесите чего-нибудь поесть, – распорядился он.

Один из охранников вышел и вернулся с чашкой бульона и кусочками колбасы. Пока Лимас ел, они молча наблюдали за ним.

– Где Фидлер? – спросил он наконец.

– Арестован, – коротко ответил Мундт.

– За что?

– Заговор с целью подрыва госбезопасности.

Лимас спокойно кивнул.

– Значит, ваша взяла. Когда его арестовали?

– Прошлой ночью.

Лимас помолчал, пытаясь сосредоточиться на Мундте.

– А что будет со мной? – спросил он.

– Вы свидетель по его делу. Потом вас, разумеется, тоже будут судить.

– Выходит, я участник лондонской операции по дискредитации Мундта?

Мундт кивнул. Потом прикурил сигарету и передал ее через охранника Лимасу.

– Совершенно верно, – сказал он.

Охранник подошел к Лимасу и с явным отвращением сунул ему в рот сигарету.

– Изящная операция, – заметил Лимас. – Ну и мудрецы эти китайцы, – добавил он.

Мундт промолчал. В ходе дальнейшей беседы Лимас постепенно привык к таким паузам. У Мундта был довольно приятный голос, чего Лимас никак не ожидал, но говорил он редко. В этом и заключался секрет его исключительного самообладания: он говорил лишь тогда, когда считал нужным. Это отличало его от большинства профессиональных следователей, которые обычно брали инициативу на себя, создавая атмосферу некоторой доверительности и используя в своих целях психологическую зависимость заключенного от тюремщика. Мундт презирал подобные методы работы: он был человеком фактов и поступков. Лимасу был по душе именно такой стиль.

Внешность Мундта полностью соответствовала его темпераменту. У него было телосложение атлета. Красивые волосы были коротко острижены, причесаны и приглажены. Черты его молодого лица были жесткими и резкими, выражение – устрашающе прямым: тут не было места ни юмору, ни фантазии. Выглядел он молодо, но не слишком: старшие, должно быть, относились к нему со всей серьезностью. Он был хорошо сложен. Стандартная одежда прекрасно сидела на его стандартной фигуре. Глядя на Мундта, Лимасу нетрудно было вспомнить о том, что тот убийца. В нем ощущалась холодность и безжалостная самоуверенность, делавшие его великолепным кандидатом на роль палача. Это был крайне жестокий человек.

– Обвинение, по которому вы, если потребуется, предстанете перед судом, – убийство, – спокойно сказал Мундт.

– Значит, охранник мертв? – спросил Лимас.

Волна резкой боли снова захлестнула мозг.

Мундт кивнул.

– С учетом данного обстоятельства обвинение в шпионаже представляет собой чисто академический интерес. Я рекомендовал публичное слушание дела Фидлера. Такова же и рекомендация Президиума.

– И вам нужно мое признание?

– Да.

– Другими словами, у вас нет никаких доказательств.

– Доказательства у нас появятся. У нас будет ваше признание. – В голосе Мундта не было злобы. Не было в нем и нажима или театрального наигрыша. – С другой стороны, в вашем случае можно будет говорить о смягчающих обстоятельствах: вас шантажировала британская разведка; они обвинили вас в краже денег и потребовали участия в реваншистском заговоре против меня. Такая речь в вашу защиту, несомненно, понравится суду.

Лимас, казалось, вдруг начисто утратил самообладание.

– Как вы узнали о том, что меня обвинили в краже?

Мундт молчал.

– Фидлер оказался сущим идиотом, – наконец заговорил он. – Как только я прочитал отчет нашего друга Петерса, я сразу понял, для чего вас заслали. И понял, что Фидлер на это купится. Фидлер безумно ненавидит меня. – Мундт кивнул, как бы подтверждая истинность собственных слов. – А вашим людям это, конечно, известно. Весьма хитрая операция. Кто же ее придумал? Наверняка Смайли. Он?

Лимас ничего не ответил.

– Я затребовал у Фидлера отчет о его расследовании ваших показаний, – продолжал Мундт. – Велел ему прислать мне все материалы. Он стал тянуть время, и я понял, что не ошибся. Вчера он разослал материалы всем членам Президиума, забыв прислать мне копии. Кто-то в Лондоне очень хорошо поработал.

Лимас снова промолчал.

– Когда вы в последний раз виделись со Смайли? – как бы между прочим спросил Мундт.

Лимас помедлил, не зная, что говорить. Голова раскалывалась от боли.

– Когда вы виделись с ним в последний раз? – настаивал Мундт.

– Не помню, – ответил Лимас. – Он, собственно уже отошел от дел. Просто заглядывает к нам время от времени.

– Они ведь большие друзья с Петером Гийомом?

– Кажется, да.

– Гийом, как вам известно, ведал экономической ситуацией в ГДР. Крошечный отдел в вашем Департаменте. Вы, наверное, даже толком не знали, чем они там занимаются.

– Да.

От чудовищной боли в голове Лимас почти ничего не видел и не слышал. Его тошнило.

– Ну, и когда же вы виделись со Смайли?

– Не помню.., не могу вспомнить…

Мундт покачал головой.

– У вас поразительно хорошая память, во всяком случае, на все, что может опорочить меня. Любой человек в состоянии вспомнить, когда он в последний раз виделся с кем-нибудь. Ну, скажите-ка, это было после вашего возвращения из Берлина?

– Кажется, да. Я случайно столкнулся с ним в Цирке.., в Лондоне. – Лимас закрыл глаза. Он обливался потом. – Я не могу больше разговаривать, Мундт. Мне плохо.., мне очень плохо…

– После того как Эш вышел на вас – угодил в подстроенную ему ловушку, – вы, кажется, с ним обедали?

– Да, обедал.

– Вы расстались примерно в четыре часа. Куда вы пошли потом?

– Вроде бы в Сити. Точно не помню. Ради Бога, Мундт, – застонал он, сжимая голову руками, – я больше не могу… Проклятая голова…

– Ну, и куда же вы отправились? Почему избавились от «хвоста»? Почему вы так старались улизнуть от слежки?

Лимас ничего не ответил. Сжимая голову, он судорожно глотал воздух.

– Ответьте на один только этот вопрос, и я отпущу вас. Вас уложат в постель. Позволят спать сколько захотите. А иначе вас отправят в ту же камеру. Понятно? Свяжут, закуют и оставят валяться на полу, как животное. Ясно? Ну, куда вы отправились?

Дикая пульсация боли в голове еще больше усилилась, комната заплясала перед глазами. Лимас услышал чьи-то голоса и шум шагов, вокруг заскользили призрачные тени; кто-то что-то кричал, но кричал не ему, кто-то открыл дверь, да, конечно, кто-то открыл дверь. Комната заполнилась людьми, кричали все разом, потом стали уходить, кто-то ушел, Лимас слышал, как они уходят, грохот их шагов отзывался ударами в его голове. Потом все замерло и наступила тишина. На лоб, словно длань самого Милосердия, легло мокрое полотенце, и чьи-то добрые руки понесли его куда-то.

Он очнулся в больничной кровати, у изножья которой, покуривая сигарету, стоял Фидлер.

Глава 18. Фидлер

Лимас огляделся по сторонам. Постель с простынями. Палата на одного, окно без решеток, лишь занавески, а за ними матовое стекло. Бледно-зеленые стены, темно-зеленый линолеум на полу. И Фидлер, стоящий над ним с сигаретой в зубах.

Санитарка принесла еду: яйца, жидкий бульончик и фрукты. Чувствовал он себя отвратительно, но решил, что поесть все же следует. Он принялся за еду. Фидлер продолжал глядеть на него.

– Как вы себя чувствуете?

– Чудовищно, – ответил Лимас.

– Но немного получше?

– Вроде бы да. – Лимас помолчал. – Эти мерзавцы измолотили меня.

– Вы убили охранника. Вам это известно?

– Я так и предполагал… А чего они ожидали, действуя столь идиотично? Почему не взяли нас обоих сразу? Зачем было вырубать свет? Они явно перестарались.

– Боюсь, что мы, немцы, всегда готовы перестараться. У вас там довольствуются тем, что необходимо.

Они замолчали.

– А что было с вами? – спросил Лимас.

– Тоже допросили с пристрастием.

– Люди Мундта?

– Они и лично Мундт. Очень странное ощущение!

– Можно сказать и так.

– Нет, нет, я говорю не о физической боли. В смысле боли это было сущим кошмаром. Но у Мундта, видите ли, были личные причины поглумиться надо мной. Независимо от моих показаний.

– Потому что вы высосали из пальца всю эту историю?

– Потому что я еврей.

– О Господи, – вздохнул Лимас. – Поэтому меня обрабатывали с особым усердием. А он стоял рядом и все время шептал мне… Все это очень странно…

– Что он шептал?

Фидлер помолчал, а потом пробормотал:

– Ладно, все уже позади.

– Но что все это значит? Что случилось?

– В тот день, когда нас арестовали, я обратился в Президиум за ордером на арест Мундта.

– Вы рехнулись, Фидлер. Я говорил вам, что вы просто рехнулись. Он никогда…

– Кроме предоставленных вами, у нас имелись против него и другие улики. Я собирал их по крупицам в течение последних трех лет. Вы дали нам решающее доказательство, вот и все. Как только это стало ясно, я разослал докладную всем членам Президиума. Кроме Мундта. Они получили ее в тот день, когда я потребовал его ареста.

– В тот день, когда он арестовал нас.

– Да. Я знал, что Мундт без боя не сдастся. Знал, что у него есть в Президиуме друзья или по крайней мере сторонники. Люди, которые испугаются и прибегут к нему, как только получат докладную. Но я был уверен, что в конце концов он проиграет. Президиум получил страшное оружие против него – мою докладную. Нас тут пытали, а они тем временем читали и перечитывали ее, пока не поняли, что все в ней точно. И каждый из них понял, что все остальные тоже понимают это. И они начали действовать. Объединенные общим страхом, общей слабостью и общим знанием фактов, они выступили против него и назначили трибунал.

– Трибунал?

– Закрытый, разумеется. Он состоится завтра. Мундт арестован.

– А какие у вас еще улики? Что вам удалось собрать?

– Завтра узнаете, – улыбаясь, ответил Фидлер. – Всему свое время.

Он замолчал, глядя на Лимаса.

– А этот трибунал, – спросил Лимас, – как он проводится?

– Все зависит от президента. Не забывайте, это ведь не народный суд. Скорее похоже на следственную комиссию – заседание комиссии, назначенной Президиумом для расследования обстоятельств определенного дела. Трибунал не выносит приговор, он дает рекомендацию. Но в случае вроде нынешнего рекомендация равнозначна приговору. Просто она остается секретной как часть работы Президиума.

– А как ведется расследование? Адвокат? Судьи?

– Там будут трое судей, – сказал Фидлер, – и адвокат. Завтра я выступлю обвинителем по делу Мундта. А защищать его будет Карден.

– Кто такой Карден?

Фидлер помолчал.

– На редкость крутой мужик, – сказал он. – Внешне смахивает на сельского врача – невзрачный и благодушный. Но он прошел через Бухенвальд.

– Почему Мундт не взял защиту на себя?

– Не захотел. Говорят, у Кардена есть свидетель защиты.

Лимас пожал плечами.

– Ну, это уже ваши проблемы, – сказал он.

Они снова замолчали. Потом Фидлер сказал:

– Я бы не удивился – во всяком случае, не настолько удивился, – если бы он истязал меня из ненависти или зависти ко мне. Понимаете? Бесконечная, мучительная боль и все время твердишь себе: или я потеряю сознание, или сумею перетерпеть ее, природа решит сама. А боль все усиливается и усиливается, словно натягивается струна. Ты думаешь, что это уже предел, что сильнее болеть не может, а оно болит сильней и сильней, а природа помогает только в одном – различать степень боли. И все это время Мундт шептал мне; «Жид.., жид поганый…» Я мог бы понять – наверняка мог бы, – если бы он пытал меня во имя идеи, если угодно, во благо партии или из ненависти лично ко мне. Но это было не так, он ненавидит…

– Ладно, – оборвал его Лимас. – Он ублюдок. Вам следовало бы знать это.

– Да, – согласился Фидлер, – он ублюдок.

Фидлер казался взволнованным. «Ему нужно выговориться», – подумал Лимас.

– Я постоянно вспоминал вас, – продолжал Фидлер. – Часто вспоминал наш разговор, вы помните, тот, про мотор.

– Какой еще мотор?

Фидлер улыбнулся.

– Извините, это буквальный перевод. Я имею в виду Motor – двигатель, движитель, побудительную силу, как там это называют верующие христиане…

– Я не верующий.

Фидлер пожал плечами.

– Вы понимаете, что я имею в виду. – Он снова улыбнулся. – То, что вас потрясает… Ну, попробую сформулировать это иначе. Допустим, Мундт прав. Знаете, он заставлял меня признаться в том, что я вступил в сговор с британской разведкой, решившей разделаться с ним. Понимаете его логику? Будто бы вся операция была задумана британской разведслужбой с целью втянуть нас, точнее, меня в дело по ликвидации самого опасного для них человека в Отделе. То есть заставить нас обратить собственное оружие против себя самих.

– Он подъезжал с этим и ко мне, – равнодушно заметил Лимас. – Будто бы я все это и задумал.

– Я говорю сейчас не о том: допустим, все так и было. Допустим, это правда. Я говорю это исключительно ради примера, как гипотезу. Так вот, вы могли бы убить человека, невинного человека?..

– Мундт сам убийца.

– Ну, а допустим, он не был бы убийцей? Допустим, что задумали бы убить меня? Лондон пошел бы на это?

– В зависимости от обстоятельств. В зависимости от того, насколько это необходимо…

– Ах, вот как, – с удовлетворением отметил Фидлер. – В зависимости от обстоятельств. Точно так же поступал и Сталин. Статистика жертв и дорожная катастрофа. Что ж, для меня это большое облегчение.

– Почему?

– Вам надо поспать, – сказал Фидлер. – Закажите, что хотите на обед. Вам принесут все, что скажете. Поговорим завтра. – Уже дойдя до двери, он обернулся и добавил:

– Мы все одинаковы, вот что забавно. Мы все одинаковы.

Лимас вскоре заснул в твердой уверенности, что Фидлер – его союзник и что в ближайшее время они вместе поставят Мундта к стенке. Именно этого уже давно хотелось Лимасу.

Глава 19. Партийное собрание

Лиз нравилось в Лейпциге. Ей нравилась даже скудная обстановка – это привносило в поездку элемент самопожертвования. Дом, где ее поселили, был маленький, темный и бедный, еда плохая, и лучший кусок отдавали детям. За столом они постоянно беседовали о политике – Лиз и фрау Люман, секретарь местного комитета округа Лейпциг-Нойхаген, маленькая седая женщина, муж которой был начальником карьера по добыче гравия неподалеку от города. «Это похоже на жизнь в религиозной общине, – думала Лиз, – на жизнь в монастыре или, например, в кибуце. На пустой желудок мир выглядит гораздо привлекательней». Лиз немного знала немецкий, которому ее учила тетка и теперь с удивлением обнаружила, что быстро совершенствуется. Сперва она заговорила по-немецки с детьми, они улыбнулись и принялись помогать ей. Дети с самого начала обходились с ней крайне почтительно, словно она была выдающейся личностью или важной шишкой. На третий день один мальчик набрался храбрости и спросил, не привезла ли она им «оттуда» шоколада. Лиз стало стыдно, что она даже не подумала о гостинцах. А дети после этого перестали замечать ее.

Вечерами они занимались партийной работой. Распределяли литературу и посещали членов партии, которые не платили взносы или не являлись на собрания, устраиваемые округом на тему «Проблемы централизованного распределения сельскохозяйственной продукции», на которых присутствовали все секретари местных ячеек. Побывали они и на собрании консультативного совета рабочих машиностроительного завода на окраине города.

Наконец на четвертый день состоялось собрание их партийной ячейки. Лиз ожидала его с большим волнением, как пример того, чем станут когда-нибудь их заседания в Бэйсуотерском округе. Для обсуждения выбрали замечательную тему: «Мирное сосуществование после двух войн», и число участников обещало быть рекордным. О собрании оповестили всех работников отрасли, предусмотрели, чтобы в это время не было других мероприятий, и выбрали день, когда рано закрываются магазины.

На собрание пришло семь человек.

Семь человек да еще Лиз, секретарь ячейки и представитель округа. Лиз старалась бодриться, но на самом деле была крайне растеряна. Она плохо слушала оратора, к тому же он употреблял такие длинные сложноподчиненные предложения, что она ничего не могла разобрать, даже когда пыталась. Это было так похоже на их собрания в Бэйсуотере или на церковную службу в будний день (когда-то Лиз ходила в церковь) – та же маленькая группка потерянных и неуверенных в себе людей, та же напыщенность, то же ощущение великой идеи, запавшей в никудышные головы. На таких сборищах она всегда чувствовала одно и то же: ей было неприятно, но все же не хотелось, чтобы сюда зашел кто-то посторонний, ибо само по себе это было нечто абсолютное, предполагающее гонения и унижения и вызывающее в тебе ответную реакцию.

Но семь человек – это ничто, даже хуже, чем ничто, так как это свидетельствовало об инертности и равнодушии масс. И надрывало душу.

Помещение здесь было лучше, чем у них в Бэйсуотере, но и это не радовало. Дома ей доставляло удовольствие заниматься поисками помещения. Поначалу они пытались делать вид, будто они вовсе не партийная ячейка. Арендовали маленькие залы в барах, кафе или тайком собирались друг у друга на квартирах. Затем в ячейку вошел Билл Хейзел и предоставил для собраний классную комнату в школе, где он работал. Но даже это было весьма рискованно: директор полагал, что Билл ведет драматический кружок, так что, по крайней мере теоретически, их могли вышвырнуть оттуда в любой момент. И все же в каком-то смысле это больше нравилось Лиз, чем здешний Зал Мира со стенами из бетонных блоков, с трещинами по углам и большим портретом Ленина. И зачем они поместили портрет в такое дурацкое обрамление? Органные трубы по углам и тусклые лампочки. Это было похоже на сцену фашистских похорон. Время от времени ей приходило в голову, что Алек был прав: человек

верит в то, во что хочет верить, но то, во что он верит, не обладает само по себе никакой ценностью. Как это он говорил? «Собака ищет, где у нее чешется. У разных собак чешется в разных местах». Нет, нет, Алек не прав, нельзя так говорить. Мир, свобода, равенство – все это ценности, бесспорные ценности. А история? Законы, которые доказала партия? Нет, Алек не прав: истина лежит вне конкретного человека, это подтверждено историей, человек должен склониться перед этим, а если необходимо, то им можно и пожертвовать. Партия – авангард истории, главное оружие в борьбе за мир… Она просто растерялась. Она надеялась, что придет побольше народу. Семь человек – это маловато. И все такие раздраженные. Раздраженные и голодные.

После собрания Лиз ждала, пока фрау Люман соберет нераспроданную литературу с массивного стола у входа, заполнит ведомость и наденет пальто, ведь вечер выдался холодный. Докладчик ушел, не дожидаясь дискуссии, пожалуй, слишком поспешно, подумала Лиз. Когда фрау Люман подошла к выключателю, из темноты в проеме двери появился какой-то мужчина. На мгновение Лиз показалось, что это Эш. Мужчина был высок и красив, на нем был плащ с кожаными пуговицами.

– Товарищ Люман? – спросил он.

– Да.

– Я ищу товарища из Англии по фамилии Голд. Она живет у вас?

– Я Элизабет Голд, – вмешалась Лиз.

Мужчина вошел, прикрыв за собой дверь. Свет падал на его лицо.

– Я Халтен из округа.

Он показал фрау Люман какой-то документ, та кивнула и внимательно поглядела на Лиз.

– Меня уполномочили передать товарищу Голд сообщение Президиума. Оно касается изменения в вашей программе. Вы приглашаетесь на специальное собрание.

– Да? – чуть глуповато спросила Лиз. Ей представлялось невероятным, чтобы кто-то в Президиуме мог знать о ней.

– Это жест доброй воли, – сказал Халтен.

– Но я.., но фрау Люман… – беспомощно начала Лиз.

– Я убежден, что в сложившихся обстоятельствах фрау Люман поймет вас правильно.

– Разумеется, – быстро сказала фрау Люман.

– А где состоится собрание?

– Нужно выехать сегодня вечером, – ответил Халтен. – Ехать нам далеко. Почти до Горлица.

– До Горлица? Где это?

– На востоке страны, – встряла фрау Люман. – На границе с Польшей.

– Сейчас мы отвезем вас домой. Вы заберете вещи, и мы сразу же выедем.

– Как? Сегодня? Сейчас?

– Да.

Халтен, судя по всему, полагал, что у Лиз не должно быть никаких поводов для колебаний.

На улице их ждала большая черная машина. Спереди сидел водитель. На капоте торчал флажок. Машина была похожа на армейскую.

Глава 20. Трибунал

Зал суда был не больше школьного класса. На пяти или шести скамьях сидели охранники и несколько зрителей – члены Президиума и другие высокопоставленные чиновники. В другом конце зала в креслах с высокими спинками восседали за дубовым нелакированным столом трое

членов трибунала. К потолку над ними на проводах была подвешена большая деревянная красная звезда. Стены были белые, как в камере Лимаса.

По обе стороны от стола в чуть выдвинутых вперед и развернутых друг к другу креслах сидели двое. Один пожилой, лет шестидесяти, в черном костюме и сером галстуке – так одеваются здесь в селах, отправляясь в церковь. Другим был Фидлер.

Лимас сидел сзади вместе с двумя охранниками. Поверх голов зрителей он видел Мундта, тоже под охраной полицейских. Его красивые волосы были острижены совсем коротко, а широкие плечи обтягивала арестантская одежда. То, что Мундт был в арестантской робе, а сам он в обычном платье, свидетельствовало, по мнению Лимаса, или о настроении трибунала, или о настойчивости Фидлера.

Как только Лимас уселся, председатель трибунала, сидевший в центре, позвонил в колокольчик. Обернувшись на звук, Лимас взглянул на председателя и вдруг с ужасом понял, что это женщина. Впрочем, ничего удивительного, что он не разглядел этого раньше. На вид она была лет пятидесяти, темноволосая, с маленькими глазами. Короткая мужская стрижка и строгое, темное платье, какие любят жены советских функционеров. Она оглядела зал, кивнула охраннику, чтобы тот закрыл дверь, и без всякого вступления начала:

– Вам всем известно, для чего мы собрались. Прошу не забывать, что заседание носит сугубо секретный характер. Трибунал назначен Президиумом. И подотчетны мы только Президиуму. Мы будем заслушивать показания до тех пор, пока не сочтем их достаточными. – Она небрежно кивнула Фидлеру. – Товарищ Фидлер, начинайте.

Фидлер поднялся. Коротко кивнув в сторону трибунала, он вынул из портфеля стопку бумаг, скрепленных в углу черным шнурком.

Он заговорил спокойно и убедительно, со скромностью, которой Лимас прежде не замечал в нем. «Неплохой спектакль, – подумал Лимас, – и Фидлер недурно исполняет роль человека, вынужденного к собственному сожалению отправить на виселицу своего начальника».

– Прежде всего я хотел бы сообщить вам, если вы этого не знаете, – начал он, – что в тот день, когда Президиум получил мою докладную о деятельности товарища Мундта, я был арестован вместе с перебежчиком Лимасом. Нас бросили в тюрьму и подвергли допросу с пристрастием с целью вынудить нас признаться в том, что обвинение было якобы ничем иным как фашистским заговором против нашего честного товарища.

Из докладной, которую я представил в ваше распоряжение, вам известно, каким образом Лимас попал в зону нашего внимания. Мы сами вышли на него, побудили его перейти на нашу сторону и доставили в Германскую Демократическую Республику. Можно ли привести лучшее доказательство полнейшей непредвзятости Лимаса по данному вопросу, чем то, что он до сих пор отказывается поверить, что Мундт – британский агент. Следовательно, нелепо было бы предполагать, будто Лимас выполняет задание противника. Инициативу проявили мы сами, а фрагментарные, хотя и чрезвычайно существенные, факты, полученные от него, были лишь последним доказательством в длинной цепи улик, которая ковалась три года. Перед вами письменное изложение всего дела. Нам остается только прокомментировать уже известные вам факты.

Мы обвиняем товарища Мундта в том, что он является агентом империалистической державы. Я мог бы предъявить и другие обвинения – то, что он снабжал информацией британскую секретную службу, то, что он превратил вверенное ему учреждение в невольного пособника буржуазного государства, намеренно прикрывал антипартийные реваншистские группировки и получал в порядке вознаграждения крупные суммы в иностранной валюте. Но все эти обвинения вытекают из первого и главного – из того, что Ганс Дитер Мундт является агентом империалистической державы. За это преступление предусмотрен смертный приговор. В нашем уголовном кодексе нет более тяжкого преступления, более опасного для государства и требующего большей бдительности партийных органов. – Фидлер отложил бумаги в

сторону. – Товарищу Мундту сорок два года. Он заместитель главы комитета государственной безопасности. Он холост. Товарищ Мундт всегда считался исключительно деятельным сотрудником, без устали служащим интересам партии и не знающим колебаний в ее защите.

Позвольте напомнить вам некоторые детали его карьеры. Он поступил на службу в органы в возрасте двадцати восьми лет и прошел необходимую подготовку. По окончании испытательного срока его направили на оперативную работу в скандинавские страны – то есть в Норвегию, Швецию и Финляндию, – где он преуспел в создании агентурной сети, ведущей борьбу против пропагандистов фашизма в самом вражеском лагере. Он прекрасно справился с заданием, и нет никаких оснований предполагать, что уже тогда он был кем-то иным, чем образцовым сотрудником комитета. Но, товарищи, нам не следует упускать из виду его возникшую в то время связь со Скандинавией. Агентурные сети, созданные товарищем Мундтом вскоре после войны, давали ему повод и впоследствии ездить в Финляндию и Норвегию на якобы деловые встречи и снимать со счетов в иностранных банках тысячи долларов вознаграждения за предательскую деятельность. Не подумайте только, что товарищ Мундт пал жертвой тех, кто стремится обратить вспять ход истории. Нет, его мотивами были сначала трусость, потом слабость и, наконец, жадность; желание разбогатеть стало его мечтой. По иронии судьбы именно его корыстолюбие, а также тщательно разработанная система, посредством которой оно удовлетворялось, и способствовали его разоблачению.

Фидлер сделал паузу и обвел горящими глазами зал. Лимас с восхищением следил за ним.

– Да будет это уроком, – повысив голос, продолжал Фидлер, – всем врагам нашего государства, которые во мраке ночи плетут сети своих подлых заговоров и преступлений!

Со стороны зрителей послышат я одобрительно-негодующий шепоток.

– Им не обмануть бдительности народа, кровью которого они готовы торговать!

Фидлер говорил так, словно обращался не к маленькой кучке слушателей в жалкой комнатушке с белыми стенами, а к огромной толпе.

Лимас понял, что Фидлер старается действовать наверняка: позиция трибунала, обвинителей и свидетелей должна быть политически безупречной. Прекрасно понимая опасность последующей контратаки со стороны Мундта, он стремился подстраховаться: все прения будут зафиксированы на бумаге, и нужно обладать большой смелостью, чтобы попытаться опровергнуть подобные обвинения.

Фидлер открыл лежащее перед ним досье.

– В конце 1956 года Мундт был направлен в Лондон в качестве сотрудника Восточногерманской сталелитейной миссии. Ему было дано особое задание по подрыву деятельности эмигрантских групп. В ходе выполнения последнего он подвергался немалому риску – на этот счет у нас нет ни малейших сомнений – и добился недюжинных результатов.

Внимание Лимаса вновь привлекли трое за председательским столом. Слева от председателя сидел, чуть опустив веки, сравнительно молодой мужчина. У него были прямые, темные, непослушные волосы и серый, аскетический цвет лица. Тонкие руки без конца теребили стопку бумаг на столе. Лимас решил, что это сторонник Мундта, хотя и не смог бы сказать почему. С другой стороны сидел человек постарше, лысоватый, с открытым, дружелюбным лицом. Лимас подумал, что он, наверное, не семи пядей во лбу. Когда на весы ляжет судьба Мундта, молодой человек скорее всего будет защищать Мундта, а председатель осудит. Несовпадение во взглядах коллег, конечно, собьет с толку второго мужчину, но в конце концов он примет сторону председателя трибунала.

Фидлер продолжил свою речь:

– Вербовка Мундта противником имела место в конце его пребывания в Лондоне. Я уже говорил, что он подвергался немалому риску, в частности, попал в поле зрения британской секретной службы, давшей ордер на его арест. Не имея дипломатической неприкосновенности

(Великобритания, как член НАТО, не признает нашего государства), Мундт вынужден был скрываться. Его искали во всех портах, по всей стране были разосланы его фотографии и описание примет. И тем не менее, пробыв два дня в подполье, товарищ Мундт затем приехал на такси в лондонский аэропорт и улетел в Берлин. Фантастика, скажете вы, и это действительно фантастично. Хотя вся британская полиция была поднята на ноги, а все автомобильные и железные дороги, порты и аэропорты находились под постоянным наблюдением, товарищу Мундту удалось улететь из лондонского аэропорта. Фантастика! Или, быть может, рассматривая этот случай задним числом, стоит, товарищи, признать, что бегство Мундта из Англии было слишком фантастическим, слишком легким и что оно вообще не могло бы иметь места без содействия со стороны британских властей.

Новая волна шепота из задних рядов – на этот раз более угрожающего.

– Разгадка заключается в следующем: товарищ Мундт был арестован англичанами. В ходе короткого, но важного разбирательства они поставили его перед классическим выбором. Годы в империалистической тюрьме и конец блестящей карьеры или неожиданное возвращение на родину и перспективы, которые перед ним открывались. Разумеется, условием возвращения англичане назначили сотрудничество с ними, подсластив пилюлю предложением больших денег. В ситуации между кнутом и пряником Мундт выбрал пряник.

Теперь дальнейшее продвижение Мундта по службе было уже в интересах британской стороны. В настоящее время мы еще не можем доказать то, что успехи Мундта в деле ликвидации незначительных агентов Запада были работой его империалистических хозяев, жертвовавших своими собственными приспешниками – из числа тех, кого им было не жаль, – для того, чтобы окреп престиж Мундта. Мы пока не можем доказать это, но на основании собранного нами материала мы вправе сделать такое предположение.

Начиная с 1960 года, то есть с того времени, как Мундт стал главой контрразведки, с разных концов света стали поступать свидетельства и намеки на то, что в наших рядах на чрезвычайно высоком посту имеется предатель. Вам всем известно, что Карл Римек был шпионом; мы надеялись, что после его ликвидации зло будет выкорчевано. Однако слухи о шпионаже продолжали доходить до нас.

В конце 1960 года один из наших бывших агентов обратился в Ливане к некоему англичанину, известному своими связями с британской разведкой, предложив ему, как мы вскоре выяснили, полное раскрытие двух секций Отдела, на которые он раньше работал. После рассмотрения в Лондоне его предложение было отклонено. Это выглядело весьма странно и могло объясниться только тем, что британская сторона уже располагала таковой информацией и что ее информация была более актуальной.

Начиная с середины шестидесятого года мы с тревожащей скоростью стали терять нашу заграничную агентуру. Нередко их арестовывали через пару недель после засылки или вербовки. Иногда противник пытался перевербовать наших агентов, но такое случалось не часто. Создавалось впечатление, что они не нуждаются в этом.

И затем – если мне не изменяет память, в начале 1961 года – нам выпала удача. При обстоятельствах, которых я здесь не буду касаться, мы получили сведения обо всей информации, которой располагает о нашей работе британская разведка. Эти сведения были поразительно точными, всеобъемлющими и свежими. Я, разумеется, показал полученные материалы Мундту – он ведь был моим начальником. Мундт заявил мне, что это его ничуть не удивляет, что у него проводится определенная операция и я не должен предпринимать никаких действий, чтобы не сорвать ее. Признаюсь вам, именно в этот момент в моем мозгу впервые вспыхнула странная и фантастическая догадка, что Мундт сам снабдил противника этой информацией. Были и другие улики…

Едва ли нужно говорить вам, что в шпионаже в пользу противника лишь в самую последнюю очередь можно заподозрить главу контрразведки. Мысль эта представляется столь

вызывающей, столь мелодраматической, что мало кто способен додумать ее до конца, не говоря уже о том, чтобы высказать ее вслух! Сознаюсь, что я тоже виновен в том, что долго колебался, прежде чем сделать столь фантастический вывод. В этом была моя ошибка.

Но, товарищи, наконец нам в руки попало решающее доказательство, и сейчас я вам его предъявлю. – Он бросил взгляд в конец зала. – Вызовите свидетеля Лимаса.

Охранники по обе стороны Лимаса поднялись с мест, и он прошел по узкому полуметровому проходу между рядами на середину зала. Охранник предложил ему встать лицом к столу. Фидлер стоял метрах в двух от него. Первой обратилась к Лимасу председатель трибунала.

– Свидетель, как ваше имя?

– Алек Лимас.

– Сколько вам лет?

– Пятьдесят.

– Вы женаты?

– Нет.

– Но были женаты?

– Сейчас не женат.

– Кто вы по профессии?

– Помощник библиотекаря.

– Вы ведь служили раньше в британской разведке? Разве нет? – прервал его Фидлер.

– Служил. Год назад.

– Трибунал ознакомился с материалами вашего дознания, – продолжил Фидлер. – Но я хотел бы, чтобы вы еще раз рассказали о вашей беседе с Петером Гийомом, имевшей место приблизительно в мае прошлого года.

– Когда мы говорили с ним про Мундта?

– Да.

– Я вам уже рассказывал. Это было в Цирке, в нашей лондонской штаб-квартире на Кембриджской площади. Я тогда столкнулся с Петером в коридоре. Я знал, что он был задействован в деле Феннана, и спросил его, что стало с Джорджем Смайли. Потом мы поговорили о Дитере Фрее, которого уже не было в живых, и о Мундте, замешанном в этой истории. Петер сказал, что Мастон – а этим делом ведал тогда Мастон – не слишком-то хотел, чтобы Мундта поймали. Так, мол, ему показалось.

– И что вы подумали, услышав это? – спросил Фидлер.

– Я знал, что Мастон чудовищно напортачил с делом Феннана. Я решил, что он не хочет снова баламутить воду, а с арестом Мундта это было бы неизбежно.

– Если бы Мундта поймали, ему было бы предъявлено официальное обвинение? – спросила председательница.

– Все зависит от того, кто бы его поймал. Если полиция, то они обязательно доложили бы в МВД. И тогда уже ничто не могло бы приостановить официальное расследование.

– А если бы поймала секретная служба? – спросил Фидлер.

– Ну, тогда другое дело. Думаю, они выкачали бы из него все, что можно, а потом попытались обменять на кого-нибудь из наших людей в ваших тюрьмах. Или выписали бы ему путевку.

– Что это значит?

– Избавились бы от него.

– То есть ликвидировали?

Теперь допрос вел Фидлер, а все члены трибунала что-то писали в своих бумагах.

– Точно не знаю. Я никогда не вмешивался в такие игры.

– А может быть, они попробовали бы перевербовать его?

– Конечно, но у них ничего бы не вышло.

– На каком основании вы утверждаете это?

– О Господи! Я вам уже тысячу раз говорил. Я вам не попугай! Я был четыре года резидентом берлинской разведки. Если бы Мундт работал на нас, я бы это знал. Я не мог не знать этого.

– Понятно.

Фидлера, казалось, удовлетворил ответ Лимаса. Может быть, именно потому, что членов трибунала он явно не удовлетворил. Затем он перешел в операции «Роллинг Стоун», еще раз заставив Лимаса подробно рассказать об особых мерах предосторожности, связанных с передачей досье, о письмах в Стокгольм и в Хельсинки и о полученном оттуда ответе. Обратясь непосредственно к трибуналу, он пояснил:

– У нас нет ответа из Хельсинки, и я не знаю почему. Но вот вам мои предположения. Лимас положил деньги в стогкольмский банк пятнадцатого июня. Среди представленных вам материалов есть письмо из Королевского скандинавского банка, адресованное Роберту Лангу. Роберт Ланг – фиктивное имя, на которое Лимас открыл счет в копенгагенском банке. Из этого письма (в ваших бумагах оно значится под номером двенадцать) вы можете узнать, что вся сумма в десять тысяч долларов была снята вторым держателем счета неделю спустя. Я полагаю, – продолжал Фидлер, кивая в сторону неподвижно сидящего Мундта, – что обвиняемый не станет отрицать того факта, что он отбыл в Копенгаген двадцать первого июня, якобы выполняя секретную работу в интересах Отдела. – Он сделал небольшую паузу. – Визит Лимаса в Хельсинки – вторая поездка с целью помещения денег – имел место примерно двадцать четвертого сентября. – Глядя прямо на Мундта, Фидлер громко сказал:

– А третьего октября товарищ Мундт совершил нелегальную поездку в Финляндию, тоже якобы в интересах Отдела.

Наступила тишина. Фидлер медленно отвернулся от Мундта и вновь обратился к трибуналу. Приглушенным, но грозным голосом он спросил:

– Находите ли вы подобное совпадение случайным? Позвольте напомнить вам кое-что еще. – Он повернулся к Лимасу. – Свидетель, в период вашей деятельности в Берлине вы вступили в контакт с Карлом Римеком, бывшим секретарем Президиума СЕПГ. Какова была природа этого контакта?

– Римек был моим агентом. Пока люди Мундта не убили его.

– Именно так. Его убили люди Мундта. И это был не первый случай, когда Мундт ликвидировал вражеских агентов прежде, чем допросить их. Но до этого Римек был агентом британской тайной разведки?

Лимас кивнул.

– Опишите нам встречу Римека с человеком, которого вы называете Контролером.

– Контролер приехал из Лондона в Берлин, чтобы повидаться с Карлом. Римек был одним из лучших агентов, и Контролер захотел познакомиться с ним.

– Одним из лучших и самых надежных, – уточнил Фидлер.

– Да, конечно же, так. В Лондоне любили Карла: он не совершал ошибок. Когда Контролер приехал, я позвал Карла к себе и мы пообедали втроем. Честно говоря, мне это было не по душе, но я не мог сказать об этом Контролеру. Это трудно объяснить. Они сидят там у себя в Лондоне и придумывают всякое в полном отрыве от реальной работы. Я боялся, что они, чего доброго, решат руководить Карлом напрямую, с них бы вполне сталось.

– Итак, вы организовали встречу, – прервал его Фидлер. – И что же произошло дальше?

Контролер заранее попросил меня устроить все так, чтобы он мог четверть часа поговорить с Карлом с глазу на глаз. Поэтому я сделал вид, будто у меня кончилось виски, и отправился к Де Йонгу. Там я пропустил рюмку-другую, взял бутылку виски и вернулся.

– А что увидели, когда вернулись?

– В каком смысле?

– Они все еще беседовали? И о чем?

– Нет, они сидели молча.

– Благодарю вас. Можете сесть.

Лимас вернулся на свое место. Фидлер заговорил, обращаясь к членам трибунала:

– Для начала я хочу остановиться на убитом Мундтом шпионе Карле Римеке. Перед вами лежит перечень информации, переданной Римеком Лимасу, или, по крайней мере, все, что смог вспомнить Лимас. Это впечатляющее свидетельство предательства. Позвольте суммировать эти сведения. Римек передал своим хозяевам информацию обо всей структуре и личном составе Отдела. Если верить Лимасу, Римек сумел описать всю работу наших наиболее засекреченных служб. Будучи секретарем Президиума, он передал записи всех самых секретных его заседаний.

Это было ему не трудно: он сам обрабатывал протоколы заседаний. Но доступ Римека к тайнам Отдела – это, знаете ли, уже совсем иное. Кто в конце 1959 года кооптировал Римека в комитет защиты интересов трудящихся, координирующий и проверяющий деятельность органов безопасности? Кто предоставил ему право доступа к служебным досье Отдела? Кто на каждом этапе служебной карьеры Римека начиная с 1959 года (как вы помните, именно тогда Мундт вернулся из Англии) отмечал его и выдвигал на чрезвычайно ответственные посты? Я вам напомню! Это был тот самый человек, который обладал, кроме того, уникальной возможностью прикрывать шпионскую деятельность Римека. Это был Ганс Дитер Мундт. Давайте вспомним, как Римек вступил в контакт с западными разведорганами в Берлине – как он нашел машину приехавшего на пикник Де Йонга и положил в нее микрофильм. Разве вас не удивляет его сверхъестественная способность предугадывать события? Откуда он знал, где искать машину и в какой именно день? Своей машины у Римека не было, так что он не мог выследить Де Йонга от его дома в Западном Берлине. Он мог узнать об этом только одним способом – от нашей собственной службы госбезопасности, как и положено, доложившей о приезде Де Йонга, как только его машина прошла через наш КПП. Знать об этом мог только Мундт, а Мундт сообщил об этом Римеку. Вот мое обвинение против Ганса Дитера Мундта: Римек был его креатурой, его порождением, его связным между ним и его империалистическими хозяевами!

Фидлер сделал паузу, потом спокойно продолжал:

– Мундт – Римек – Лимас, такова была цепочка. К азам техники международного шпионажа принадлежит правило оставлять по возможности каждое звено такой цепочки в неведении о наличии остальных. Поэтому Лимас не лжет, когда утверждает, что ничего не знает о предательстве Мундта, – это всего лишь еще одно доказательство хорошей страховки его лондонских хозяев.

Вам также известно, с какими исключительными предосторожностями проводилась операция под кодовым названием «Роллинг Стоун», известно, что Лимас имел весьма смутное представление о деятельности разведывательного подразделения под руководством Петера Гийома, занимавшегося якобы экономической ситуацией в нашем государстве, – подразделения, тем не менее почему-то подключенного к засекреченной операции «Роллинг Стоун». Позвольте напомнить вам, что Петер Гийом был в числе офицеров британской контрразведки, расследовавших деятельность Мундта в Англии.

Молодой член трибунала перестал писать и, сурово глядя на Фидлера холодными, широко раскрытыми глазами, спросил:

– Если Римек был агентом Мундта, то зачем же Мундт его ликвидировал?

– У него не было иного выбора. Римек попал под подозрение. Его предала слишком болтливая любовница. Мундт велел Римеку бежать, а сам приказал застрелить его. Таким образом опасность разоблачения была устранена. Потом Мундт ликвидировал и любовницу Римека.

Хочу коротко остановиться на технике, применявшейся Мундтом. После его возвращения из Англии в 1959 году британская разведка настроилась на затяжную игру и не стала давить на него. Однако согласие Мундта сотрудничать с ними нуждалось в подтверждении, поэтому они дали ему инструкции и стали ждать, готовые платить деньги в надежде на большую удачу. В то время Мундт еще не занимал высокого поста ни в госбезопасности, ни в партии, но знал он, конечно, немало и начал докладывать обо всем, что знал. Разумеется, он не имел возможности поддерживать с англичанами постоянный контакт. Следует предположить, что он встречался с ними в Западном Берлине, во время коротких поездок в Скандинавию и прочее – встречался и докладывал обо всем. Англичане, конечно, были очень осторожны, оно и понятно. Они, тщательно взвешивали полученную информацию и сличали ее с другими источниками, а главное, они боялись с его стороны двойной игры. Но постепенно они начали понимать, что напали на золотую жилу. Мундт занялся своей предательской деятельностью с той методичностью и эффективностью, которые нам всем хорошо известны. Сначала – это мое предположение, но предположение, основанное на длительном опыте работы и на показаниях Лимаса, – первые несколько месяцев они не решались создать агентурную сеть, которая включала бы в себя Мундта. Они предоставили ему охотиться в одиночку. Они создавали ему необходимые условия, платили и инструктировали вне связи со своей берлинской резидентурой. Они организовали в Лондоне под руководством Петера Гийома (ибо это он завербовал Мундта) небольшой полуподпольный отдел, функции которого – за исключением нескольких лиц – были не известны никому даже в самом Цирке. Они платили Мундту по специальной системе в рамках операции «Роллинг Стоун» и, без сомнения, относились к поставляемой им информации с величайшей осмотрительностью. Как видите, это полностью объясняет утверждения Лимаса о том, что он ничего не знал об этой роли Мундта, хотя – и теперь нам это ясно – Лимас не только сам платил Мундту, но и в конце концов получал от него через Римека разведывательную информацию для передачи в Лондон.

К концу 1959 года Мундт сообщил своим лондонским хозяевам, что ему удалось найти среди членов Президиума человека, который будет действовать как связной. Этим человеком был Карл Римек.

Как Мундт вышел на Римека? Как сумел вступить с ним в контакт и выявить его склонность к сотрудничеству? Здесь нельзя упускать из виду исключительно высокое положение, занимаемое Мундтом: он имел доступ ко всем секретным досье, имел возможность прослушивать телефонные разговоры, перлюстрировать письма, вести наблюдение, он имел неоспоримое право допрашивать кого угодно, заранее узнав всю подноготную допрашиваемого. А главное, он был в состоянии мгновенно усыпить любые подозрения, обратив против интересов народа, – голос Фидлера дрожал от ненависти, – то оружие, которое было выковано для защиты трудящихся.

Легко вернувшись к прежнему деловитому тону, Фидлер продолжал:

– Теперь вам понятно, что сделал Лондон. По-прежнему держа работу Мундта под покровом глубочайшей тайны, они воспользовались вербовкой Римека для того, чтобы осуществлять прямой контакт между Мундтом и своей берлинской резидентурой. Вот в чем смысл сотрудничества Римека с Де Йонгом и Лимасом. Именно так нам следует расценивать показания Лимаса и подойти к вопросу о предательстве Мундта. – Он обернулся и, глядя прямо

в лицо Мундта, воскликнул; – Вот он предатель! Вот он убийца! Вот человек, посягнувший на свой народ!

Я практически закончил свое выступление. Добавлю только одно. Мундт завоевал себе репутацию преданного и проницательного защитника интересов трудящихся и заставил навеки умолкнуть всех тех, кто мог раскрыть его тайну. Он убивал от имени трудящихся лишь для того, чтобы спасти от разоблачения свою фашистскую, изменническую деятельность и продвинуть собственную карьеру. Невозможно представить себе преступление более чудовищное. Вот почему он, сделавший все возможное, чтобы защитить от подозрений Карла Римека – эти подозрения нарастали постоянно, – в конце концов приказал застрелить его на глазах у всех. Вот почему он распорядился устранить и любовницу Римека. Когда вы будете докладывать свои выводы Президиуму, не бойтесь раскрыть зверскую сущность этого человека. Для Ганса Дитера Мундта слишком мягок даже смертный приговор.

Глава 21. Свидетель

Председатель трибунала обратилась к человечку, сидевшему напротив Фидлера:

– Товарищ Карден, вы представляете интересы товарища Мундта. У вас есть вопросы к свидетелю?

– Да-да, разумеется, в свое время, – ответил тот, деловито поднимаясь со стула и поправляя за ушами дужки очков в золотой оправе. Вид у него был благодушный и чуть простоватый, волосы седые.

– Позиция товарища Мундта, – начал он мягким голосом с довольно приятными модуляциями, – заключается в том, что Лимас лжет, а товарищ Фидлер, по злому умыслу или просто вследствие злосчастной ошибки оказался втянут в заговор, направленный на ослабление работы органов, стоящих на страже интересов нашего социалистического государства. Мы не оспариваем того факта, что Карл Римек был английским шпионом, – это доказано. Но мы оспариваем утверждение, будто товарищ Мундт сотрудничал с ним и принимал денежные вознаграждения за свою измену. Мы находим, что данное обвинение не подкреплено объективными доказательствами и что товарищ Фидлер ослеплен своим политическим честолюбием и потерял способность мыслить здраво. Мы утверждаем, что Лимас с момента его возвращения из Берлина в Лондон жил по написанному для него сценарию, что он симулировал быстрое падение, погружение в пьянство и долги, что он на виду у всех напал на торговца, а также постоянно демонстрировал свои антиамериканские настроения единственно с целью привлечь к себе внимание Отдела. Мы утверждаем, что британская секретная служба намеренно окружила товарища Мундта сетью свидетельств, которые внешне выглядят как изобличающие его улики: счета в иностранных банках, снятие денег, по времени совпадающее с пребыванием товарища Мундта в той или иной стране, якобы случайные высказывания Петера Гийома, о которых нам известно лишь со слов Лимаса, тайная встреча Контролера с Римеком, на которой обсуждались вопросы, оставшиеся неизвестными Лимасу, – все это создает цепь фиктивных доказательств, и товарищ Фидлер, с амбициями которого не зря считались англичане, принял эти доказательства за подлинные и тем самым стал участником чудовищного заговора, имеющего целью уничтожить – уничтожить физически, ибо сейчас на карту поставлена жизнь товарища Мундта, – одного из самых активных защитников интересов народа.

Но разве, припомнив многочисленные проявления британского коварства и бесцеремонности в обращении с чужой жизнью, мы найдем подобный заговор маловероятным? Да и что им остается делать сейчас, когда Берлин разделен стеной и поток западных шпионов находится под строгим контролем? Мы пали жертвой этого заговора: можно сказать, что товарищ Фидлер в лучшем случае лишь совершил тягчайшую ошибку, а в худшем – вступил в союз с империалистическими агентами с целью подорвать обороноспособность нашего государства и пролить невинную кровь.

У нас есть свидетель. – Он дружелюбно кивнул в сторону трибунала. – Да, у нас тоже есть свидетель. Ибо неужели вы допускаете, что все это время товарищ Мундт пребывал в неведении относительно лихорадочных действий заговорщика Фидлера? Неужели вы можете допустить такое? Уже многие месяцы умонастроение Фидлера не составляло тайны для товарища Мундта. Ведь не кто иной, как сам товарищ Мундт санкционировал предложение, сделанное нами в Англии Лимасу. Неужели вы думаете, что он пошел бы на такой риск, если бы не чувствовал себя безупречно лояльным по отношению к народу и к партии?

А когда первые сообщения о результатах допроса Лимаса в Гааге попали в Президиум, неужели вы думаете, что товарищ Мундт не удосужился прочитать их? И потом, когда Лимас был доставлен в нашу страну и Фидлер начал собственное расследование, никому не докладывая о результатах, неужели вы полагаете, что товарищ Мундт не понял, чего тот добивается? Как только первые сообщения поступили от Петерса из Гааги, Мундту достаточно было увидеть даты визитов Лимаса в Копенгаген и Хельсинки, чтобы понять, что вся эта история подстроена, – и подстроена для того, чтобы дискредитировать самого товарища Мундта. Эти даты и впрямь совпадают с датами поездок Мундта в Данию и Финляндию, именно для этого они и были названы. Мундту стало известно об этих первых намеках на его связь с врагом в то же самое время, что и Фидлеру, заметьте это. Ведь Мундт тоже старался раскрыть предателя в рядах сотрудников отдела…

И вот, когда Лимаса доставили в ГДР, Мундт стал с интересом следить за тем, как тот намеками и якобы случайными проговорками укрепляет подозрения Фидлера, ничего не форсируя, нигде не пережимая, но подбрасывая то тут, то там новые фиктивные улики. Почва для этого была уже подготовлена: агент в Ливане, таинственная информация, на которую ссылается Фидлер, все это, казалось бы, неопровержимо доказывает наличие в рядах сотрудников Отдела высокопоставленного вражеского агента….

Все было разыграно как по нотам. Это могло – да и по-прежнему может – превратить поражение, понесенное британской разведкой в связи с потерей Римека, в их полную победу.

Пока англичане с помощью Фидлера готовили уничтожение Мундта, товарищ Мундт тоже предпринял кое-какие действия. Он организовал тщательное расследование лондонской подоплеки событий. Проверил каждую деталь той двойной жизни, которую Лимас вел в Бэйсуотере. Он искал, как вы понимаете, какую-нибудь чисто человеческую ошибку в этой почти сверхчеловеческой по своей хитрости схеме. Где-нибудь, решил он, в своем долгом странствии в потемках Лимас, возможно, отступился от принесенного им обета нищеты, пьянства, падения, а главное, одиночества. Ему, вероятно, понадобился друг или, скажем, подруга, потребовалось тепло человеческого общения, чтобы душа не задохнулась под маской играемой им роли. И, как вы увидите, товарищ Мундт оказался прав. Лимас, искусный и опытный агент, допустил ошибку настолько элементарную, настолько житейскую, что… – Он улыбнулся. – Я вызову свидетеля, но не сейчас. Свидетель здесь, о его доставке позаботился товарищ Мундт. Это было необходимо. Позже я вызову этого свидетеля. – Вид у него был лукавый, словно он готовил собравшимся забавную шутку. – А сейчас с вашего позволения я хотел бы задать парочку вопросов главному свидетелю обвинения мистеру Алеку Лимасу.

– Скажите-ка, – начал он, – вы человек состоятельный?

– Не валяйте дурака, – отрезал Лимас. – Вам прекрасно известно, на чем я купился.

– Да, в самом деле, – заявил Карден, – это был мастерский ход. Следовательно, мы можем допустить, что у вас вообще нет денег?

– Можете.

– А нет ли у вас друзей, готовых одолжить вам деньги или попросту подарить их? Или оплатить ваши долги?

– Будь у меня такие друзья, меня бы здесь не было.

– Значит, их нет? И вы не допускаете того, что какой-нибудь добрый дядюшка, о котором вы, возможно, и думать забыли, решит позаботиться о том, чтобы помочь вам встать на ноги, разберется с вашими кредиторами и тому подобное?

– Нет, не допускаю.

– Благодарю вас. Еще один вопрос. Вы знакомы с Джорджем Смайли?

– Разумеется, знаком. Мы с ним работали в Цирке.

– Он больше не работает там?

– Он ушел в отставку после дела Феннана.

– Ах да, того дела, в котором сыграл определенную роль и Мундт. И вы его с тех пор не видели?

– Пару раз видел.

– Вы видели его после того, как сами ушли из Цирка?

Лимас помолчал.

– Нет, – ответил он наконец.

– Он не навещал вас в тюрьме?

– Меня никто там не навещал.

– А до тюрьмы вы с ним встречались?

– Нет.

– А после, в день выхода из тюрьмы, когда с вами вступил в контакт человек по имени Эш?

– А что было в тот день?

– Вы пообедали с Эшем в Сохо, потом попрощались. А куда вы отправились?

– Не помню. Наверное, в пивную. Начисто не помню.

– Позвольте помочь вам вспомнить. Вы пошли на Флит-стрит, сели там на автобус, потом пересели на метро и наконец сели в чью-то машину. Не слишком профессионально для человека с вашим опытом. Вот так вы и попали в Челси. Вспоминаете? Если хотите, я могу предъявить вам письменное изложение событий, оно у меня под рукой.

– Должно быть, вы правы. Ну и что с того?

– В Челси живет Джордж Смайли. На Байуотер-стрит, сразу за Кингс-роуд. Вот о чем я и говорю. Машина привезла вас на Байуотер-стрит, и наш агент докладывает, что вы вышли у дома номер девять. А это дом Джорджа Смайли.

– Чушь какая-то. Я, наверное, пошел в «Восемь колоколов», это моя любимая забегаловка.

– И поехали туда на чьей-то личной машине?

– Ерунда. Я, скорей всего, ехал на такси. Когда у меня есть деньги, я не жмотничаю.

– А зачем вы так петляли по городу?

– Глупости. Они, должно быть, потеряли меня и пошли за кем-то другим. Такое бывает.

– Возвращаясь к вопросу, заданному мной ранее: допускаете ли вы, что Джордж Смайли мог проявить интерес к вам после того, как вы покинули Цирк?

– О Господи! Конечно, нет!

– И он не мог уладить ваши дела, когда вы попали в тюрьму? Уплатить ваши долги? И не захотел повидаться с вами после вашего знакомства с Эшем?

– Нет. Я не понимаю, куда вы гнете, Карден, но в любом случае мой ответ – нет. Если бы вы когда-нибудь увидели Смайли, вы не задавали бы подобных вопросов. Мы с ним далеко не пара.

Карден, казалось, был вполне удовлетворен услышанным. Он улыбался, кивал головой, поправлял очки и листал лежащее перед ним досье.

– Да, кстати, – сказал он, словно только сейчас вспомнив нечто важное, – когда вы попросили кредит у бакалейщика, сколько у вас было денег?

– Ни гроша, – беспечно ответил Лимас. – Я уже неделю сидел на мели. А может быть, и дольше.

– А на что вы жили?

– Да так, перебивался кое-как. Я перед этим болел. Простуда какая-то. Неделю вообще ничего не ел. Возможно, поэтому так и психанул. Сдали нервы.

– Но ведь вам кое-что причиталось в библиотеке?

– Откуда вы знаете? – вспыхнул Лимас. – Вы что, были…

– Почему же вы не пошли получить их? Тогда не пришлось бы просить кредита. Не так ли, Лимас?

Лимас пожал плечами.

– Не помню почему. Кажется, библиотека в субботу утром закрыта.

– Понятно. Вы уверены, что в субботу утром библиотека была закрыта?

– Нет, не уверен. Просто мне так кажется.

– Вот именно. Благодарю вас. Это все, что мне хотелось выяснить.

Когда Лимас сел на место, дверь открылась и в зал вошла огромного роста уродливая женщина в сером мундире с нашивкой на рукаве. Следом за ней шла Лиз.

Глава 22. Председатель трибунала

Она медленно вошла в зал суда, глядя по сторонам широко раскрытыми глазами, похожая на разбуженного ребенка, попавшего в залитую светом комнату. Лимас успел забыть о том, как она молода. Заметив его между двумя охранниками, она остановилась.

– Алек!

Шедший рядом охранник положил руку ей на плечо и подтолкнул туда, где только что стоял Лимас. В зале было очень тихо.

– Как тебя зовут, детка? – быстро спросила председательница.

Лиз остановилась, опустив руки по швам и распрямив пальцы.

– Как тебя зовут? – уже громче повторила председательница.

– Элизабет Голд.

– Ты член британской коммунистической партии?

– Да.

– Сейчас гостишь в Лейпциге?

– Да.

– Когда ты вступила в партию?

– В тысяча девятьсот пятьдесят пятом. Нет, в пятьдесят четвертом. Кажется, так…

Ее отвлек шум в зале, грохот отодвигаемых стульев и голос Лимаса – страшный, угрожающий, истерический:

– Эй вы, ублюдки! Оставьте ее в покое!

Лиз в ужасе обернулась и увидела, что он вскочил с места, что лицо его залито кровью, а одежда в беспорядке. Она увидела, как охранник ударил его кулаком, так что он едва удержался на ногах. Потом они накинулись на него вдвоем и заломили назад руки. Голова его упала на грудь, затем дернулась в сторону от боли.

– Если он не успокоится, выведите его, – распорядилась председательница и, сурово кивнув Лимасу, добавила:

– Вам дадут слово позже, если пожелаете. А сейчас помолчите. – И, обернувшись к Лиз, резко сказала:

– Ты наверняка помнишь, когда вступила в партию.

Лиз ничего не ответила. Немного подождав, председательница пожала плечами и, пристально глядя не нее, спросила:

– Элизабет, тебе когда-нибудь объясняли, что партийные дела носят сугубо секретный характер?

Лиз кивнула.

– А тебе говорили, что никогда не следует пытаться узнать, какое именно место занимает тот или иной товарищ в организационной структуре партии?

– Да, конечно, – снова кивнула Лиз.

– Сегодня тебе придется пройти серьезную проверку в этом вопросе. Для тебя же лучше, гораздо лучше, что ты ничего не будешь знать. Ничего, – неожиданно подчеркнула она. – Тебе достаточно знать только одно: мы трое за этим столом являемся партийными работниками очень высокого ранга. Мы действуем по распоряжению нашего Президиума в интересах партии. Нам надо задать тебе несколько вопросов, и твои ответы имеют для нас большое значение. Отвечая на них честно и бесстрашно, ты поможешь делу социализма.

– Но кого здесь судят? – прошептала Лиз. – Что сделал Алек?

Председательница через ее голову взглянула на Мундта и сказала:

– Может быть, никого не судят. В том-то и дело. Может быть, только обвиняют. Для тебя не имеет значения, кого именно обвиняют. Твое незнание этого – гарантия беспристрастности твоих ответов.

На мгновение в маленьком зале воцарилась тишина, а потом Лиз спросила так тихо, что председательница, чтобы услышать, невольно наклонилась вперед.

– Это Алека судят? Алека Лимаса?

– Я тебе уже говорила: для тебя же лучше не знать ничего. Расскажешь правду – и тебя отпустят. Так будет разумнее всего.

Лиз, должно быть, снова прошептала что-то или сделала какой-то жест, потому что председательница вновь наклонилась к ней и настойчиво повторила:

– Послушай, детка, ты хочешь вернуться домой? Делай, как я скажу, и ты вернешься. А иначе… – Она запнулась, а потом добавила чуть загадочно, указывая рукой на Кардена:

– Этот товарищ хочет задать тебе несколько вопросов. Совсем немного. А потом тебя отпустят. Но только говори правду.

Карден поднялся и улыбнулся доброй, благодушной улыбкой.

– Элизабет, – начал он, – Алек Лимас был твоим любовником?

Лиз кивнула.

– Вы познакомились в Бэйсуотере в библиотеке, где ты работаешь?

– Да.

– А до того вы никогда не встречались?

Лиз покачала головой.

– Мы познакомились в библиотеке.

– Элизабет, у тебя было много любовников?

Ее ответ заглушил яростный крик Лимаса:

– Карден! Ты свинья!

Лиз быстро обернулась и сказала:

– Не надо, Алек. Они тебя выведут.

– Да, – сухо подтвердила председательница, – выведем.

– Скажи-ка мне, – переменил тему Карден, – Лимас был коммунистом?

– Нет.

– А он знал, что ты коммунистка?

– Да, знал. Я ему сказала.

– А что сказал он, узнав об этом?

Лиз не понимала, врать ли ей или говорить правду, и это было самым мучительным. Вопросы сыпались с такой быстротой, что она не успевала их обдумать. А они слушали, следили, ждали ее слова или жеста, способного навредить Алеку. Она не могла врать, пока не поняла, что именно поставлено на карту, ведь она могла попасть впросак и погубить Алека, а то, что Алек в опасности, – в этом она уже не сомневалась.

– Так что же он сказал? – повторил Карден.

– Он рассмеялся. Ему было наплевать на такие вещи.

– И ты поверила, что ему наплевать?

– Разумеется.

И тут во второй раз заговорил более молодой член трибунала. Глаза его были полузакрыты:

– И ты считаешь это нормальной реакцией человека? То, что ему наплевать на диалектику и законы развития истории?

– Не знаю. Просто я ему поверила, вот и все.

– Это не важно, – сказал Карден. – Скажи, а он вообще-то был весельчаком? Довольным жизнью и прочее?

– Нет. Он редко смеялся.

– Но узнав, что ты член партии, он рассмеялся. Как ты думаешь, почему?

– Думаю, он презирает коммунистов.

– Презирает или ненавидит? – уточнил Карден.

– Не знаю, – жалобно ответила Лиз.

– А вообще, он способен был сильно чувствовать – любить? Ненавидеть?

– Нет, пожалуй, нет.

– Но он ударил бакалейщика. Почему же он так поступил?

Лиз вдруг перестала доверять Кардену, его ласковому голосу и лицу доброго волшебника.

– Не знаю.

– Но ты задумывалась над этим?

– Да.

– Ну, и к каким же выводам ты пришла?

– Ни к каким, – равнодушно сказала Лиз.

Карден поглядел на нее задумчиво и чуть разочарованно, так, словно она не выучила заданного урока.

– А знала ли ты, – задал он, вероятно, один из самых существенных вопросов, – что он собирается избить бакалейщика?

– Нет, – ответила Лиз, пожалуй чересчур поспешно, отчего после некоторой паузы улыбка на лице Кардена сменилась выражением явной озадаченности.

– Когда ты в последний раз видела Лимаса? – спросил он наконец. – Я имею в виду до сегодняшнего дня.

– Я не видела его с тех пор, как он попал в тюрьму.

– Ну, а когда же ты видела его в последний раз? – Голос Кардена был мягок, но настойчив.

Лиз было жутко стоять спиной к залу, ей хотелось обернуться, посмотреть на Лимаса, увидеть выражение его лица, найти в нем какую-нибудь подсказку. Ей стало страшно и за себя: все эти вопросы базировались на каких-то подозрениях и обвинениях, о которых она не имела ни малейшего представления. Они, конечно, понимают, что ей хочется помочь Алеку, понимают, что она боится. Но кто поможет ей? Почему никто не хочет помочь ей?

– Элизабет, когда ты в последний раз встречалась с Алеком Лимасом?

Опять этот голос! Как она ненавидела этот ласковый, бархатный голос!

– Вечером, перед тем как это случилось. Накануне его драки с бакалейщиком.

– Драки? Это была не драка, Элизабет. Бакалейщик не дал Лимасу сдачи, у него просто не было такой возможности. На редкость неспортивный прием! – засмеялся Карден, и было особенно страшно оттого, что никто в зале не подхватил его смеха. – Скажи, где вы встречались в последний раз?

– У него на квартире. Он тогда болел, не ходил на работу. Он лежал в постели, а я приходила и готовила ему еду.

– И покупала продукты?

– Да.

– Как это мило с твоей стороны. Должно быть, пришлось выложить кучу денег? – участливо спросил Карден. – Ты в состоянии была содержать его?

– Я вовсе не содержала его. Он давал мне деньги. Он…

– Ах, вот как? – резко сказал Карден. – Значит, у него были деньги?

«О Господи, – подумала Лиз, – Господи, что я наделала».

– Немного, – быстро сказала она, – совсем немного. Фунт-другой, не больше. Нет, больше у него не было. Он даже не мог оплатить счета – за электричество, за квартиру. Все это оплатили потом, когда он исчез. Оплатил его друг, а не он сам. За все заплатил его друг.

– Ну конечно, – сказал очень мягко Карден, – за все заплатил его друг. Специально пришел и заплатил по счетам. Старинный друг, из тех, верно, с кем он дружил до переезда в Бэйсуотер. А вы, Элизабет, когда-нибудь видели этого друга?

Лиз покачала головой.

– Понятно. А какие еще счета оплатил этот друг, не знаешь?

– Нет.., не знаю.

– А почему ты запнулась?

– Говорю вам, не знаю, – сердито сказала Лиз.

– Но ты запнулась, – пояснил Карден. – По-моему, ты что-то хотела сказать, но потом передумала.

– Нет.

– Лимас когда-нибудь рассказывал тебе об этом друге? У которого много денег и который знает его адрес?

– Он вообще никогда не упоминал ни о каких друзьях. Я думала, что у него нет друзей.

– Понятно.

В зале установилась зловещая тишина, особенно зловещая для самой Лиз, потому что она, подобно слепому ребенку, была как бы отрезана от окружающего мира; они могли оценить

ее ответы по какой-то лишь им одним известной мерке, а страшная тишина никак не давала ей понять, что именно они выяснили.

– Сколько ты зарабатываешь, Элизабет?

– Шесть фунтов в неделю.

– У тебя есть сбережения?

– Немного. Несколько фунтов.

– А сколько ты платишь за квартиру?

– Пятьдесят шиллингов в неделю.

– Довольно солидно, не так ли? А ты аккуратно платишь за квартиру?

Она беспомощно покачала головой.

– А почему? – продолжал Карден. – Не хватает денег?

– Я получила договор об аренде, – прошептала она. – Кто-то оплатил аренду и прислал мне договор.

– Кто же?

– Не знаю. – Слезы катились у нее по лицу. – Не знаю… Пожалуйста, не спрашивайте меня больше. Я не знаю, кто это был… Шесть недель назад мне прислали договор из банка в Сити.., какой-то благотворительный фонд.., тысячу фунтов… Клянусь, я не знаю, кто это сделал… Взнос из благотворительного общества, сказали мне. Вам же все известно.., скажите мне, кто…

Закрыв лицо руками, она заплакала, стоя спиной к залу и сотрясаясь от рыданий. Никто не шелохнулся. Наконец она опустила руки, но продолжала глядеть вниз.

– А почему ты сама с этим не разобралась? – спросил Карден. – Или тебе часто дарят по тысяче фунтов?

Лиз ничего не ответила.

– Ты не стала разбираться потому, что кое-что предположила. Верно? Снова закрыв лицо руками, она кивнула. – Ты решила, что деньги пришли от Лимаса или от его друга. Так?

– Да, – с трудом ответила она. – Я слышала, что бакалейщик тоже получил какие-то деньги, кучу денег откуда-то вскоре после суда. Об этом много судачили на улице, и я подумала, что это, наверное, друг Алека…

– Чрезвычайно странно, – сказал Карден, как бы самому себе. – Чрезвычайно… Скажи, Элизабет, а после того как Алек попал в тюрьму, с тобой никто не пытался увидеться?

– Нет, – соврала она. Теперь она понимала совершенно отчетливо, что они пытаются узнать об Алеке что-то скверное, что-то связанное с деньгами или его друзьями, что-то связанное с бакалейщиком.

– Ты уверена? – удивленно спросил Карден, и его брови поднялись над золотой оправой.

– Уверена.

– Но твой сосед, Элизабет, – терпеливо продолжал спрашивать Карден, – уверяет, что к тебе приходили мужчины, двое мужчин, вскоре после того, как Лимаса приговорили к тюремному заключению. Или это были просто любовники? Случайные любовники, вроде Лимаса, которые давали тебе деньги?

– Алек не был случайным любовником! – закричала Лиз. – Как вы можете…

– Но он давал тебе деньги. Эти двое тоже?

– О Господи, – всхлипнула она, – не спрашивайте…

– Кто это был?

Лиз не ответила, и тогда Карден вдруг закричал впервые за все время:

– Кто?!

– Не знаю. Они приехали на машине. Друзья Алека.

– Опять друзья Алека? Чего они хотели?

– Не знаю. Они все время спрашивали меня о том, что мне рассказывал Алек. Они сказали мне чтобы я разыскала их, если…

– Как? Как разыскала? Каким образом?

Наконец она сказала:

– Он живет в Челси… Его зовут Смайли… Джордж Смайли… Я должна была позвонить ему.

– И ты позвонила?

– Нет!

Карден захлопнул свое досье. Смертельная тишина воцарилась в зале. Указав пальцем на Лимаса, Карден заговорил совершенно бесстрастно, отчего его слова казались еще страшнее:

– Смайли хотел выяснить, не слишком ли много разболтал ей Лимас. Лимас сделал то, чего никак не могла ожидать от него британская разведслужба: он завел себе девицу и выплакался у нее не груди.

Карден негромко засмеялся, словно все это было лишь милой шуткой.

– Точно так же, как Карл Римек. Лимас совершил ту же ошибку.

– Лимас когда-нибудь рассказывал о себе? – продолжил допрос Карден.

– Нет.

– И ты ничего не знаешь о его прошлом?

– Нет. Я знаю, что он чем-то занимался в Берлине. Какое-то правительственное задание.

– Значит, он все-таки кое-что рассказывал? Он говорил тебе, что был женат?

После долгого молчания Лиз кивнула.

– А почему ты не повидалась с ним, когда он попал в тюрьму? Ты ведь могла навестить его.

– Я думала, что ему этого не хочется.

– Понятно. А ты писала ему?

– Нет. Да, один раз.., просто, чтобы сказать ему, что я буду его ждать. Я не думала, что он придаст этому какое-то значение.

– А ты не думала, что он тоже этого хочет?

– Нет.

– А когда его выпустили, ты не пыталась встретиться с ним?

– Нет.

– Он должен был куда-то поехать? Его ждала какая-нибудь работа или друзья?

– Не знаю.., не знаю…

– Значит, у вас все было кончено? – спросил Карден с ухмылкой. – Ты завела себе другого любовника?

– Нет! Я ждала его.., я всегда буду ждать его. – Она замолчала, а потом уточнила:

– Я просто хочу, чтобы он вернулся.

– Тогда почему ты не написала ему? Почему не попыталась найти его?

– Он запретил мне это. Он.., он заставил меня поклясться, что я.., никогда не буду искать его…

– Значит, он собирался попасть в тюрьму? – торжествующе спросил Карден.

– Нет. Не знаю. Я не могу говорить то, чего не знаю.

– А в тот последний вечер, – голос Кардена звучал теперь резко и грубо, – в тот вечер перед дракой он заставил тебя повторить эту клятву? Да?

Совершенно обессилев, она кивнула с жалобным выражением капитуляции на лице.

– Да.

– И вы простились?

– Да, мы простились.

– После ужина, разумеется. Было уже довольно поздно. Или ты провела с ним всю ночь?

– Я ушла после ужина. Пошла домой, но не сразу. Сперва бродила, сама не знаю где. Просто бродила по улицам.

– А как он объяснил ваш разрыв?

– Он не рвал со мной, – сказала она. – Нет, не рвал. Просто он сказал, что ему нужно кое-что сделать, отплатить кому-то, чего бы это ни стоило, а потом, когда все будет позади, он вернется и, если я еще буду ждать…

– И ты, конечно, сказала, – насмешливо предположил Карден, – что всегда будешь ждать его? Верно? Уверен, что так. Что ты его никогда не разлюбишь. Так?

– Да, – просто ответила Лиз.

– И он сказал, что пришлет тебе деньги?

– Он сказал.., сказал, что все не так страшно, как кажется. Что я.., что обо мне позаботятся.

– И поэтому ты не стала разбираться, когда какой-то благотворительный фонд ни с того ни с сего уплатил за тебя тысячу фунтов?

– Да! Именно поэтому. Вы теперь все знаете. Вы знали все с самого начала. Если вы и так все знали, для чего вы посылали за мной?

Карден невозмутимо дождался, пока она перестанет всхлипывать.

– Вот, – сказал он, обращаясь к трибуналу, – вот вам свидетельство защиты. Мне только очень жаль, что девица, у которой чувства подменяют разум, а честность сведена на нет крупной суммой денег, была признана нашими британскими товарищами достойной вести партийную работу.

Поглядев на Лимаса, а затем на Фидлера, он грубо бросил:

– Она просто идиотка. Но тем не менее очень хорошо, что она подвернулась Лимасу. Уже не в первый раз реваншистский план наших врагов рушится из-за извращенности его создателей.

Он коротко и рассчитанно поклонился трибуналу и сел на место.

Они там в Лондоне, должно быть, совсем рехнулись. Он же говорил им, чтобы ее оставили в покое. А теперь стало ясно, что с того самого момента, когда он исчез из Англии, даже еще раньше – с того момента, как он угодил в тюрьму, какой-то паршивый идиот взялся за дело – платил по счетам, ублажал бакалейщика, домовладельца, а главное, Лиз. Какой бред! Какое безумие! Чего они хотели? Убить Фидлера? Убить своего агента? Провалить собственную операцию? Неужели все это сделал Смайли? Неужели из-за уколов своей паршивой совести? Теперь ему оставалось только одно – взять все на себя и попытаться спасти Лиз и Фидлера.

Но как, черт побери, им все это стало известно? Он был уверен, что избавился от «хвоста», когда направлялся после обеда с Эшем к дому Смайли. А деньги? Откуда им известна байка о том, что он якобы украл в Цирке деньги? Эта байка была исключительно для внутреннего пользования… Откуда же они узнали про нее? Откуда, черт побери?

Озадаченный, сердитый и крайне пристыженный, он медленно пошел между рядами, машинально переступая одеревеневшими ногами, точно человек, идущий на эшафот.

Глава 23. Признание

– Ладно, Карден.

Лицо его было белым и неподвижным, словно изваянным из камня, голова чуть откинута назад и вбок, точно он прислушивался к какому-то отдаленному звуку. В нем ощущался некий пугающий покой – не поражения, а самоконтроля, и все тело, казалось, держалось железной рукой его воли.

– Ладно, Карден. Пусть ее уведут.

Лиз смотрела на него, лицо ее было сморщенным и некрасивым, темные глаза были полны слез.

– Нет, Алек.., нет, – сказала она. Для нее словно не было больше никого в зале, только Лимас, высокий и стройный, как воин.

– Не говори им, – начала она громко, – если это ради меня, то не надо ничего рассказывать им. Не думай обо мне, Алек. Мне уже все равно. Правда, все равно.

– Заткнись, Лиз, – грубовато сказал Лимас. – Все равно слишком поздно. – Он повернулся к председательнице. – Она ничего не знает. Буквально ничего. Уведите ее отсюда и отправьте домой. А я расскажу вам все остальное.

Председательница быстро переглянулась с другими членами трибунала. Немного подумав, она сказала:

– Она может покинуть зал суда, но ее не отправят домой до окончания слушания дела. А там посмотрим.

– Я же говорю вам, она ничего не знает! – заорал Лимас. – Неужели вы не понимаете, что Карден прав? Это была операция, спланированная нами операция. Что она могла знать об этом? Она же просто маленькая зачуханная девица из паршивой библиотеки. С нее вам взять нечего.

– Она свидетельница, – сухо возразила председательница. – Фидлер, возможно, захочет задать ей какие-нибудь вопросы.

Товарища Фидлера для нее уже не существовало. При упоминании своего имени Фидлер, казалось, очнулся от размышлений, в которые был погружен, и Лиз впервые за все время внимательно поглядела на него. Его глубоко запавшие карие глаза на мгновение остановились на ней, и он слегка улыбнулся ей, как еврей еврейке. Он показался ей маленьким, одиноким и странно спокойным.

– Она ничего не знает, – сказал он. – Лимас прав. Пусть она уйдет.

Голос его звучал устало.

– Вы отдаете себе отчет в том, что сказали? – , спросила председательница. – Вы отдаете себе отчет в том, что это означает? У вас действительно нет к ней никаких вопросов?

– Она сказала все, что было необходимо. – Он сидел, сцепив руки на коленях и разглядывая их. Это занятие, казалось, интересовало его больше, чем дальнейший ход заседания. – Все было очень хитро придумано. – Он кивнул. – Пусть она уйдет. Она не может рассказать то, чего не знает. – И добавил с насмешливой официальностью:

– У меня нет вопросов к свидетельнице.

Охранник открыл дверь и что-то крикнул в коридор. В тишине, царившей в зале, было слышно, как ему ответил женский голос, потом послышались медленно приближающиеся шаги. Фидлер резко поднялся с места и, взяв Лиз под руку, проводил ее к двери. Дойдя до выхода, она обернулась и посмотрела на Лимаса, но тот стоял, отвернувшись, как человек, который не выносит вида крови.

– Возвращайтесь в Англию, – сказал ей Фидлер. – Вам нужно обязательно вернуться в Англию.

Лиз неожиданно для себя вдруг начала всхлипывать. Охранница положила ей руку на плечо, скорее чтобы поддержать, чем утешить, и вывела из зала. Охранник закрыл дверь. Плач Лиз постепенно замер вдали.

– Не стану особенно распинаться, – начал Лимас. – Карден прав. Это была ловушка. В лице Карла Римека мы потеряли нашего лучшего агента в Зоне. Всех остальных мы потеряли еще раньше. Мы не могли понять, что происходит: Мундт хватал их, казалось, раньше, чем мы успевали завербовать. Я вернулся в Лондон и увиделся с Контролером. Там были еще Петер Гийом и Джордж Смайли. Джордж уже в отставке и занимается чем-то жутко умным. Филологией, что ли.

Так или иначе, они это все и придумали. Нужно подставить им человека, чтобы они на него попались, сказал Контролер. Стань наживкой и погляди, клюнут ли они на тебя, сказал он мне. Затем мы разработали все в деталях – в обратном, так сказать, порядке. Методом индукции, как выразился Смайли. Как мы платили бы, если бы Мундт и в самом деле был нашим агентом, как вели бы досье и тому подобное. Петер вспомнил, что какой-то араб хотел продать нам агентурную сеть Отдела год или два назад, а мы послали его подальше. И совершенно напрасно, как выяснилось потом. У Петера возникла мысль сыграть и на этом – будто бы мы отказались потому, что все знали и без него. Это было очень умно придумано.

Остальное вы легко можете себе представить. Я сделал вид, что сошел с круга: пьянство, долги, разговоры о том, что Лимас ограбил свою контору. Все одно к одному. Мы подключили Элси из бухгалтерии, чтобы она распространяла слухи, и кой-кого еще. Все они поработали на славу, – с некоторой гордостью добавил Лимас. – Затем я выбрал подходящее время – субботнее утро, когда вокруг полно народу, и затеял драку. Дело попало в местную прессу, кажется, даже в «Уоркер». Думаю, тогда-то ваши люди и вышли на меня. С этого момента вы начали рыть себе яму.

– Рыть яму вам, – спокойно заметил Мундт. Он задумчиво глядел на Лимаса светлыми, белесыми глазами. – И может быть, товарищу Фидлеру.

– Вам едва ли следует в чем-то винить Фидлера, – равнодушно возразил Лимас. – Он просто подвернулся нам под руку. Он далеко не единственный в Отделе, кто с удовольствием отправил бы вас на виселицу.

– Вас мы отправим на виселицу в любом случае, – обнадежил его Мундт. – Вы убили охранника. И пытались убить меня.

Лимас сухо улыбнулся.

– Ночью все кошки серы, Мундт… Смайли все время твердил, что дело может сорваться. Что могут начаться процессы, которых мы не сможем остановить. У него сдали нервы – впрочем, вы это знаете. По большому счету он потерял себя после дела Феннана – после Мундтовых дел в Лондоне. Говорят, с ним что-то тогда случилось, поэтому он и ушел из Цирка. Но вот чего я не могу понять: зачем они оплатили счета, послали деньги девушке и прочее. Должно быть, Смайли намеренно решил погубить операцию – да, наверное, так и было. У него муки совести, душевный кризис, ему кажется, что никого нельзя убивать и всякое такое. Какое безумие – после такой подготовки, такой отличной работы провалить из-за этого операцию…

Но Смайли ненавидит вас, Мундт. Мы все ненавидим вас, хотя и не говорим об этом вслух. Мы планировали операцию, словно игру.., трудно сейчас объяснить. Мы понимали, что нас приперли к стенке, что Мундт взял над нами верх, и мы попытались его уничтожить. Но все равно это казалось какой-то игрой. – Повернувшись к трибуналу, он сказал:

– А насчет Фидлера вы не правы. Он не наш человек. К чему Лондону было бы идти на такой риск, имея агентом Фидлера? На него делали ставку, это точно. Было известно, что он ненавидит Мундта. Да и кто бы на его месте не ненавидел? Фидлер ведь еврей. Вы же знаете, наверняка знаете, как Мундт относится к евреям. И какова его репутация в этом вопросе.

Я скажу вам еще кое-что, больше вам этого никто не скажет, так что послушайте меня. Мундт пытал Фидлера, избивал его и все время, не переставая, издевался над ним, потому что Фидлер еврей. Всем вам прекрасно известно, что за человек Мундт, но вы терпите его, поскольку он хороший контрразведчик. Но… – на мгновение Лимас запнулся, а потом продолжил:

– Но ради Бога.., в этой истории погибло уже довольно людей. Голова Фидлера вам ни к чему. С Фидлером все в порядке.., он идеологически выдержан, так, кажется, у вас говорят?

Он поглядел на членов трибунала. Они спокойно и даже с некоторым любопытством наблюдали за ним, глаза у них были холодные и неподвижные. Фидлер, сидевший в своем кресле и слушавший его с нарочитым безразличием, на секунду поднял глаза и безучастно посмотрел на Лимаса.

– И вы погубили всю операцию, Лимас? – спросил Фидлер. – Вы, опытный боец, проводящий коронную операцию, главную в своей жизни, влюбились в – как вы там ее назвали? – маленькую зачуханную девицу из паршивой библиотеки? Лондон должен был обо всем этом знать, Смайли не мог действовать в одиночку. – Фидлер обернулся к Мундту. – Вот что странно, Мундт, они наверняка понимали, что вы проверите в этой истории каждый пункт. Вот почему Лимасу пришлось старательно играть свою роль. Но затем они послали деньги бакалейщику, заплатили за квартиру Лимаса и за арендный договор девушки. И самое странное во всей истории – чтобы люди с их опытом выплатили тысячу фунтов девушке, члену коммунистической партии, которая должна была верить в то, что Лимас – человек конченый. Только не рассказывайте мне, что совесть Смайли настолько чувствительна. Что за нелепый риск!

Лимас пожал плечами.

– Смайли оказался прав в одном отношении: мы не смогли приостановить начавшихся процессов. Мы не допускали того, что вам удастся завлечь меня сюда. В Голландию – да, но не сюда же. – Он немного помолчал. – А я не мог и вообразить, что вы привезете сюда девушку. Ну и дурак же я был!

– Вы – да, но не Мундт, – быстро вставил Фидлер. – Мундт знал, что ему нужно искать, он даже заранее знал, что девушка предоставит необходимое доказательство. Крайне проницательно с его стороны. И что самое поразительное – Мундт знал о тысяче фунтов. Хочется спросить, как ему удалось до этого докопаться? Девушка ведь никому не рассказывала. Я видел девушку и уверен, что она никому ничего не говорила. – Взглянув на Мундта, он спросил; – Может, нам объяснит это сам Мундт?

Мундт помедлил – чуть дольше, чем следовало, как показалось Лимасу.

– Все дело в ее партийных взносах. Примерно месяц назад она стала платить на десять шиллингов больше. Я узнал об этом. И постарался выяснить, почему она может себе это позволить. И я выяснил.

– Блестящее объяснение, – сухо заметил Фидлер.

Наступила тишина.

– Полагаю, – начала председательница, переглянувшись с остальными членами трибунала, – теперь мы можем передать дело на рассмотрение Президиума. Разумеется, – добавила она, глядя на Фидлера маленькими, злобными глазами, – если вам больше нечего добавить.

Фидлер покачал головой. Казалось, что-то по-прежнему не дает ему покоя.

– В таком случае, – продолжила председательница, – мы с коллегами единодушны в том, что товарищ Фидлер должен быть освобожден от своих обязанностей до того момента, пока дисциплинарный комитет Президиума не вынесет соответствующего решения. Лимас уже находится под арестом. Напомню вам, что у нашего трибунала нет права выносить приговор.

Прокурор республики совместно с товарищем Мундтом, без сомнения, разберутся в том, какой кары заслуживает британский шпион, провокатор и убийца.

Поверх головы Лимаса она поглядела на Мундта. Но сам Мундт не сводил глаз с Фидлера. Это был бесстрастный взор палача, прикидывающего, какой длины веревка ему понадобится.

И вдруг с внезапным озарением человека, которого слишком долго обманывали, Лимас понял весь дьявольский механизм.

Глава 24. Комиссар

Лиз стояла у окна спиной к охраннице и тупо смотрела на маленький дворик. «Сюда, должно быть, выводят на прогулку заключенных», – решила она. Она находилась в каком-то кабинете, на столе стояла еда, но Лиз не могла к ней притронуться. Она чувствовала себя больной и жутко усталой, физически усталой. Болели ноги, а лицо онемело и опухло от слез. Она казалась себе грязной, ей хотелось помыться.

– Почему ты не ешь? – снова спросила охранница. – Все уже позади.

Она произнесла это без малейшего сочувствия, так, словно девушка была идиоткой, не понимающей, что перед ней еда.

– Я не голодна.

Охранница пожала плечами.

– Возможно, тебе предстоит долгая поездка, да и потом тебя едва ли накормят.

– Что вы имеете в виду?

– В Англии трудящиеся голодают, – заявила охранница. – Капиталисты заставляют их умирать с голоду.

Лиз хотела было возразить, но передумала. Кроме того ей нужно, просто необходимо узнать кое-что, а узнать она могла только у этой женщины.

– Где я нахожусь?

– А разве ты не знаешь? – засмеялась охранница. – Надо бы спросить вон у тех, – она кивнула в сторону окна, – они объяснят где.

– Кто они?

– Заключенные.

– Какого рода заключенные?

– Политические. Враги народа. Шпионы, агитаторы.

– Откуда вы знаете, что они шпионы?

– Партия все знает. Партия знает о людях больше, чем они сами. Разве тебе не говорили этого? – Она посмотрела на Лиз и осуждающе покачала головой. – Ох уж эти англичане! Богачи сжирают ваше будущее, а вы сами им тарелки подносите. Все вы такие.

– Кто вам говорил о нас такое?

Охранница снисходительно улыбнулась и ничего не ответила. Казалось, она была очень довольна собой.

– Значит, это тюрьма для шпионов? – попыталась разобраться Лиз.

– Эта тюрьма для тех, кто отказывается признать реальность социализма, кто полагает, что у него есть право на сомнения, кто идет не в ногу со всеми. Для предателей, – кратко резюмировала она.

– Но что они сделали?

– Мы не можем построить коммунизм, не покончив с индивидуализмом. Нельзя, возводя великое здание, разрешать свиньям устраивать себе хлев возле его стен.

Лиз изумленно уставилась на нее.

– Кто вам все это наговорил?

– Я коммунистка, – гордо ответила та. – А здесь в тюрьме я – комиссар.

– Какая вы умная, – сказала Лиз.

– Я представитель трудящихся, – ответила женщина. – Мы отвергаем теорию о превосходстве умственного труда. Мы все здесь просто трудящиеся. Мы не признаем различий между умственным и физическим трудом. Ты читала Ленина?

– Значит, в этой тюрьме сидят люди умственного труда?

– Да, – улыбнулась охранница, – реакционеры, которые воображают себя представителями прогресса: они, видите ли, защищают личность от государства. Ты слышала, что сказал Хрущев о венгерских контрреволюционерах?

Лиз покачала головой. Нужно постоянно проявлять интерес, если она хочет заставить охранницу разговориться.

– Он сказал, что там ничего бы не произошло если бы вовремя расстреляли парочку писателей.

– А кого расстреляют сейчас? – быстро спросила Лиз. – После суда?

– Лимаса, – равнодушно ответила комиссар, – и этого жида Фидлера.

Лиз на мгновение показалось, что она теряет сознание. Она вцепилась в подлокотник кресла и села.

– А что сделал Лимас? – прошептала она.

Женщина поглядела на нее крошечными, хитрыми глазами. Она была высокая, толстая и рыхлая с одутловатым лицом и собранными в пучок жидкими волосами.

– Он убил охранника.

– За что?

Женщина пожала плечами.

– А что касается жида, – сказала она, – то он оклеветал честного коммуниста.

– И за это Фидлера расстреляют? – спросила, не веря собственным ушам, Лиз.

– Жиды все одинаковы, – пояснила охранница. – Товарищ Мундт знает, как с ними следует обращаться. Они нам тут ни к чему. Когда они вступают в партию, то считают, что вся партия принадлежит им одним. А когда их отказываются принимать, они заявляют, что против них плетут интриги. Говорят, Лимас и Фидлер действовали против товарища Мундта в сговоре. Ну что, будешь есть? – Она снова кивнула на еду на столе, а Лиз снова отрицательно покачала головой. – Тогда придется съесть мне, – сказала охранница, подчеркнуто демонстрируя свое нежелание. – Картошку, видишь ли, дали. Должно быть, повар в тебя влюбился.

И хихикая над собственной шуткой, она принялась за еду.

А Лиз снова подошла к окну.

В круговороте стыда, страха и горя, в смятении духа главным для Лиз оставалось воспоминание о Лимасе в зале суда, о том, как он неподвижно сидел в кресле, отвернувшись и не глядя на нее. Она подвела его, и он не осмеливался взглянуть на нее перед смертью, не хотел, чтобы она увидела презрение или, может быть, страх, написанные у него на лице.

Но разве она могла поступить иначе? Если бы Лимас рассказал, что собирается делать – а она не понимала этого даже сейчас, – она, конечно, солгала бы, что угодно совершила бы ради него. Если бы он сказал! Ведь он знал ее достаточно хорошо, чтобы понимать, что она поступит так, как он велит, что она станет частью его самого, его волей, его желаниями, его жизнью, его болью, что она молит его только об этом. Но откуда ей было знать, как отвечать на те коварные, завуалированные вопросы? Казалось, не будет конца бедам, которые она причиняет. Пребывая все в том же лихорадочном тумане, она вспомнила, как еще ребенком с ужасом узнала, что каждый ее шаг по земле приносит гибель тысячам крошечных созданий, раздавленных ее ногой. А сейчас, если бы она солгала, или сказала правду, или просто

промолчала, она все равно помогла бы погубить человеческое существо. А может быть, и два, потому что там был еще тот еврей Фидлер, который держался с ней так ласково, взял под руку и посоветовал вернуться в Англию. Фидлера расстреляют, так сказала охранница. Но почему именно Фидлера, а не того старика, задавшего ей столько вопросов, или того красавчика, сидевшего впереди между двумя солдатами и все время улыбавшегося? Куда бы Лиз ни повернулась, она неизменно видела его белокурую голову, его гладкое, жестокое лицо и улыбку, словно все это было отличной шуткой. Ее немного утешало лишь то, что Лимас и Фидлер сражались на одной стороне.

Она снова обернулась к охраннице и спросила:

– А чего мы ждем?

Та отодвинула тарелку и встала.

– Указаний. Они решают, останешься ли ты тут.

– Останусь? – переспросила Лиз.

– Все дело в свидетельских показаниях. Фидлера, возможно, еще будут допрашивать. Я ведь уже говорила: есть подозрение, что Лимас и Фидлер действовали заодно.

– Но против кого? И как Лимас мог действовать в Англии? И вообще, как он сюда попал? Он ведь не член партии.

– Это тайна, – покачала головой охранница. – Это касается только Президиума. Должно быть, его привез сюда этот жид.

– Но вы же знаете, – упрашивала Лиз. – Вы же комиссар. Наверняка они вам сказали.

– Может быть, – самодовольно ответила та. – Но это тайна.

Зазвонил телефон. Женщина взяла трубку и мгновение спустя поглядела на Лиз.

– Да, товарищ. Немедленно. – Она положила трубку. – Ты должна остаться тут. Делом Фидлера займется Президиум. А ты пока останешься тут. Так хочет товарищ Мундт.

– А кто такой Мундт?

Женщина хитровато посмотрела на Лиз.

– Таково требование Президиума.

– Но я не хочу оставаться тут, – закричала Лиз. – Я хочу…

– Партия знает о нас больше, чем знаем мы сами, – прервала ее комиссар. – Ты должна остаться. Такова воля партии.

– А кто такой Мундт? – повторила Лиз, но ее вопрос снова остался без ответа.

Лиз медленно шла следом за женщиной по бесконечным коридорам через решетчатые двери с охранниками возле них, мимо железных дверей, из-за которых не доносилось ни звука, по бесконечным лестницам, через огромные помещения под землей, пока ей не начало казаться, что она попала в глубь самого ада, где никто даже не скажет ей, что Алек уже мертв.

Она не знала, сколько уже времени, когда услышала шаги в коридоре. Быть может, часов пять, а может, полночь. Она не спала, а просто сидела и тупо глядела в кромешную тьму, пытаясь хоть что-нибудь услышать. Она никогда прежде не подозревала, что тишина бывает такой страшной. Один раз она крикнула и не услышала в ответ даже эха. Осталась только память о том, что она кричала. Она представила себе, как звук ее голоса бьется о плотную тьму, точно кулаку о стену. Сидя на кровати, она стала двигать руками, и они показались ей тяжелыми, словно она гребла в воде. Лиз знала, что камера очень маленькая, тут были только кровать, раковина без крана и неуклюжий стол. Она заметила все это, когда ее ввели сюда. Потом свет мгновенно погас, и Лиз опрометью бросилась туда, где должна была стоять кровать, ударилась о нее ногой, села да так и сидела, дрожа от страха. Но вот наконец послышались чьи-то шаги. Дверь камеры распахнулась.

Она сразу узнала его, хотя в бледно-голубом свете коридора можно было различить только силуэт. Подтянутая, крепкая фигура, твердый очерк скул и красивые короткие волосы, чуть подсвеченные горевшим позади него светом.

– Я Мундт, – сказал он. – Иди за мной. Скорее.

Голос у него был самоуверенный, но слегка приглушенный, словно он боялся, что его услышат.

Лиз охватил ужас. Она вспомнила слова охранницы: «Мундт знает, как надо обращаться с евреями». Она стояла у кровати, испуганно глядя на него и не зная, что делать.

– Поторапливайся, идиотка! – Мундт схватил ее за руку. – Живо!

Лиз позволила ему вывести себя в коридор. И с удивлением смотрела, как Мундт тихонько запирает дверь опустевшей камеры. Потом он грубо рванул ее за руку и потащил почти бегом по коридору. Лиз слышала шум кондиционеров и иногда звук шагов в других коридорах. Она заметила, что Мундт идет с осторожностью, останавливаясь и даже отступая назад от некоторых проходов, или заходя вперед, чтобы удостовериться, что там никого нет, и лишь затем давая ей знак следовать за ним. Казалось, он был уверен, что Лиз не отстанет и что она понимает, куда он ее ведет. Словно Лиз была его сообщницей.

Вдруг Мундт остановился и вставил ключ в замочную скважину обшарпанной железной двери. Лиз ждала, охваченная паникой. Он резко распахнул дверь, и свежий, холодный воздух зимнего вечера ударил ей в лицо. Он кивнул ей все с той же настойчивостью, и Лиз спустилась по двум ступенькам вниз и пошла за ним по гравиевой дорожке через заброшенный огород.

Они подошли к вычурным готическим воротам. За ними было шоссе. У ворот стояла машина. А возле нее Алек Лимас.

– Стой тут, – одернул ее Мундт, когда Лиз рванулась было вперед. – Жди меня здесь.

Мундт прошел вперед, и Лиз, казалось, целую вечность смотрела, как двое мужчин о чем-то тихо переговариваются, стоя у машины. Сердце Лиз бешено колотилось, она дрожала от холода и страха. Наконец Мундт вернулся.

– Пошли, – сказал он и повел ее к Лимасу. Некоторое время мужчины молча глядели в глаза друг другу.

– Прощайте, – равнодушно бросил Мундт. – Вы дурак, Лимас. Она ведь той же породы, что и Фидлер.

Он быстро повернулся и скрылся в сумерках.

Лиз протянула руку и дотронулась до Лимаса. Он отвернулся и отвел ее руку. Потом открыл дверцу машины и кивнул, чтобы она садилась, но Лиз медлила.

– Алек, – прошептала она, – что ты делаешь? Почему он позволил тебе бежать?

– Заткнись! – прошипел Лимас. – Забудь об этом раз и навсегда, ясно? Залезай в машину!

– Алек, что он сказал про Фидлера? Почему он нас отпустил?

– Отпустил потому, что мы сделали то, что от нас требовалось. Полезай в машину. Живо!

Под напором его неумолимой воли Лиз влезла в машину и закрыла дверцу. Лимас сел рядом.

– Какую сделку ты с ним заключил? – настаивала она со все большим подозрением и страхом. – Мне сказали, что вы действовали заодно – ты и Фидлер. Почему же Мундт отпустил тебя?

Лимас завел машину, и вскоре они уже мчались по узкому шоссе. По одну сторону были голые поля, по другую – темные однообразные холмы, постепенно сливающиеся с темнеющим небом. Лимас взглянул на часы.

– Нам пять часов до Берлина, – сказал он. – Без четверти час надо быть в Кепенике. Мы успеем.

Некоторое время Лиз молча глядела в окно на пустую дорогу, смущенная и заплутавшая в лабиринте не додуманных до конца мыслей. Поднялась полная луна, мороз сковал тонкой пленкой поля. Они выехали на автостраду.

– Я на твоей совести, Алек? – спросила она наконец. – Поэтому ты и заставил Мундта освободить меня?

Лимас ничего не ответил.

– Вы ведь с Мундтом враги. Правда?

Он снова промолчал. Ехали они очень быстро, на спидометре было сто двадцать километров. Автострада была в рытвинах и колдобинах. Лиз заметила, что Лимас врубил фары на полную мощность и не гасил их перед встречными машинами. Он гнал машину, наклонившись вперед и почти упершись локтями в руль.

– Что будет с Фидлером? – спросила Лиз.

На этот раз Лимас ответил ей:

– Его расстреляют.

– А почему они не расстреляли тебя? Ты же вместе с Фидлером действовал против Мундта, так мне сказали. Ты убил охранника. Почему Мундт позволил тебе бежать?

– Ладно! – внезапно закричал Лимас. – Я объясню тебе. Я расскажу тебе то, чего ты ни в коем случае не должна знать. Ни ты, ни я. Так вот, слушай: Мундт – наш человек, он британский агент, его завербовали, когда он был в Англии. Мы с тобой участвовали во вшивой, поганой операции по спасению его шкуры. По спасению Мундта от маленького хитрого еврея в его же департаменте, который начал догадываться об истине. Нас заставили убить его. Понимаешь, убить этого еврея. Ну вот, теперь ты все знаешь, и да поможет нам Бог.

Глава 25. Стена

– Если все это так, Алек, – сказала Лиз, – то в чем заключалась моя роль?

Она говорила спокойно, почти деловито.

– Я могу только строить догадки на основе того, что знаю и что рассказал мне Мундт. Фидлер подозревал Мундта, подозревал с тех самых пор, как тот вернулся из Англии. Фидлер считал, что Мундт ведет двойную игру. Конечно, он ненавидел Мундта – это вполне понятно, но он оказался прав: Мундт действительно был агентом Лондона. Фидлер был слишком влиятелен, чтобы Мундт мог свалить его в одиночку, поэтому в Лондоне решили сделать это за него. Представляю себе, как они там все это разрабатывали, эти чертовы интеллектуалы. Так и вижу, как они сидят рядышком у камина в каком-нибудь из своих поганых клубов. Они понимали, что мало просто убрать Фидлера: он мог что-то рассказать друзьям или опубликовать свои улики. Они хотели уничтожить само подозрение как таковое. Публичная реабилитация – вот что они решили организовать для Мундта.

Он свернул на левую полосу, чтобы обогнать грузовик с прицепом. И в это мгновение перед ними внезапно вырос грузовик. Лимасу пришлось выжать тормоза, чтобы не врезаться в ограждение.

– Они сказали, что я должен подловить Мундта, – спокойно продолжал он, – сказали, что его нужно уничтожить и что я буду наживкой. И что это будет моим последним заданием. И вот я начал пить, потом избил бакалейщика… Ну, остальное ты знаешь.

– И завел роман? – кротко спросила она.

Лимас покачал головой.

– Но дело, понимаешь, в том, что Мундт обо всем знал. Ему был известен весь план. Он вышел на меня вместе с Фидлером, а потом позволил тому взять дело в свои руки потому, что был уверен, что Фидлер в конце концов сам совьет себе веревку. Я должен был навести их на то, что на самом деле было правдой – на то, что Мундт английский шпион. – Он помолчал. – А

ты должна была дискредитировать меня. Фидлера уничтожили, а Мундт вышел сухим из воды, спасся, вырвавшись из сетей империалистического заговора. Есть ведь старое правило: после ссоры любовь вдвое слаще.

– Но как они могли узнать обо мне? Как могли вычислить, что мы встретимся? – воскликнула Лиз. – Неужели они способны знать заранее, что люди полюбят друг друга?

– Это не имело значения – не на том все строилось. Они выбрали тебя потому, что ты молода и хороша собой. Потому что состоишь в коммунистической партии. Потому что знали, что ты поедешь в Германию, если получишь приглашение. Тот человек в бюро по трудоустройству, Питт, направил меня в библиотеку, потому что знал, что я соглашусь на такую работу. В годы войны Питт служил у нас в Цирке. Думаю, они и сейчас задействовали его. Им просто нужно было организовать наше знакомство, нашу встречу, хотя бы на день. Остальное не имело значения, потому что потом они уже могли позвонить тебе, послать тебе деньги, представить дело так, словно между нами был роман, даже если бы на самом деле его и не было. Возможно, представить это как случайную связь. Главным в нашем знакомстве было то, что потом они могли послать тебе как бы от моего имени деньги. А мы с тобой просто облегчили им задачу…

– Облегчили, – согласилась Лиз. – Мне так пакостно, Алек. Так пакостно, словно я в хлеву побывала.

Лимас промолчал.

– Скажи, людям из твоего департамента легче разбираться с собственной совестью, когда они используют.., члена компартии, а не просто обычного человека?

– Наверно, – сказал Лимас. – Впрочем, они не мыслят в подобных категориях. Такова была оперативная необходимость.

– Но меня ведь могли оставить там, в тюрьме? Разве не этого хотел Мундт? Он считал, что не следует рисковать – я ведь могла услышать что-то лишнее и что-нибудь заподозрить. В конце концов, Фидлер тоже ни в чем не был виноват. Но он еврей, – раздраженно добавила она, – и поэтому тоже вроде бы не в счет?

– Ради Бога, перестань, – вздохнул Лимас.

– Все-таки странно, что Мундт отпустил меня. Странно, даже если это часть сделки с тобой, – продолжала размышлять вслух Лиз. – Ведь он пошел на риск, правда? Я ведь представляю собой опасность для него. Я имею в виду, когда мы вернемся в Англию: член партии, который знает так много… Непонятно, как он решился отпустить меня.

– Думаю, – предположил Лимас, – он воспользуется нашим побегом, чтобы доказать членам Президиума, что в Отделе остались люди Фидлера, подлежащие выявлению и уничтожению.

– Тоже евреи? Как Фидлер?

– Это даст Мундту шанс укрепить свои позиции, – равнодушно ответил Лимас.

– Убив еще и других ни в чем не повинных людей? Кажется, тебя это не слишком волнует?

– Разумеется, это меня волнует. Меня наизнанку выворачивает от стыда и ярости… Но я иначе устроен. Лиз. Я не могу видеть все только в черных или белых тонах. Люди, играющие в эту игру, вынуждены рисковать. Фидлер проиграл, а Мундт выиграл. Главное – выиграл Лондон. Это была поганая, чертовски поганая операция. Но она себя оправдала, а это единственное правило в такой игре. – Он говорил все громче и громче, почти кричал.

– Ты просто себя уговариваешь, – таи же громко возразила Лиз. – Они совершили подлость. Как ты мог погубить Фидлера? Он был хороший человек, Алек, я поняла, я почувствовала это, а Мундт…

– Какого черта ты расхныкалась? – грубо оборвал ее Лимас. – Твоя партия вечно воюет. Жертвует личностью во имя общества. Так ведь у вас говорится? Социалистическая реальность

– сражаться денно и нощно, вечный бой, разве не так? В конце концов, ты осталась в живых. Что-то мне не доводилось слышать, чтобы коммунисты проповедовали священную неприкосновенность человеческой жизни. Хотя, может, я чего-то не понял, – саркастически добавил он. – Ладно, я согласен, что тебя полагалось уничтожить. Так было у него в планах. Мундт – подлая скотина, ему не имело смысла оставлять тебя в живых. Его обещания (а я думаю, он дал обещание сделать для тебя все, что в его силах) гроша ломаного не стоят. Так что тебе предстояло умереть – сейчас, через год или лет через двадцать – в тюрьме, устроенной в социалистическом раю. А может, и мне тоже. Но твоя партия, как мне кажется, стремится уничтожить целые классы людей. Или я опять что-то путаю?

Достав из кармана пачку сигарет, он протянул ей две штуки и спички. Она прикурила и передала одну Лимасу. Руки ее дрожали.

– Ты, кажется, все очень хорошо продумал. Правда? – спросила Лиз.

– Случилось так, что нами законопатили трещину, – упорно продолжал он. – Жаль, конечно. И жаль всех остальных, кем тоже законопатили трещину. Но только не надо оспаривать термины и категории, Лиз. В тех же терминах и категориях мыслит твоя партия. Небольшая потеря и огромные достижения. Один, принесенный в жертву во имя многих. Неприятно, конечно, решать, кто именно должен стать жертвой. Неприятно переходить от теории к практике.

Она слушала, видя перед собой лишь набегающую дорогу и ощущая охвативший ее тупой ужас.

– Но они заставили меня полюбить тебя, – сказала она наконец. – А ты заставил меня поверить тебе. И полюбить тебя.

– Они просто использовали нас, – безжалостно возразил Лимас. – Они обошлись с нами обоими, как с последними дешевками. Потому что это было необходимо. Это был единственный шанс. Фидлер был почти у цели, понимаешь? Он разоблачил бы Мундта, неужели ты не можешь итого понять?

– Зачем ты ставишь все с ног на голову! – вдруг закричала Лиз. – Фидлер был добрым и порядочным человеком, он просто честно работал и делал свое дело. А вы убили его. Ты убил его! А Мундт был шпионом и предателем – а ты спас его! Мундт – нацист, ты это знаешь? Он ненавидит евреев. А на чьей стороне ты? Как ты можешь…

– В этой игре действует только один закон, – возразил Лимас. – Мундт – агент Лондона, он поставляет Лондону то, что нужно. Это ведь нетрудно понять, правда? Ленинизм говорит о необходимости прибегать к помощи временных союзников. Да и кто такие, по-твоему, шпионы: священники, святые, мученики? Это неисчислимое множество тщеславных болванов, предателей – да, и предателей тоже, – развратников, садистов и пьяниц, людей, играющих в индейцев и ковбоев, чтобы хоть как-то расцветить свою тусклую жизнь. Или ты думаешь, что они там в Лондоне сидят как монахи и держат на весах добро и зло? Если бы я мог, я убил бы Мундта. Я ненавижу его, но сейчас не стал бы убивать его. Случилось так, что он нужен Лондону. Нужен для того, чтобы огромные массы трудящихся, которых ты так обожаешь, могли спать спокойно. Нужен для того, чтобы и простые, никчемные людишки вроде нас с тобой чувствовали себя в безопасности.

– А как насчет Фидлера? Тебе совсем не жаль его?

– Идет война, – ответил Лимас. – Жесткая и неприятная, потому что бой ведется на крошечной территории лицом к лицу. И пока он ведется, порой гибнут и ни в чем не повинные люди. Согласен. Но это ничем, повторяю, ничем не отличается от любой другой войны – от той, что была, или той, что будет.

– О Господи, – вздохнула Лиз. – Ты не понимаешь. Да и не хочешь понять. Ты пытаешься убедить самого себя. То, что они делают, на самом деле куда страшнее; они находят что-то в

душе человека, у меня или у кого-то еще, кого они хотят использовать, обращают в оружие в собственных руках и этим оружием ранят и убивают…

– Черт побери! – заорал Лимас. – А чем еще, по-твоему, занимаются люди с самого сотворения мира? Я ни во что такое не верю, не думай, даже в разрушение или анархию. Мне тоже противно убивать, но я не знаю, что еще им остается делать. Они не проповедники, они не поднимаются на кафедры или партийные трибуны и не призывают нас идти на смерть во имя Мира, Господа или чего-то еще. Они просто несчастные ублюдки, которые пытаются помешать этим вонючим проповедникам взорвать к черту весь мир.

– Ты не прав, – безнадежно возразила Лиз. – Они куда хуже нас всех.

– Лишь потому, что я занимался с тобой любовью, пока ты принимала меня за ханыгу?

– Потому, что они все на свете презирают, и добро и зло, они презирают любовь, презирают…

– Да, – неожиданно устало согласился Лимас. – Это цена, которую они платят, одним плевком оплевывая и Господа Бога, и Карла Маркса. Если ты это имеешь в виду.

– Но в этом и ты похож на них, на Мундта и всех остальных… Мне следовало бы знать, что со мной не станут церемониться. Верно? Они не станут, и ты тоже, потому что тебе на все наплевать. Только Фидлер был не таким… А вы все.., вы обращались со мной так, словно я.., ну, буквально ничего не значу.., просто банкнота, которой предстоит расплатиться… Вы все одинаковы, Алек.

– О Боже, Лиз, – с отчаянием в голосе сказал он, – ради всего святого, поверь мне. Мне омерзительно все это, омерзительно. Я устал. Но ведь сам мир, само человечество сошло с ума. Наши жизни – цена еще сравнительно небольшая, но ведь повсюду одно и то же: людей обманывают и надувают, их жизнями швыряются без раздумий, людей расстреливают и бросают в тюрьмы, целые группы и классы списываются в расход. А твоя партия? Бог вам судья, она воздвигла свое здание на костях обыкновенных людей. Тебе, Лиз, никогда не доводилось видеть, как умирают люди. А сколько мне пришлось на это насмотреться…

Пока он говорил, Лиз вспоминала грязный тюремный двор и охранницу, объяснявшую ей: «Эта тюрьма для тех, кто отказывается признать реальность социализма, кто полагает, что у него есть право на сомнения, кто идет не в ногу со всеми».

Лимас вдруг напрягся, вглядываясь через стекло в дорогу. В свете фар Лиз разглядела какую-то фигуру. Человек сигналил им фонариком.

– Это он, – пробормотал Лимас, выключил фары и мотор и затормозил. Когда они остановились, Лимас перегнулся назад и открыл боковую дверцу.

Лиз даже не обернулась, чтобы поглядеть на севшего в машину. Она продолжала смотреть на ночную дорогу под дождем.

– Скорость тридцать километров, – сказал незнакомец. Голос его звучал испуганно и глуховато. – Я покажу, как ехать. Когда мы доедем до места, вам нужно вылезти и бежать к Стене. Прожектор будет направлен как раз туда, где вы будете перелезать. Оставайтесь в его луче. А когда луч уйдет в сторону, лезьте. У вас на это полторы минуты. Вы лезете первым, – сказал он Лимасу, – а девушка следом. В нижней части Стены есть железные скобы, ну, а дальше подтягивайтесь. Вы взберетесь на Стену и втащите девушку наверх. Понятно?

– Понятно, – сказал Лимас. – Сколько у нас осталось времени?

– Если вы поедете со скоростью тридцать километров, мы будем там примерно через девять минут. Луч прожектора появится ровно в пять минут второго. Они дают вам полторы минуты. Ни секундой больше.

– А что случится через полторы минуты? – спросил Лимас.

– Они дают вам полторы минуты, – повторил незнакомец. – Иначе это слишком опасно. В курсе дела лишь один патруль. Им дали понять, что вас перебрасывают в Западный Берлин. Но им велено не выстилать вам ковровую дорожку. Полутора минут достаточно.

– Будем надеяться, что так, – сухо заметил Лимас. – Сколько на ваших часах?

– Я сверил свои с часами начальника патруля, – ответил человек на заднем сиденье. В руке у него вспыхнул и погас фонарик. – Двенадцать сорок восемь. Мы тронемся без пяти час. Осталось семь минут.

Они сидели в полной тишине, только дождь барабанил по крыше машины. Перед ними тянулась вымощенная булыжником дорога с тусклыми фонарями через каждые сто метров. На дороге никого не было. Небо над ними было освещено неестественным светом дуговых ламп. Временами вспыхивал и исчезал луч прожектора. Слева, на большом расстоянии от них, Лимас заметил над горизонтом пульсирующий свет, напоминающий отблески пожара.

– Что это такое? – спросил он.

– Световой телеграф. Служба информации. Передают заголовки новостей в Западный Берлин.

– Понятно, – пробормотал Лимас. Конец пути был уже совсем близок.

– Отступаться нельзя, – сказал незнакомец. – Он говорил вам об этом? Другого шанса вам не дадут.

– Знаю, – ответил Лимас.

– Если что-то пойдет не так, если вы упадете или поранитесь, все равно не возвращайтесь. Они застрелят вас прямо в зоне Стены. Вам обязательно нужно перелезть.

– Мы знаем, – сказал Лимас. – Он говорил мне это.

– Как только выйдете из машины, вы окажетесь в простреливаемой зоне.

– Знаю, – бросил Лимас. – А теперь помолчите. Машину отгоните вы сами? – добавил он.

– Как только вы выйдете. Для меня, видите ли, это тоже очень опасно.

– Весьма сожалею, – сухо заметил Лимас.

Они снова замолчали. Затем Лимас спросил:

– У вас есть оружие?

– Есть, но я не могу отдать его вам. Он сказал, чтобы я не отдавал вам, хотя вы наверняка попросите…

Лимас негромко засмеялся.

– На него похоже.

Он нажал на стартер. С ревом, который, казалось, заполнил все вокруг, машина медленно двинулась вперед.

Они проехали метров триста, и тут человек на заднем сиденье взволнованно зашептал:

– Вот сюда, прямо, а потом налево.

Они свернули на узкую улочку. По обеим сторонам стояли пустые рыночные ларьки, машина с трудом лавировала между ними.

– Поворот налево! Вот здесь!

Они быстро повернули еще раз между двумя зданиями в какой-то проезд. Через улицу была натянута бельевая веревка. Сумеют ли они проехать, не сорвав ее, спросила себя Лиз. Казалось, они попали в тупик, но тут Лимас снова услышал команду:

– Снова налево и прямо по дорожке.

Он въехал на тротуар, а потом повел машину по широкой пешеходной дорожке, слева была поломанная изгородь, а справа – глухая стена какого-то здания. Откуда-то сверху

послышался крик – кричала женщина. Лимас пробормотал «заткнись», с трудом повернул направо, и они сразу же оказались на шоссе.

– Куда теперь?

– Прямо вперед, мимо аптеки. Между аптекой и почтой – вон туда!

Человек на заднем сиденье наклонился вперед, и их лица оказались почти на одной линии. Вытянув руку, он уперся пальцем в ветровое стекло.

– Прочь! – прошипел Лимас. – Руки прочь! Какого черта! Я не могу ехать, когда вы машете рукой у меня перед носом.

Переключив двигатель на первую скорость, он быстро пересек какую-то широкую дорогу. Поглядев налево, он вдруг с изумлением увидел громоздкий силуэт Бранденбургских ворот в каких-нибудь трехстах метрах от себя и мрачное скопление военных машин возле них.

– Куда мы едем? – вдруг спросил он. – Мы почти приехали. Теперь поезжайте медленней. Налево! Налево! Налево! – кричал он, и Лимас с каждым выкриком поворачивал руль.

Через узкую арку они въехали в какой-то двор. Половина окон была без стекол или заколочена, пустые дверные проемы слепо зияли им навстречу. В другом конце двора были раскрытые ворота.

– Сюда, – шепотом прозвучала команда, в темноте этот шепот казался особенно настойчивым. – И резко вправо. Справа от вас будет фонарь. А второй, за ним, разбит. Когда доедете до второго фонаря, выключайте двигатель и подъезжайте к пожарному насосу. Вон там.

– Какого черта вы не ведете машину сами?

– Он велел, чтоб вели вы. Сказал, так надежней.

Проехав через ворота и резко свернув вправо, они оказались на узкой совершенно темной улочке.

– Выключайте фары!

Лимас выключил фары и медленно поехал к первому фонарю. Впереди уже был виден второй. Он не горел. Лимас выключил мотор, и они медленно проехали мимо второго фонаря. И вот, метрах в двадцати перед ними показались очертания пожарного насоса. Лимас затормозил, машина остановилась.

– Где мы? – прошептал Лимас. – Мы, кажется, пересекли Аллею Ленина?

– Нет, Грейфевальдер-штрассе. Потом повернули на север. Мы к северу от Бернауэр-штрассе.

– В Панкове?

– Примерно так. Вон, видите?

Он указал на улицу слева от них. В дальнем конце ее они увидели небольшой кусок Стены, серо-коричневый в утомительном свете дуговых ламп. По верху Стены была протянута колючая проволока.

– А как она перелезет через проволоку? – спросил Лимас.

– В том месте проволока перерезана. У вас минута на то, чтобы добраться до Стены. Прощайте.

Они вылезли из машины – все трое. Лимас взял Лиз под руку, но она отпрянула, словно он больно ударил ее.

– Прощайте, – повторил немец.

Лимас в ответ прошептал:

– Не включайте мотор, пока мы не перелезем.

Лиз быстро взглянула на немца и на мгновение увидела молодое, симпатичное лицо – лицо мальчика, отчаянно делающего вид, будто он не трусит.

– Прощайте, – сказала Лиз.

Она освободилась от руки Лимаса и пошла вслед за ним через дорогу, потом по узкой улочке, ведущей к Стене.

Идя по улочке, они услышали шум мотора. Машина рванула с места и поехала в ту сторону, откуда они прибыли.

– Наложил полные штаны, засранец, – пробормотал Лимас, глядя через плечо на быстро удаляющуюся машину.

Лиз, казалось, не слышала его слов.

Глава 26. С холода

Они быстро пошли вперед. Лимас время от времени оглядывался, чтобы убедиться, что Лиз идет следом. В конце улицы он остановился, отошел в тень подъезда и взглянул на часы.

– Две минуты, – пробормотал он.

Лиз ничего не ответила. Она смотрела на Стену прямо перед собой и на торчащие за Стеной коричневые руины.

– Две минуты, – повторил Лимас.

Впереди была полоса земли шириной метров в тридцать. Она тянулась вдоль Стены. Примерно в семидесяти метрах справа была сторожевая вышка, луч прожектора играл на полосе. Моросил дождь, и лампы светили тускло, оставляя во мраке весь остальной мир. Никого не было видно, ниоткуда не доносилось ни единого звука. Просто пустая сцена.

Прожектор с вышки начал двигаться по Стене к ним навстречу, медленно и словно бы неуверенно; каждый раз, когда он застывал на месте, им были видны отдельные кирпичи и кривые полосы в спешке положенного известкового раствора. И вот луч замер прямо перед ними. Лимас поглядел на часы.

– Ты готова? – спросил он.

Лиз кивнула.

Взяв ее за руку, он размеренным шагом двинулся к Стене. Лиз хотела было пуститься бегом, но он держал ее так крепко, что у нее ничего не вышло. Они были уже на полпути к Стене. Они шли в ярком полукруге света, как бы подталкивающего их вперед, луч светил прямо у них над головами. Лимас старался держать Лиз как можно ближе к себе, словно боялся, что Мундт нарушит обещание и в последний момент каким-то образом похитит ее у него.

Они почти дошли до Стены, когда луч скользнул в сторону, мгновенно оставив их в полной темноте. По-прежнему держа Лиз за руку, Лимас вслепую пошел вперед, шаря перед собой левой рукой, пока не ощутил ладонью грубое прикосновение шершавого кирпича. Теперь он уже мог различить очертания Стены а наверху – тройной ряд колючей проволоки и крепкие крючья, на которых она держалась. В Стену были вбиты железные скобы вроде тех, которыми пользуются при восхождении альпинисты. Добравшись до верхней скобы, Лимас быстро подтянулся на руках и очутился на Стене. Он рванул на себя нижний ряд проволоки – она действительно была разрезана.

– Давай, – быстро прошептал он. – Давай, забирайся.

Лежа на Стене, он опустил руку вниз, ухватил Лиз за запястье и, как только она встала на скобу, начал медленно подтягивать ее к себе.

И вдруг весь мир точно окунулся в пламя; повсюду – и сверху, и сбоку – зажглись мощные огни, они вспыхивали над головой с безжалостной неумолимостью.

Лимаса ослепило, он отвернулся и дико вцепился в руку Лиз. Сейчас ее ноги уже ни во что не упирались, Лимас решил, что она оступилась, и стал окликать ее, продолжая

подтягивать к себе. Он ничего не видел – только безумные сполохи света, плясавшие перед глазами.

Затем послышался истерический вой сирен и резкие выкрики команд. Стоя на коленях у края стены, он держал Лиз за обе руки и медленно, дюйм за дюймом, подтягивал наверх, сам на волосок от того, чтобы рухнуть вниз.

И тут они начали стрелять: одиночные выстрелы, три или четыре. Он почувствовал, как дернулось ее тело. Ее тонкие руки выскользнули из его ладоней. Он услышал, как кто-то закричал по-английски с западной стороны Стены:

– Прыгай, Алек! Прыгай!

Теперь уже кричали все разом: по-английски, по-французски и по-немецки. Лимас услышал где-то рядом голос Смайли:

– Девушка, где девушка?

Прикрыв рукой глаза, он посмотрел вниз и увидел Лиз, неподвижно лежащую у подножия Стены. Секунду-другую он помедлил, а потом неторопливо соскользнул вниз по тем же скобам и очутился возле нее. Она была мертва. Лицо было повернуто в сторону, черные волосы разметались по щеке, словно бы для того, чтобы защитить ее от дождя.

Они, казалось, некоторое время колебались, прежде чем снова начать стрелять: кто-то уже отдал приказ, а они все равно не стреляли. Наконец они выстрелили в него два или три раза. Он стоял, озираясь по сторонам, как ослепленный светом бык на цирковой арене. Падая, он успел увидеть маленькую легковушку, зажатую между огромными грузовиками, и детей, весело машущих ему из окна.